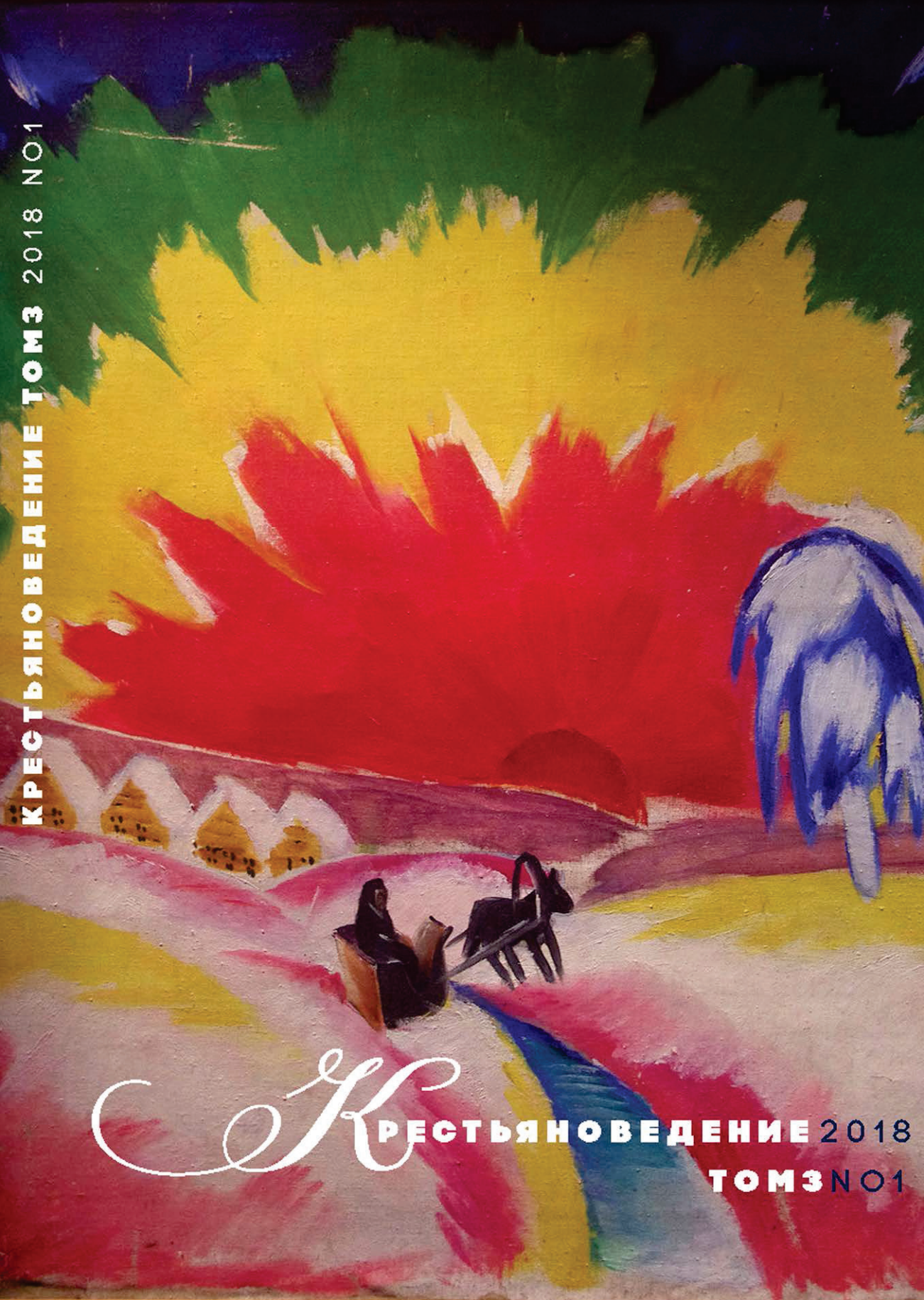

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМЗ 2018 NO1

СК

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМЗ NO1

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМ 3 NO 1

Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, Интерцентр, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Шанин, Манчестерский университет (Великобритания) председатель
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
В. Я. Узун, РАНХиГС
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

КОРРЕКТОР И. Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Северное сияние», А. А. Рыбников (1914, Государственный музей
искусств имени И. В. Савицкого, Нукус).

© Авторы статей, 2018
© РАНХиГС, 2018

Содержание

От редакции 6

История и Теория

Кузнецов И. А., Савинова Т. А. Неизвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы 7

Чаянов А. В. Аграрные догмы и фантазии (По поводу взглядов А. А. Мануйлова и Л. Н. Литошенко на природу крестьянского хозяйства) 13

Макаров Н. П. Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (по поводу книги Л. Н. Литошенко) 27

Чаянов А. В. Из области новых течений русской экономической мысли (Труды «Высшей Семинарии с.-х. экономии и политики») 34

Чаянов А. В. Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России. 41

Чаянов А. В. В коллегии государственного института с.х. экономии 54

Чаянов А. В. История современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР. 63

Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность». 74

Современность

Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case 99

Нефедова Т. Г. Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде. 117

Фадеева О. П. Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра 141

Рецензии

Бабашкин В. В. Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского. 174

Научная жизнь

Аверкиева К. В. Вологодский Лад. IV Всероссийские Беловские чтения 183

Толстов С. И., Усольцева О. В. В поисках утраченных смыслов 189

Юбилей Н. И. Шагайды. 198

Russian peasant studies

Vol. 3. 2018. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA

ADVISORY BOARD

T. Shanin, University of Manchester (UK) (chairman)
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
J. C. Scott, Yale University (USA)
V. Ya. Uzun, RANEPA
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

From the editors6
HISTORY AND THEORY	
<i>Kuznetsov I., Savinova T.</i> Unknown and little-known works of the organization-production school7
<i>Chayanov A.</i> Agrarian dogmas and fantasies (On A.A. Manuylov and L. N. Litoshenko theory of peasant economy)	13
<i>Makarov N.</i> Progress or evolution of the peasant economy (on L. N. Litoshenko book)	27
<i>Chayanov A.</i> On the new trends of the Russian economic thought (Proceedings of the Higher Seminary of Agricultural Economy and Policy)	34
<i>Chayanov A.</i> The current state of agriculture and agricultural statistics in Russia	41
<i>Chayanov A.</i> To the Board of the State Institute of Agricultural Economy	54
<i>Chayanov A.</i> The history of the current state of science of organization of agriculture and taxation in the USSR	63
Round table “Organization-production school in the Russian agrarian-economic thought: History and the present time”	74
THE PRESENT TIME	
<i>Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.</i> Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case	99
<i>Nefedova T.</i> Contemporary peasant economy in the rural-urban environment.	117
<i>Fadeeva O.</i> Sketches for the farm project: An Altai palette	141
REVIEWS	
<i>Babashkin V.</i> When the uttered thought is true, or the peasant studies of Valery Vinogradsky	174
SCIENTIFIC LIFE	
<i>Averkieva K.</i> Vologda Lad. The Fourth All-Russian Belov Readings	183
<i>Tolstov S., Usoltseva O.</i> In search of the lost meanings	189
Anniversary of N. I. Shagaida.	198

От редакции

В 2018 году российское и международное научное сообщество празднует 130-летний юбилей выдающего российского аграрника Александра Васильевича Чаянова (17.01.1888 — 03.10.1937), а также еще ряд юбилейных дат его коллег по организационно-производственной школе.

В этой связи журнал «Крестьяноведение», всегда уделявший на своих страницах внимание интеллектуальному наследию школы Чаянова, объявляет 2018 год годом организационно-производственного направления и в каждом из своих четырех номеров представит оригинальные аналитические материалы, посвященные Чаянову, его коллегам, а также их единомышленникам и оппонентам — как аграрникам либералам, так и марксистам, учитывая, конечно, в 2018 году и юбилей Карла Маркса.

В этом номере мы публикуем подборку неизвестных и малоизвестных работ А.В. Чаянова и Н.М. Макарова, которые позволяют переосмыслить доселе малоизвестные страницы интеллектуальной аграрной истории России начала XX века, связанные с именем школы Чаянова. Кроме того, мы представляем дискуссию историков, экономистов, социологов о научном наследии А.В. Чаянова и его школы на круглом столе, организованном в честь чаяновского юбилея в редакции нашего журнала.

В разделе «Современность» можно ознакомиться с работами российских и зарубежных исследователей, стремящихся творчески использовать чаяновскую методологию в научных аграрных исследованиях сегодняшнего дня.

Наконец разделы научной хроники и рецензирования представляют аналитические обзоры, связанные, прежде всего, с крестьяноведческой проблематикой, которая всегда находилась в центре аграрных исследований организационно-производственного направления.

Мы надеемся, что наша целенаправленная чаяноведческая политика этого юбилейного года даст новый импульс к изучению чаяновского наследия в российской и международной историографии, способствуя развитию современного аграрного знания в целом.

Неизвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы

И.А. Кузнецов, Т.А. Савинова

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Публикация вводит в научный оборот шесть работ выдающихся российских экономистов организационно-производственной школы — Александра Васильевича Чаянова (1888–1937) и Николая Павловича Макарова (1887–1980), — которые ранее никогда не публиковались или были опубликованы в малодоступных иностранных журналах 1920-х годов. Реконструируются обстоятельства появления каждой из данных научных работ. Публикация с комментариями призвана стимулировать дальнейшие исследования по теории и истории организационно-производственной школы, а также по истории экономической мысли в России.

Ключевые слова: история экономической мысли, история сельскохозяйственных наук, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-7-12

Предисловие публикаторов

Ниже публикуются шесть научных работ, пять из которых принадлежат перу Александра Васильевича Чаянова (1888–1937), одна — Николая Павловича Макарова (1887–1980). Три текста из шести прежде никогда не публиковались и лишь недавно найдены в архивах, два других были в свое время опубликованы на иностранных языках и здесь впервые публикуются по-русски, еще один, хотя и был опубликован на русском языке, но практически не был известен исследователям.

Идущие первыми статьи Чаянова «Аграрные догмы и фантазии» и Макарова «Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства» были написаны в 1923 году как ответы этих экономистов на критику в свой адрес, которая была высказана в брошюре Л.Н. Лито-

шенко «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства»¹. Лев Николаевич Литошенко (1886–1943) в это время работал в Центральном статистическом управлении СССР, а по совместительству — в ряде научных институтов, в том числе в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики (НИИСХЭ), которым руководил Чаянов. Он никогда не был единомышленником Чаянова, еще в 1917 году получил известность как яркий политический публицист либерального направления, выступавший с систематической критикой народнических, эсеровских и других социалистических проектов решения аграрного вопроса. В 1921–1922 годах он написал большую книгу, подводившую итоги политики «военного коммунизма» в сельском хозяйстве, в которой проводил мысль о необходимости возвращения России на путь нормального, то есть капиталистического развития (книга увидела свет лишь в 2001 году)². В небольшой книжке, написанной вслед за этим, он подверг резкой критике теоретические и мировоззренческие основы организационно-производственной школы, к которой он причислял А.Н. Челинцева, А.В. Чаянова, Н.П. Макарова и А.А. Рыбникова. Литошенко характеризовал их как неонародников и «фанатиков крестьянского хозяйства», считал их теорию трудопотребительского баланса пригодной лишь для натурального хозяйства, а перспективы экономического развития, вытекающие из их теории, неприемлемыми, ведущими страну в тупик. До сих пор было известно три отклика в печати на эту книгу³, и казалось странным, что среди них нет ответов самих экономистов организационно-производственной школы, критике которых она посвящена. Оказывается, такие ответы существовали, но не были опубликованы. Тексты статей Чаянова и Макарова были найдены Т.А. Савиновой при разборе и описании документов и библиотеки А.Н. Челинцева, сданных в Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Листы, согнутые пополам, лежали между книг.

Статья Чаянова написана 22 мая 1923 года в Гейдельберге. Статья Макарова — без даты, без места. Судя по фразе в статье Чаянова, что о социально-политической стороне вопроса «по разверстке» полагается писать Макарову, авторы согласовали свои действия, и вторая статья, очевидно, также датируется весной-началом лета 1923 года. Известно, что супруги Макаровы прибыли

1. *Литошенко Л.Н.* (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М.: Русский книжник.
2. *Литошенко Л.Н.* (2001). Социализация земли в России. Новосибирск: Новый хронограф.
3. Известные рецензии: *Дубровский С.* (1923). Обзор литературы по аграрному вопросу // Вестник социалистической академии. № 3. С. 295–298; *Базыкин С.* (1923) // Сельское и лесное хозяйство. Кн. 9. С. 229–232; *Жиркович И.* (1923) // Вестник сельскохозяйственной кооперации. № 6. С. 50–51. Библиографию Литошенко см.: *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. С. 525–532.

из Америки в Европу в июне 1922 года и прожили сначала в Чехословакии, а затем в Германии еще два года. Таким образом, обе статьи писались, когда авторы находились за границей, а их критик — в Москве.

К Челинцеву статьи могли попасть либо в Праге, где они с Макаровым работали в Русском институте сельскохозяйственной кооперации, либо в Берлине, куда он приезжал в командировку в 1924 году в Высшую сельскохозяйственную школу для ознакомления с методикой преподавания экономики сельского хозяйства и проведения семинаров по сельскохозяйственной статистике профессором Эребо (Аэребое)⁴. Возможно, предполагалась их публикация в эмигрантских журналах «Крестьянская Россия» или «Кооперация и сельское хозяйство: Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге», где Челинцев был одним из редакторов. Верхний правый угол первого листа статьи Чаянова аккуратно оборван, но остались два слова от находившейся там надписи чернилами: «...появления в печати» и подпись «А. Ч.» Причины, по которым статьи не увидели свет, не ясны.

Найденные тексты предоставляют современным читателям возможность стать участниками дискуссии блестящей плеяды русских экономистов 1920-х годов. Богатое содержание статей требует отдельного, обстоятельного анализа, который еще предстоит сделать исследователям.

Вслед за этим помещаются три статьи Чаянова, публиковавшиеся в разные годы в зарубежных журналах. Чаянов выступает в них не только как лидер организационно-производственного направления, но и как представитель всей советской аграрно-экономической науки 1920-х годов.

Первая статья «Из области новых течений русской экономической мысли» вышла в 1922 году в берлинском эмигрантском журнале «Новая русская книга», который издавал профессор-юрист Александр Семёнович Яценко (1877–1934). В ней Чаянов лаконично охарактеризовал начальный этап работы созданного им в 1919 году при Тимирязевской академии Высшего семинария Сельскохозяйственной экономики и политики, который позднее стал Научно-исследовательским институтом. Деятельность семинара представлена на фоне широкой картины общего возрождения экономических наук в Советской России после завершения политики военного коммунизма.

Вторая статья «Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России» была опубликована в 1928 году на французском языке в журнале «Revue d'économie

*И.А. Кузнецов,
Т.А. Савинова*
Неизвестные
и малоизвестные
работы экономистов
организационно-производственной
школы

4. *Бельвич Ю.В.* Челинцев Александр Николаевич (1874–1962) (2004) // Новый исторический вестник. № 2. С. 252.

politique»⁵, главным редактором которого был известный теоретик кооперативного социализма и историк экономической мысли Шарль Жид (1847–1932). Рассказывая французской аудитории о состоянии аграрно-экономических исследований в СССР, Чайнов дал ёмкое изложение существа своей теории трудового хозяйства, а также весьма содержательный обзор всей палитры проблем, над которыми работали исследователи различных научных и идеологических течений, включая аграрников-марксистов.

Появление этой статьи было встречено в Советском Союзе недружелюбно. В журнале Коммунистической академии «На аграрном фронте» появилась разгромная статья молодого марксиста, бывшего чайновского «аспиранта» И.Д. Верменичева, в которой тот, используя французскую статью в качестве повода, обрушился на теорию крестьянского хозяйства Чайнова и организационно-производственное направление в целом⁶. В ответ Чайнов написал письмо в коллегию НИИСХЭ, в котором еще раз разъяснял свою позицию и рассказывал о некоторых обстоятельствах появления статьи. В этот момент он уже был снят с должности директора своего института, оставаясь там научным сотрудником. Адресуясь в «коллегию» института, он фактически обращался к новому директору, Л.Н. Крицману. Поэтому оба текста — русский текст французской статьи и ответ Чайнова Верменичеву — сохранились в архиве Российской академии наук в личном фонде Крицмана (Ф. 528).

Лев Натанович Крицман (1890–1938) в 1920-е годы являлся лидером советских аграрников-марксистов, членом президиума Коммунистической академии, редактором журнала «На аграрном фронте», и в этом качестве выступал главным разоблачителем и идейным гонителем всех ученых-аграрников не-большевиков, в особенности А.В. Чайнова, а также Н.Д. Кондратьева, на которого он ополчился в связи с проектом пятилетнего плана развития сельского хозяйства. В конце 1920-х годов Крицман помимо НИИСХЭ возглавлял также Институт экономики РАНИОН и созданный в 1928 году Аграрный институт Комакадемии. Вопреки циркулирующей в интернете информации⁷ он не подвергался репрессиям, а умер в результате продолжительной болезни.

В его архиве обнаружился и еще один публикуемый ниже текст чайновской статьи, которая была напечатана в 1930 году в авто-

5. *Tchayanoff F.* (1928). L'état actuel de l'économie et de la statistique agricoles en Russie // *Revue d'économie politique*. Paris. Vol. 42. № 1. P. 82–96.
6. *Верменичев И.* (1928). Об одной вылазке неонародника // *На аграрном фронте*. № 10. С. 19–38. Судьба Ивана Дмитриевича Верменичева (1899–1938) трагична: в 1937 году, будучи заместителем председателя Госплана СССР и начальником Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана, то есть руководителем советской статистики, он был арестован и вскоре расстрелян.
7. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крицман,_Лев_Натанович и др. (дата обращения 25.02.2018).

ритетном американском журнале под заглавием «Организация и развитие экономики сельского хозяйства в России»⁸. Рукопись озаглавлена иначе: «История современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР». Поскольку машинописные листы не имели подписи, архивисты ошибочно включили эту рукопись в число работ самого Крицмана. Сличение текстов показывает, что журнальная версия была сокращенной и содержала некоторые ошибки перевода, например, Ленин именовался профессором и т.п. Русскоязычный, исходный вариант статьи представляется не только более полным, но и более адекватным замыслу автора.

Публикация на русском языке под одной обложкой обзорных статей Чайнова, касающихся истории российской аграрно-экономической науки, думается, будет стимулировать дальнейшие исследования как по теории и истории организационно-производственной школы, так и по истории российской экономической мысли в целом. В статьях, при их относительно небольшом объеме, упоминается множество ученых: совокупный персоналий трех статей насчитывает 118 имен. Среди них много известных людей, классиков науки, биографиям которых уже посвящены специальные работы или информацию о которых нетрудно почерпнуть в интернете. Однако встречается и немало имен ученых, о которых ничего или почти ничего не известно. Считая их своими близкими коллегами, Чайнов порой даже не ставил инициалов, ограничиваясь лишь фамилиями. Все это создает естественные трудности при комментировании. Ввиду чрезмерного объема биографической и библиографической информации, с одной стороны, и дефицита информации, с другой, публикаторы были вынуждены отказаться от мысли дать полные поименные примечания. Поскольку основной целью публикации является введение текстов Чайнова в научный оборот для их последующего содержательного анализа, публикаторы решили ограничиться минимумом, оставив без биографических примечаний имена классиков и всех достаточно известных ученых, имеющих подробные статьи в интернет-энциклопедиях. В сносках помещена лишь информация, необходимая для точной идентификации той или иной персоны, иногда приводятся лишь имена-отчества и годы жизни.

Примечательно, что из 118 имен около трети (37) приходится на имена классиков или ученых, уже умерших к концу 1920-х годов, 14 имен — иностранных ученые или русские эмигранты, не жившие в СССР, но целая треть (33,9%), 40 человек, не считая самого А.В. Чайнова, то есть подавляющее большинство советских ученых и деятелей науки, подверглись репрессиям в 1930-е годы.

8. *Tchayanov A.* (1930). The organization and development of agricultural economics in Russia // *American Journal of agricultural Economics*. Menasha. Vol. 12. № 3. P. 270–277.

Некоторые были расстреляны, как В.П. Дроздов, Н.Д. Кондратьев, И.Д. Лопатин, А.Н. Минин, Н.П. Огановский, В.И. Рыков, А.А. Рыбников, С.А. Фалькнер и другие; кто-то умер в заключении, как Л.Н. Литошенко, Г.А. Студенский, М.Е. Шефлер; для некоторых арест длился всего несколько месяцев, как для С.В. Бернштейна-Когана, Н.Н. Шапошникова, С.А. Первушина (факт ареста не отмечен в Википедии); для иных же заключение и ссылки растянулись на долгие годы, как для А.Л. Вайнштейна, С.М. Дубровского, Н.С. Четверикова и многих других. Судьбы нескольких арестованных ученых до сих пор точно не известны (И.Н. Жиркович, И.А. Конюков и др.). При этом еще остался ряд людей (15 фамилий), биографии которых в 1930-е годы проследить пока не удалось. Думается, этот прискорбный факт следует все время иметь в виду при чтении статей Чаянова о плодотворной работе ученых-аграрников в Советском Союзе 1920-х годов.

Все примечания имеют сквозную нумерацию, при этом авторские примечания отмечены знаком «*», авторские ссылки на литературу уточнены и исправлены, примечания публикаторов не имеют отметки; пояснения публикаторов, добавленные в авторский текст, даны в квадратных скобках [].

Unknown and little-known works of the economists of the organization-production school. A foreword

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at the School of Public Policy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: [HYPERLINK "mailto:repytwjd68@mail.ru"](mailto:repytwjd68@mail.ru) repytwd68@mail.ru.

Tatiana Savinova, PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economy; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

The journal publishes six works of the outstanding Russian economists of the organization-production school — Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) and Nikolai Pavlovich Makarov (1887–1980), which have not been published before or were published in quite inaccessible foreign journals in the 1920s. This publication with the comments reconstructs the circumstances in which these scientific works were written, and aims at stimulating further research on the theory and history of the organization-production school and the history of the economic thought in Russia.

Keywords: history of economic thought, history of agricultural sciences, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov, N.P. Makarov

Аграрные догмы и фантазии

(По поводу взглядов А.А. Мануйлова и Л.Н. Литошенко на природу крестьянского хозяйства)

А.В. Чайнов

Публикуется статья классика российской аграрно-экономической мысли, лидера организационно-производственной школы 1920-х годов Александра Васильевича Чайнова (1888–1937), написанная в 1923 году в ответ на книгу Льва Николаевича Литошенко, в которой с позиций экономического либерализма критиковалась теория крестьянского хозяйства организационно-производственной школы. В статье даны разъяснения по ряду спорных моментов аграрно-экономической теории Чайнова и ее интерпретаций. Статья ранее не публиковалась, подлинник документа хранится в Российском государственном архиве экономики. Публикация имеет цель ввести недавно выявленный в архиве текст в научный оборот, чтобы стимулировать дальнейшие исследования по теории и истории организационно-производственной школы и истории российской экономической мысли в целом. Публикация подготовлена, примечания составлены И.А. Кузнецовым и Т.А. Савиновой.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чайнов, Л.Н. Литошенко, А.А. Мануйлов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-13-26

Бывает критика, которая очень много дает исследователю, заставляет его в корне пересмотреть уже сделанное, вносит новые положения и дает стимул к новой творческой работе.

К сожалению, недавно опубликованную работу Л.Н. Литошенко «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства» (Москва, 1923 г.) к этому разряду причислить при всем желании невозможно.

Нового, творческого в решение проблемы она ничего не вносит, даже не пытается формулировать положительных выводов автора, а в большей своей части представляет собой ожесточенные нападки на положения, которые уже давно оставлены самими критикуемыми авторами, или же вовсе ими никогда не выдвигались.

До сих пор в отношении критики этого рода у меня не появлялась потребность серьезно с ней считаться и отвечать, и ее перлы обычно использовались мною по преимуществу в педагогических целях и включались в списки объектов для разбора в зачетных сочинениях студентов. Некоторые из этих зачетных работ, если мне не изменяет память, попали даже в свое время в печать.

И если работа Льва Николаевича заставляет меня взяться за перо, то главным образом по двум причинам:

1) При моей многолетней личной дружбе с критиком мое молчание могло бы показаться невежливым.

2) За спиной Льва Николаевича ясно вырисовываются очертания весьма крупного общественно-политического течения, и ответа требуют собственно не столько научные выводы, сколько общественно-политические сентенции, содержащиеся в брошюре.

Свою статью я постараюсь сделать как можно более краткой, ибо ответом на всякую критику теории трудового хозяйства является вышедшая недавно в Берлине моя большая работа, являющаяся, в сущности говоря, первой систематической сводкой нашего учения¹.

Прежде всего постараемся уяснить себе, из чего состоит брошюра Л.Н. Литошенко и как она сделана.

Описав вкратце историю «господствующей» в русской литературе организационно-производственной школы (да простит господь бог на страшном суде Николая Макарова за это неуклюжее наименование), наш критик ругает нас одновременно и марксистами и народниками, обвиняет в очень плохом знании теоретической экономики и, попугав грядущей статьёй проф[ессора] Мануйлова об аграрных догмах и фантазиях², переходит к изложению самого учения.

Это изложение наш критик ведет, с одной стороны, путем приведения на выборку цитат из Челинцева, Макарова и Чаянова (Бруцкус почему-то, очевидно, за хорошее поведение помилован³), относящихся к различным фазам развития теории и часто выхваченных из популярных брошюр, а с другой стороны, путем несколько неосторожного опубликования части рукописи проф[ес-

1. *Tschajanow A.* (1923). Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau / Unter Mitwirkung des Verfassers aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Schlömer; Mit einem Vorwort von Dr. Otto Auhagen. Berlin: Parey.
2. Л.Н. Литошенко ссылался на рукопись статьи А.А. Мануйлова «Аграрные догмы и фантазии», обнаружить которую нам не удалось. С критикой трудопотребительского подхода к изучению крестьянского хозяйства и чаяновской теории кооперации в середине 1920-х годов выступал Александр Александрович Мануйлов (1888–1956), сын известного экономиста: *Мануйлов А.А.* (1925). К теории сельскохозяйственной эволюции. М.: Новая деревня (с. 50–63, 85–87, 108–110; там же положительно оценивается брошюра Литошенко: с. 83–84). Вероятно, он же (а не Мануйлов-старший, как можно подумать, читая Чаянова) был и автором упоминаемой здесь рукописи.
3. Б.Д. Бруцкуса обычно причисляли к сторонникам организационно-производственного направления в аграрной теории, однако с 1920 года он выступал с критикой социализма, как экономической системы, и результатов аграрной революции, и в этих вопросах его позиции полностью совпадали с точкой зрения Л.Н. Литошенко.

сора] А.А. Мануйлова, являющегося, вообще говоря, как это можно понять из брошюры, главным вдохновителем критики и совершенно неправильно понимающего в своих пяти тезисах то, что он берется изложить.

Несмотря на такой способ изложения и вопреки неизвестно на чем основанному убеждению своего вдохновителя, что основой нашей теории является независимость трудового хозяйства от рыночных цен и уровней заработных плат (надо же выдумать), Лев Николаевич доказывает все же, что для него не прошли даром многие годы совместной работы с объектами его критики, и совершенно правильно заключает: «Осью, вокруг которой вращается неонародническая система, мы признаем гипотезу трудового потребительского баланса»⁴.

Далее, потратив четыре страницы на изобличение не существующих противоречий, Лев Николаевич вскрывает нашу подоплеку и находит, что, если мы и не совсем социалисты, то, во всяком случае, сильно скомпрометированы участием в революционных учреждениях.

Далее идет критика сначала наших теоретических, а затем и статистических выводов.

Привыкши с глубоким уважением в стенах Высшего семинара с[ельско]х[озьяйственной] экономики и политики относиться к силе теоретического мышления Льва Николаевича, я более пяти раз перечел в недоумении теоретическую часть критики, но так и не понял, в чем дело. То ли в стоящей за Литошенковской критикой рукописи «Аграрные догмы и фантазии» такая же пустота теоретического содержания, то ли автор этой рукописи считает преждевременным обнаружить все свои теоретические аргументы.

Все содержание главы сводится к тому, что «неонародники» путают «домоводство» с «приобретательством», и что теория трудового потребительского баланса применима к натуральному хозяйству, крестьянское же хозяйство России носит товарный характер. Причем нигде ни одного аргумента не приводится для того, чтобы доказать, что теория вышеупомянутого баланса не применима к чисто товарному хозяйству.

В критике статистических выводов Лев Николаевич победоносно опровергает мои работы 1911 г. моими же работами 1915 г. и бьет против положений, которые приводит в своих собственных формулировках, совершенно не поддерживаемых критикуемыми им авторами.

Несмотря на это, на этой части критики нам придется остановиться более подробно для окончательного устранения ряда критических «фантазий», начинающих становиться объективно вредными.

4. Литошенко Л.Н. (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М. С. 12.

Разрушив до основания всю систему «неонародничества», Лев Николаевич приходит к изложению своих взглядов и неожиданно... *принимает нашу точку зрения*⁵.

Он доказывает, что в крестьянине живет две души — одна, к сожалению, потребительская, другая же — приобретательская.

Потребительская душа очень плоха, безнадежна и ведет Россию к несомненной гибели, что с несомненностью подтверждается не только ссылками на автора «Аграрных догм и утопий», но и на самого Мальтуса. В этот же миг критика превращается в пламенный политический памфлет, трактующий о том, что хотя на Руси и существует крестьянское хозяйство, покорное теориям Челинцева, но что сие из рук вон плохо и подлежит коренной перепелке. К черту высокую плотность населения. К черту аграрное перенаселение. Да здравствует, во славу Мальтуса, редкое крепкое хозяйство, имеющее приобретательскую душу и исполинскую покупательную способность для капиталистической промышленности.

Организационно-производственная школа повержена и на ее обломках поставлена Цвейкиндресистем-школа⁶.

Таково содержание брошюры. Центр ее — в намеченных общественно-политических линиях экономической политики, все остальное, в сущности, ни при чем и мало серьезно, и могло бы быть без потери опущено. Однако нам надлежит внимательно остановиться и на первой части, ибо она может внести достаточный сумбур.

Оставляя в стороне всякие риторические орнаменты и уязвления^{7*}, мы считаем необходимым остановиться на следующих критических положениях Л.Н. Литошенко, в которых он подвергает нас жесточайшей критике:

1) Наши теории построены, исходя из натурального типа организации сельского хозяйства, в действительности же крестьянское хозяйство давно носит товарный характер.

2) «Неонародники» считают, что весь строй крестьянского хозяйства определяется годовыми потребностями семьи, кои стоят на неподвижном бытовом уровне, в то время как на самом деле уровни благосостояния крестьянских семей весьма эластичны.

5. В подлиннике выделение дано разрядкой.

6. Цвейкиндресистем — теория о достаточности для гармоничной семьи иметь двоих детей; термин, заимствованный из немецкого языка, имел хождение в советской литературе 1920-х годов.

7. *Одну только мелочь я считаю необходимым пояснить. Лев Николаевич, усматривая у меня все-таки некоторые проблемы теоретического понимания методологического индивидуализма, сожалеет, что мне не удается до конца выдержать эту точку зрения и обвиняет меня, что я в учении об организации кооперативного аппарата перехожу к органической точке зрения. Вся беда тут в том, что идеологи городской индустрии никак не могут мыслить себе крестьянскую кооперацию иначе, как в формах кооперативов первой степени и никак не могут постичь, что... [Сноска обрывается]

3) Чаянов утверждает, что продукция работника увеличивается только под давлением увеличения отношения числа едоков к числу работников, а это на самом деле совсем не так.

4) «Неонародники» считают, что по мере увеличения размеров семьи растет и объем хозяйства, на самом же деле семья растет в зависимости от материальной возможности ее содержать.

5) Челинцев и братья утверждают, что крестьянское хозяйство «получает только заработную плату и никаких излишков не имеет», в то время как хорошее приобретательское крестьянское хозяйство получает и ренту, и процент на капитал, и предпринимательскую прибыль и даже режет купоны выигрышных займов.

Разобравшись в этих, так сказать, прямых уликах наших против истины, мы с особенным вниманием остановимся на положениях проф[ессора] А.А. Мануйлова, который, по словам Литошенко, «отбрасывая цветы красноречия фанатиков крестьянского хозяйства и освободившись от гипноза привычной фразеологии, хорошо передает сущность нашей теории» в своих отныне исторических в истории вопроса пяти пунктах и окончим наш разбор установлением нашей точки зрения на желательные линии в направлении экономической политики в отношении крестьянского хозяйства.

В указанном порядке мы и будем отвечать.

1) С самых первых своих работ по вопросам крестьянского хозяйства мы мыслили его себе не в натуральных, а исключительно только в товарных формах. Так, например, еще в первой части «Очерков по теории трудового хозяйства» 1912 года на первой странице черным по белому напечатано: «Объектом нашего анализа предполагаются хозяйства, вступившие в денежно-товарные отношения. Таким образом, продукты, изготовляемые нашими хозяйствами, потеряли качественно-потребительскую окраску и носят уравновешивающий абстрактный характер ценности»⁸.

Нужно иметь, кроме знания теоретической экономии и ее методов, весьма небольшое умение владеть этими последними для того, чтобы понять, что сама теория единого трудопотребительского баланса в том виде, как она излагается нами, вообще говоря, возможна только при товарном хозяйстве, когда тягостность добычи предельного рубля годовой выработки, в какой бы качественной форме он ни был получен, сопоставляется с той предельной полезностью его, которую он получает, будучи направлен на удовлетворение предельно удовлетворяемой потребности. Причем предельный рубль может быть заработан в виде хотя бы кулитки льна⁹, а потрачен в форме приобретения брошюр Льва Николаевича.

В отношении же к натуральному хозяйству теория баланса дол-

8. Эта фраза была дана в примечании на первой странице указанной работы, см.: Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 70 (сноска).

9. Кулитка — связка льноволокна весом 3–4 кг.

жна быть значительно изменена, так как в нем баланс меры тягостности труда и мера удовлетворения потребности должен быть достигнут для каждой потребности в отдельности и никакими усилиями в полевых работах не покроешь нужды в шерстяном одеяле.

Таким образом, я утверждаю, что при всех своих теоретических построениях имею в виду только товарное крестьянское хозяйство, не могу иметь никакого другого и всегда это печатно заявлял. Тем не менее я уверен, что, несмотря на столь определенную категоричность моего заявления, Литошенко и другие будут продолжать и впредь считать, что мы являемся теоретиками и идеологами натурального хозяйства, ибо им полемически выгодно причислить нас к народнически настроенным защитникам отживающих форм хозяйства.

2) Лев Николаевич обвиняет нас, что мы принимаем «бытовой уровень потребления» как некое неподвижное задание, арифметически определяющее размеры крестьянского хозяйства и победоносно опровергает это... нашими же цифрами.

А дело просто в том, что полемически нашим критикам выгодно смешивать в одну кучу все фазы в развитии нашей теории и выхватывать из моих юношеских работ 1911 года то, что мною же при углублении исследования было оставлено к 1915 году.

Действительно, эмпирический материал, бывший в моем распоряжении в 1910 году — воронежские работы Щербины¹⁰ — давали почти при всех группировках, в том числе и при группировке по размерам землепользования, весьма устойчивые ряды одних и тех же почти величин.

При работе над «Очерками трудового хозяйства» это обстоятельство причинило мне немало хлопот, так как теоретически, заметьте это, Лев Николаевич, исходя из принятой мной теории трудопотребительского баланса, было необходимо, чтобы бюджет едока при увеличении отношения едока-работника падал, а при улучшении условий производства — возрастал. Эмпирически это тогда еще не было получено и пришлось согласиться с предложенной В.К. Дмитриевым¹¹ гипотезой разрыва функции потребления, т[о] е[сть] некоторого постоянного бытового уровня в удовлетворении потребностей.

Впоследствии, при переходе от воронежских бюджетов к более совершенным материалам, это противоречие удалось устранить, что

10. Щербина Федор Андреевич (1849–1936) — один из основоположников бюджетной статистики крестьянского хозяйства в России, здесь имеется в виду его работа «Крестьянские бюджеты» (Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1900).

11. Дмитриев Владимир Карпович (1868–1913) — российский экономист; в примечании к «Очеркам трудового хозяйства» 1912 г. Чаянов выражал ему «глубочайшую благодарность» за помощь в работе.

и приводилось мною в старобельской работе¹², не в противоречие, а в подтверждение теории баланса. Различие же в уровнях благосостояния мною эмпирически было установлено еще в 1913 году, ибо вся вторая часть очерков по теории трудового хозяйства построена на группировках по высоте бюджета.

Литошенко, следовательно, не только ломится в открытую дверь, но проявляет полемическую забывчивость, ибо я доподлинно знаю, что в его библиотеке и библиотеке А.А. Мануйлова оба выпуска очерков по теории трудового хозяйства имеются.

Если же мы и теперь иногда продолжаем говорить о бытовом уровне потребления, то подразумеваем под этим не постоянную норму потребления, а известную систему эластичности потребностей, определяющих собою строение потребительского бюджета крестьянских семей.

К сожалению, несмотря на это, Литошенко и другие еще многие годы будут цитировать мои детские работы и утверждать, что я все вывожу из неподвижных норм бытового уклада, будут утверждать, ибо им выгодно причислить нас к романтикам патриархального строя.

3) Литошенко без всяких даже цитат, просто на честное слово стремится убедить читателя (с. 26), будто Чаянов утверждает, что «продукция работника увеличивается только под давлением увеличения отношения едоки/работники»¹³.

Не знаю, какой Чаянов это утверждает, но что касается меня, то анализ трудопотребительского баланса в очерках по теории трудового хозяйства прямо начинается с выяснения влияния высокой оплаты единицы труда на увеличение продукции работника, чему приводятся как эмпирические, так и теоретические основания. Поэтому, если, по словам Литошенко, какой-то неизвестный мне Чаянов и был вынужден признать влияние обоих факторов (семьи и условий производства), то для меня это всегда было логическим следствием теории баланса. Да и вообще говоря, давно пора понять, что группировки по отношению едок/работник вовсе не есть всеобъемлющая суть нашей теории, как думают, очевидно, Литошенко, Мануйлов и другие, а только один из методологических приемов количественного анализа процессов, приводящих к установлению трудопотребительского баланса. И если эта группировка так раз-

12. Чаянов А.В. (1915). Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губ. Т. 1. М.

13. У Литошенко это утверждение высказано в такой форме: «Если семья определяет размеры хозяйства, и если «продукция» работника увеличивается только под давлением ухудшающегося отношения $e : p$, то доход крестьянского хозяйства, разделенный на число членов семьи, должен дать более или менее одинаковую величину» (Литошенко Л.Н. (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. С. 26).

дражает наших критиков, я, при их желании, могу изложить всю нашу теорию, ни разу не упоминая даже об этой группировке^{14*}.

Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с очерками по теории трудового хозяйства, которые Лев Николаевич почему-то избегает цитировать, чтобы не приписывать мне всякой ерунды. Тем не менее я утверждаю, что и впредь Литошенко, Мануйлов и другие будут это делать, так как им выгоднее разносить ими самими созидаемого воображаемого противника, чем оспаривать старые положения Госена–Джевонса, применяемого нами к теоретическому анализу крестьянского хозяйства.

4) Литошенко признает причинную связь между размерами семьи и размерами хозяйства, но полагает, в противоположность нам, что первое всецело определяется вторым, и объявляет тем самым нашего российского крестьянина уже практически мальтузианцем, отклоняющимся от любезной нашему критику цвейкиндерсистемы только в случаях особого успеха своего приобретательства.

Вот поистине величайшая интуиция и, к сожалению, не только Льва Николаевича, но и многих, увы, очень милых, других.

Для того чтобы это обосновать не святой интуицией, а эмпирическими доказательствами, необходимо установить, что в малопосевных группах прирост населения, или что то же — процент детей — ниже, чем в многосеющих.

Вопрос эмпирического факта, не правда ли?

Попробуйте подсчитать.

В имеющей выйти в Берлине нашей книге такие подсчеты есть, и они убеждают нас, что, к сожалению, Бибиковского перевода и маленького сокращенного Солдатенковского издания Мальтуса¹⁵ оказалось недостаточно для распространения его взглядов среди русского крестьянства.

Быть может, Ваша брошюра, дорогой Лев Николаевич, будет счастливее. Впрочем, для Вас это к лучшему, ибо если бы это уже было так, то Вам незачем было бы писать Вашу шестую главу.

5) Однако, самым выдающимся критическим перлом Льва Николаевича является глубокомысленное утверждение (с. 30), что согласно организационно-производственной школе «крестьяне получают только заработную плату и никаких излишков не имеют».

14. *Лев Николаевич забывает, что и сама теория баланса выдумана не мною, а является только применением очень старых положений Госена, Джевонса и, если на то пошло, развитием еще более древнего положения царя Соломона, высказанного в его притчах (глава 16, стих 26). [Госсен Герман Генрих (1810–1858), Джевонс Уильям Стенли (1835–1882) — основоположники маржинализма. Упомянутый библейский стих: «Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его».]

15. Чайанов имеет в виду два первых издания «Опыта закона о народонаселении» Т. Мальтуса на русском языке: в переводе П.А. Бибикова 1868 г. и в переводе И.А. Вернера в издательстве К.Т. Солдатенкова 1895 г.

Хотел бы я посмотреть хоть одну цитату из челинцевских, макаровских и своих работ, где бы мы утверждали, что крестьянин получает заработную плату как народнохозяйственную категорию^{16*}.

Дорогой Лев Николаевич, Вы, к сожалению, никак не можете выбраться из заколдованного круга душющих Вас терминов капиталистической экономии и стремитесь мыслить в них то, что, вообще говоря, в них немыслимо.

Поверьте, что в крестьянском хозяйстве, в его чистой культуре не только никто не получает заработной платы, но даже в свойственной трудовому хозяйству системе теоретической экономии этой народнохозяйственной категории и быть не может.

Что же касается единого трудового дохода семейного хозяйства, который Вы именуєте весьма малоубедительным термином условно чистый доход, — то он может быть выше и ниже заработных плат сосуществующей ему системы капиталистического хозяйства.

Что же касается «избытков», то мне, конечно, неудобно обвинять одного из лучших специалистов по бюджетным исследованиям в незнании бухгалтерии¹⁷, но я все же решаюсь заметить, что «излишки», как разница между бюджетными приходами и расходами, ни уму ни сердцу ничего не говорят. Единственно, что можно из наличности их вывести — это то, что в активе хозяйства в момент заключения счетов имела некоторая сумма ценностей в денежной наличности или амбарных запасах. Устанавливается только форма актива и больше ничего.

На другой же день она может превратиться в хозяйственную затрату или овечий полушубок, и тогда «избытки» исчезнут.

Для Ваших же собственных интересов советую вам, следуя указаниям любого курса бухгалтерии, сопоставить прихода-расходный баланс со счетом капитала и учитывать «приобретательский результат» хозяйства по сальдо этих счетов, а не по бюджетным остаткам земско-статистических сборников.

Поверьте, что часто хозяйство без «излишков» может в течение года в полтора раза увеличить свои капиталы, а «излишки» при обычной технике бюджетных публикаций получатся просто от того, что крестьянское хозяйство в момент исследования не успело дожить зарезанную им корову.

16. *В своих «Старобельских бюджетах» и «Русском льноводстве» [Чаянов А.В. (1917). Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М.] я учитываю крестьянские хозяйства методами капиталистической бухгалтерии и оцениваю труд по нормам заработных плат, но и в том и в другом случае оговорена условность этого приема (см. с. 118, стр. 15 сверху; Лен с. 87, стр. 2 снизу).

17. Л.Н. Литошенко возглавлял отдел бюджетной статистики ЦСУ СССР; А.В. Чаянов с 1913 г. преподавал сельскохозяйственную бухгалтерию в Московском сельскохозяйственном институте.

Приводимая Вами таблица влияния «внутрихозяйственной ренты» (?) на «условно чистый доход», или, отбрасывая эти в высшей степени неудачные или почти бессмысленные термины, влияние размеров оборотного капитала крестьянского хозяйства (включая в оный и пресловутые «излишки» и затраты на восстановление основного капитала), на высоту выработки крестьянской семьи весьма интересна. Но знаете, что она обозначает, Лев Николаевич, — увеличение капиталобразующей силы крестьянского хозяйства под влиянием повышения уровня благосостояния. Говоря иначе, и в этом случае зависимость обратна той, которую хотите увидеть Вы.

Как это получается, Вы увидите из моей новой книги, в которой этой проблеме посвящена целая глава о капитале в крестьянском хозяйстве.

Таково содержание и основание пяти крупнейших критических идей Литошенко. Все остальное менее интересно, но выдержано в том же стиле кавалерийского полета на позиции чаще всего воображаемого противника.

Оканчивая этим свою дружескую полемику с Львом Николаевичем, я позволяю себе перейти к анализу опубликованной части рукописи А.А. Мануйлова «Аграрные догмы и утопии», явлению, с моей точки зрения, весьма показательному и серьезному с точки зрения общественно-политического мышления весьма влиятельных кругов нашего общества.

Глубоким несчастьем русской культуры последних десятилетий являлось то обстоятельство, что, несмотря на земледельческий характер нашей родины, все наиболее деятельные деятели и мыслители ее выходили из городских промышленных и финансовых кругов и никогда не могли покинуть свойственную этим кругам точку зрения. Деревня, сельское хозяйство всегда рассматривались ими как некая низшая категория, как материал для базиса, долженствующего служить опорой единственно ценной, единственно подлинной городской культуре и промышленности. Высокая покупательная способность деревни, ее налогооблагаемость, да, пожалуй, еще даваемые ею кадры дешевых рабочих рук — вот все, что от нее требовалось. В остальном она игнорировалась как нечто низшее, не дающее возможности развернуться талантливому кондотьеру¹⁸ капитализма.

Конечно, все это нашими городскими кругами осознавалось далеко не столь ясно и цинично, но все же даже в те минуты, когда лучшие из их деятелей и мыслителей обращались к деревне, они органически не могли ее мыслить иначе, как в образах и формах городского мышления и городской экономики.

18. Кондотьер (итал.) — буквально: командир воинов-наемников; здесь в переносном смысле — человек, готовый ради выгоды защищать любое дело.

 А.А. Мануйлов

А.В. Чаынов

1. Крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительского типа, пользующееся для обработки земли трудом своих членов.

1. Крестьянское хозяйство есть хозяйственная деятельность (как в земледелии, так и в промыслах) крестьянской семьи, стремящейся есть не только черный хлеб, но и говядину и весьма склонной к приобретению и граммофона, и золотых часов, и облигаций выигрышного займа, и акций, и прочих прекрасных вещей, но, к сожалению, ввиду того, что оно является трудовым, вынужденным считаться с тягостностью добычи материальных ценностей, необходимых для приобретения перечисленных благ, а потому вынуждено обходиться не только без облигаций выигрышного займа, но подчас и без говядины. Ротшильд, если бы ему довелось, потеряв все свое состояние, оказаться в положении трудового крестьянина, вел бы себя вполне по правилам организационно-производственной школы.

2. Труд в таком хозяйстве не расценивается по обычному уровню заработной платы наемных рабочих и потому не входит в счет издержек производства.

2. Ввиду отсутствия категории заработной платы в системе семейного хозяйства, формы расчета капиталистического хозяйства оказываются для него неприемлемыми, как равно неприменимыми являются в отношении к нему в обычном смысле этого слова термины издержки производства, себестоимость и прочее. (Заметим попутно, что мы имеем все данные полагать, что для России не только крестьянин, устанавливая трудопотребительский баланс своего хозяйства, свободен от учета заработных плат, но сами заработные платы городских рабочих весьма зависят от размеров получаемого в анализируемом году среднего единого трудового дохода крестьянских семей).

3. Так как главная цель такого хозяйства — удовлетворение собственных потребностей, то выгодность его, т[о] е[сть] доходность определяется не чистым доходом, получающимся за вычетом из валового дохода издержек производства, а валовым доходом или количеством произведенных продуктов.

3. Так как целью трудового хозяйства является не получение наивысшего процента на вложенные капиталы в предприятие, а достижение возможно высокого и прочного в то же время благосостояния трудящейся семьи, то исчисление чистой доходности в отношении его не имеет практического смысла, да и вообще говоря, согласно нашему второму положению невозможно.

А.В. Чаынов
 Аграрные догмы
 и фантазии

4. Так как трудовое хозяйство не считается с уровнем цен на его продукты, а исключительно с собственными потребностями, то в зависимости от увеличения числа своих членов оно повышает свою интенсивность и вместе с тем количество производимых им продуктов, хотя бы и цены последних не окупали издержек производства по методу учета, принятому в капиталистическом хозяйстве.

5. Таким образом, интенсификация трудового хозяйства совершается под непосредственным давлением роста населения, а потому трудоемкость зависит не от уровня рыночных цен на продукты, а от потребности населения найти поприще для приложения своего труда. Отсюда способность трудового хозяйства открывать наиболее широкое поприще для приложения труда, то есть обнаруживать максимальную трудоемкость.

Практической же целью крестьянского хозяйства является составление организационного плана своей хозяйственной деятельности из таких наивыгоднейших приложений труда в сельском хозяйстве и промыслах, при которых основной трудопотребительский баланс будет сведен при наибольших из возможных доходах семьи при наименьшем напряжении труда. Наивысший валовой доход и наивысшее количество продуктов в любом случае не могут почитаться задачами трудового хозяйства, так как они потребуют максимального напряжения трудовых сил. Ищется же не максимум, а оптимум.

4. Крестьянское хозяйство, как и всякое товарное хозяйство, в высшей степени считается в построении своего организационного плана с рыночной конъюнктурой каждого данного момента. Однако благодаря тому, что ее задачей является не получение нами высшей чистой прибыли, а сведение трудопотребительского баланса при возможно наивысшем при наличной обстановке уровне благосостояния семьи, в целом ряде случаев, а особенно в случае аграрного перенаселения и вытекающего избытка рабочей силы, для него является выгодным форсировать интенсивность своего земледелия за пределы капиталистического оптимума и ценою понижения оплаты единицы труда, получить повышение годовой выработки хозяйственной семьи в целом.

5. Таким образом, действительно, интенсификация крестьянского хозяйства может происходить не только при повышении рыночной конъюнктуры для сельскохозяйственного производства, но и под непосредственным давлением плотности населения, что невозможно в хозяйстве капиталистическом.

Когда же оказалось, что явления деревенской жизни не укладываются на прокрустово ложе формул, экстраполированных из городской экономики и культуры, и дают там нечто в высшей степени нелепое. Эта нелепость вменялась самому явлению, а вовсе не воспринимающему аппарату, от которого она зависела. Самые добросовестные деятели капиталистической индустрии и хозяйства вообще органически не могли просто понять даже того, что дает им наблюдение сельского хозяйства.

Пять тезисов глубокоуважаемого профессора и признанного всеми знатока финансовых вопросов являются наилучшими тому примерами. Взяв на себя труд изложить наше учение, А.А. Мануйлов в высшей степени добросовестно делает это в свойственных ему терминах и понятиях капиталистического хозяйства. Внешне как будто все получается совершенно благополучно, все слова стоят на месте, а в результате получается нечто вроде описания конструкции паровоза с указанием на то, что он ходит по рельсам, крашен в черную краску, питается дровами и сильно свистит. Совершенно отсутствует понимание сущности анализируемого, его определяющего, важнейшего.

Дабы не быть голословным, я постараюсь сопоставить формулирование А.А. Мануйловым пяти пунктов с теми идеями нашего учения, которые, собственно говоря, он хотел ими выразить, совершенно, конечно, не претендуя убедить уважаемого профессора, ибо это мне кажется органически невозможным.

Произведя вышеизложенное сопоставление, мы предоставляем читателю судить, насколько правильно понято А.А. Мануйловым существо нашего учения.

Тем не менее, несмотря на все наши разъяснения, несмотря на 1500 или, вернее, даже на 3000 страниц наших работ, я по многолетнему опыту убедился, что идеологи капиталистической индустрии и впредь и всегда будут стилизовать под вульгарное народничество наши теории и признавать социально не годными не столько даже сами теории наши (их в конце концов и Литовченко признает, и не в них тут дело), а те многие миллионы крестьянских хозяйств, которые существуют сообразно нашим теориям и вопреки проповеди Льва Николаевича еще не перешли к ограничению деторождений, как то им рекомендуют российские неомальтузианцы.

Уважаемые профессора, бросьте попытки заранее обреченной на неудачу критики. Ведь вам нужны не теории, а социально-политические лозунги.

Впрочем, я уже начинаю [уходить] в социально-политическую сторону вопроса, а о сем по разверстке полагается писать не мне, а Н.П. Макарову.

Одного только я не могу упустить. А.А. Мануйлов пугает нас тем, что русское крестьянство постигнет участь китайских кули¹⁹. Я этого не очень боюсь и имею на то основания. Но мне очень жалко китайских кули, и я бы очень хотел знать, какой рецепт спасения для них имел бы проф[ессор] Мануйлов, будь он не русским, а китайским общественным деятелем.

А. Чаянов

Гейдельберг

22 мая 1923 г.

РГАЭ. Ф. 771. Оп. 3. Д. 550. Авторизованная машинопись.

Agrarian dogmas and fantasies (On A.A. Manuylov and L.N. Litoshenko theory of peasant economy)

A.V. Chayanov

This article of the classic of the Russian agrarian-economic thought and the leader of the organization-production school of the 1920s Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) was written in 1923 as a response to the book of Lev Nikolaevich Litoshenko criticizing the theory of peasant economy of the organization-production school. The article clarifies some controversial issues of Chayanov's agrarian-economic theory and its interpretations. The article has not been published before and is kept in the Russian State Archive of Economics. This publication aims at introducing the recently discovered text to the scientific community and at stimulating further research on the theory and history of the organization-production school and the history of the economic thought in Russia. The publication with comments was prepared by I.A. Kuznetsov and T.A. Savinova.

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov, L.N. Litoshenko, A.A. Manuylov

19. Кули — рабочие, батраки, приезжавшие или перевозившиеся из азиатских колониальных владений для работы на европейских или американских предприятиях. Китайские кули — китайские рабочие-мигранты в Америке во второй половине XIX в., фактически жили на положении полурабов-должников тех компаний, которые оплачивали их переезд в страну; так же назывались беднейшие рабочие в самом Китае.

Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (по поводу книги Л.Н. Литошенко)

Н.П. Макаров

Публикуется статья выдающегося российского экономиста-аграрника, представителя организационно-производственной школы 1920-х годов Николая Павловича Макарова (1887–1980), написанная в 1923 году в ответ на книгу Льва Николаевича Литошенко, в которой с позиций экономического либерализма критиковалась теория крестьянского хозяйства организационно-производственной школы. Ранее данная статья не публиковалась, подлинник документа хранится в Российском государственном архиве экономики. Статья посвящена разъяснению позиции организационно-производственной школы по некоторым дискуссионным социально-политическим аспектам экономической теории сельского хозяйства. Публикация призвана стимулировать исследования по теории и истории организационно-производственной школы и истории российской экономической мысли. Публикация подготовлена Т.А. Савиновой.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, аграрный капитализм, Н.П. Макаров, Л.Н. Литошенко

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-27-33

«Философия истории резко отграничивает друг от друга понятия эволюции и прогресса»^{1*}. Изучая эволюцию, мы пытаемся уподобляться бесстрастным существам; изучая прогресс, мы пытаемся найти путь к лучшему, к идеалу, или по меньшей мере мы пытаемся оценить факты с точки зрения наших идеалов.

Мы очень часто повинны в том, что стараясь бесстрастно изучать исторический ход вещей, мы почти незаметно для самих себя (или для других) вплетаем в наш анализ наши симпатии или антипатии, наши положительные или отрицательные оценки. Осознание этого оценочно-психологического процесса — одна из труднейших задач исследователя, главная цель которого — познать историческую действительность или найти закономерность в ее сменах².

Но еще труднее положение политика, задавшегося целью иметь теорию прогресса, или задавшегося целью оценить жизнь с точки зрения прогресса.

1. *Литошенко Л.Н. (1923). Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. С. 1.

2. Здесь и далее подчеркнуто автором.

Строя теорию прогресса, равно как оценивая жизнь, мы должны оставаться нашими ногами на земле. Говоря, например, о русском крестьянском хозяйстве, может быть, можно было бы мечтать о том, чтобы каждая крестьянская семья имела бы свой небольшой, чистый, красивый, уютный дом (в 4–6 комнат), с кухней, ванной, телефоном, электрическим освещением, с автомобилем, с хорошо организованным хозяйством, берущим не более 2–3 часов работы зимой и 5–7 летом и позволяющим хозяину широко удовлетворять не только его материальные, но и умственные и эстетические потребности, окончить университет, отдать детей в университет, заниматься наукой, искусством, участвовать в живой, бодрой местной общественной жизни и т.д., и т.д. Разве такой уклад жизни не основа для многостороннего прогресса личности крестьянина? Но если это факт — почти реальность для многих фермеров Нового Света, то это же мечтание звучит злой иронией для большинства крестьянских хозяйств России. В наших задачах для прогресса мы не только не свободны от жизненной реальности, но, наоборот, она заставляет нас выбирать одни цели, считая несбыточными другие. Тут мы подходим к самому трудному, к выбору наших оценок, их принципов и тех целей и идеалов, к которым мы хотели бы вести других...

В этом выборе мы и свободны, и не свободны. Выбранный идеал — наш, насколько мы его хотим, мы его выбрали, мы его выдумали или приняли, и в то же время он не наш, поскольку мы сочетаем наш выбор, нашу выдумку, наше хотение с условиями возможности, осуществимости, реальности или нереальности.

Пусть мы дерзки и свободны в выборе идеалов и хотим, например, превратить Россию в Америку. Поставим конкретнее этот вопрос о свободе и несвободе в выборе прогрессивных заданий для экономической политики крестьянского хозяйства.

Предположим для простоты, что в нашей стране 100 миллионов населения, из них 18 миллионов живут в городах, 82 миллиона — в деревнях, занимаясь преимущественно сельским хозяйством. Что надо бы сделать для превращений? Из 82 миллионов сельского населения мы должны бы прогнать в города около 32 миллионов, в индустрию и торговлю (напомним, что современный город содержит 18 миллионов). Тогда мы создадим рынок для сельских продуктов, а землю освободим от излишних работников, требующих введения «вынужденной интенсификации», но остающаяся масса в 50 миллионов сельского населения справится со своей задачей, если мы снабдим ее всей необходимой суммой современных технических знаний и всем необходимым капиталом. Мы не беремся подсчитывать, что стоило бы стране это техническое самообразование, но относительно увеличения затрат капитала нетрудно сделать хотя бы и самые грубые предположения. Считая, что в среднем русском крестьянском хозяйстве было заложено капитала на сумму 2000 рублей, мы должны будем перейти к типу

хозяйства с емкостью капитала в среднем не менее 20 000 рублей. При наших сделанных выше предпосылках мы переходим от 32 миллиардов рублей народнохозяйственного капитала, вложенного в сельское хозяйство, к 200 миллиардам рублей, увеличение — на 167 миллиардов по сравнению с предварительной затратой всего в 32 миллиарда должно заставить нас задуматься не менее, чем добавочное изгнание из деревни в город 32% сельского населения. При всех здоровых предпосылках С[еверная] Америка проделала такой процесс переброски населения почти в полстолетия. Но у нее была чистая площадь, у нее не было тяжелого исторического наследия, как, например, малоземельного населения, она очень рано стала страной богатой, растущей демократии. Изгнание из русской деревни 32% населения и придание ей в то же время добавочного капитала в 5 раз большем размере, чем тот, которым она вся располагала до предполагаемого изгнания — это, может быть, увлекающая идея, на которую еще никто не решался, но чрезвычайно далекая от жизни. Для этого нужна не одна революция, не одно народное бедствие, но они не могут сопровождаться нужным ростом экономической мощности города и деревни. Или для этого нужен экономический расцвет города, в несколько раз более быстрый, чем он был, например, в С[еверной] Америке. Нужна невероятная мощь экономического всасывания в себя населения, не только покрывающая естественный прирост населения и города и деревни, но и вытягивающая из деревни 32% населения страны. Надо только продумать темп таких исторических процессов — такой быстроты история еще не знала, даже и в странах Нового Света, в которых прилив капитала шел впереди прилива людей к земле. Итак, все это предположение, если и мыслимо, но не реально в своем осуществлении.

Еще мыслим другой путь — это путь невероятной технической революции в сельском хозяйстве. Это не та техника, которой обладает Западная Европа или Новый Свет, это какая-то еще неизведанная миру техника, которая дала бы семье, сидящей на 3–6–10 десятинах все нужное ей богатство, но и здесь опять вопрос о потребном капитале, о потребных рынках для небывалой массы продуктов. Никто не может сказать, что такой техники никогда не будет, но мы ее не знаем, и она не может входить в наши предположения. А пока, увы, если и нет закона убывающей производительности затрат труда и капитала при интенсификации сельского хозяйства, то реальный факт убывающей производительности встречается слишком часто. «Радиональная интенсификация» не является господствующим типом интенсификации (в частности, и в Германии).

Итак, будем мы держать перед собой или нет начерченный выше идеал благоденствия крестьянской массы, а жизнь, и трудная жизнь, остается реальностью вокруг нас. Бедные, равно как и «потребительно-трудовые» хозяйства остаются в деревне, и некуда уйти от них, и нет таких магов, которые благодаря

революции в технике могли бы перевести их всех в состояние хозяйств наивысшей оплаты труда и дохода указанного выше размера. А если так, то надо принять жизнь как она есть и помогать ей, исходя из нее. Обратимся же к жизни.

Перед нами остается основная масса русских крестьянских хозяйств, не менее 80% которых могут быть названы хозяйствами «потребительно-трудовыми». Так мы их называем не потому, что они «не хотят на единицу затрат получить наибольший доход» или быть «экономическими людьми». Этого хотят все люди. Они живут потребительными мотивами в силу того факта, что обычно жизнь не разворачивает перед ними других перспектив. Вероятно, тот же человек будет стремиться к другим хозяйственным заданиям, если бы он жил в других условиях. Совершенно также в прежнее время русскому чиновнику, получавшему свое жалование каждый месяц, была чужда психология хозяина-предпринимателя, хотя он, наверное, обладал всеми признаками экономического человека (стремясь к большему эффекту на единицу затрат и т.д.), ему его хозяйственная психология не давала повода к развитию предпринимательской психологии. В этом же положении был и рабочий. Аналогичное положение устанавливает Зомбарт³ для средневекового ремесленника, хотя и он обладал достаточным запасом характеристик экономического человека. Устойчивое, налаженное крепостное хозяйство руководствовалось своими хозяйственными мотивами.

Каждая хозяйственная историческая среда создает свои хозяйственные мотивы, свою хозяйственную психологию, а следовательно, и свои хозяйственные мотивы. Назовите это, если хотите, «психологией факта»; пускай крестьянин из потребительно-трудового хозяйства не стремится к накоплению «свободных излишков» поверх расходов на удовлетворение личных потребностей не потому, что он не хочет, а потому, что он не может; длительно пребывая в таком положении, «не может», он мыслит и «волит» так, как ему диктует его психология (что не мешает быть экономическим человеком). Понятие «экономического человека» модифицируется в каждой исторической конкретной хозяйственной среде и теоретик-экономист, равно как и политик-экономист не вправе игнорировать этой исторической модификации.

На некоторой ступени увеличения такого хозяйства оно может уйти из психологической орбиты потребительно-трудового хозяйства; от этого исследователю не становится легче, он не может забывать психологию, а исходя из нее и организационного плана потребительно-трудового хозяйства. Но с того момента, как хозяйство перестало быть потребительно-трудовым и стало,

3. Вернер Зомбарт (1863–1941) — немецкий экономист, представитель исторической школы в политэкономии, социолог, историк и философ культуры.

например, переходным трудовым-капиталистическим, многое меняется в психологии хозяина, меняются его мотивы вместе со сменами в его возможностях; исследователь тоже должен изменить свое понимание этого хозяйства. Он должен подкладывать для объяснения внутрияхозяйственных явлений не то, что ему нравится, а то, чем живет само хозяйство, т. е., в частности, его мотивы.

К этой переходной группе хозяйств реально вполне приложимо внутреннее понимание их как хозяйств, стремящихся к возможно большему получению «свободного излишка». Такое стремление может быть и в потребительно-трудовом хозяйстве, но не оно в нем доминирует, не им оно руководствуется, но капиталистически-трудовое хозяйство будет вполне уже регулироваться и жить этим мотивом. И в этом отношении концепция Л.Н. Литошенко ценна, как дающая понимание психологии этой группы хозяйств, также как организационно-производственная школа русских сельскохозяйственных экономистов пыталась дать понимание психологии потребительно-трудовой группы хозяйств. При этом не надо забывать одного основного положения: количественного и социального значения капиталистической трудовой группы хозяйств в России.

Согласно прежним земским исследованиям капиталистическая трудовая группа хозяйств редко где в России составляла свыше 15–20% всей массы хозяйств. Так было главным образом на юге и юго-востоке России. В большинстве же районов можно считать, что этот % хозяйств опускался до 4–5%, а то и до 1–2%. Количественная роль этой группы хозяйств была невелика, еще меньше она стала в итоге всей революции, гражданской войны и голода. Не приходится увлекаться и социальным значением этого хозяйства. Оно было прогрессивно во всем том, что обозначало экономию его в рабочих силах, но организационный план своего хозяйства оно имело иной, чем основная масса потребительно-трудовых хозяйств. Это различие было таково, что в случае своего развития потребительно-трудовому хозяйству не приходилось заимствовать во многом в организационном плане хозяйства. На целом ряде здоровых хозяйственно-психологических переживаний этого типа хозяйств мы сейчас не останавливаемся подробно, считая нужным подчеркнуть их социологическую ценность.

Вот к этой-то группе хозяйств вполне приложима характеристика Л.Н. Литошенко, как хозяйств, стремящихся к образованию чистых остатков в валовом доходе поверх покрытия расходов на удовлетворение личных потребностей. Другой вопрос, насколько этот мотив является главным и определяющим в хозяйственной психологии этого типа хозяйства. Этот вопрос мы считали бы пока открытым, т. к. для нас работа Л.Н. Литошенко является первой серьезной работой, ставящей анализ этого вопроса не по шаблону марксистов. Это лишь ценное начало, восполнение бывшего пробела

в теоретическом понимании капиталистического трудового типа хозяйств в русской литературе.

Но было бы ошибкой думать, что распространение «приобретательского типа» хозяйства кончается вместе с исчезновением капиталистического трудового типа хозяйства. Между капиталистическим трудовым и потребительно-трудовым хозяйством мыслимо существование такого трудового типа хозяйства, которое имеет настолько значительный доход, что не только широко и достаточно удовлетворяет свои личные потребности, но и получает свободные излишки. Количественно эта группа обычно невелика, из нее легко переход в капиталистический трудовой тип, ибо свободные излишки очень способствуют расширению производства за пределы трудовых сил семьи. Но фактически весьма малая доля хозяйств потребительно-трудового типа попадает в это положение. Уровень удовлетворяемых потребностей величина крайне эластичная и обладающая почти неудержимой склонностью к росту. Впрочем, вопрос о количественной роли чисто трудовой группы хозяйств, живущей только духом «приобретательства» — требует еще своего энергического исследования, также как необходимо исследование организационного значения этого мотива. При всем же этом ничуть не следует стирать индивидуальные психологические краски с разных хозяйственных групп. Каждая из них ценна для понимания своей группы в углублении нашего анализа и понимания.

Таким образом, обладателями «двух душ» (потребительской и приобретательской) являются не все крестьянские хозяйства, а лишь некоторые группы из них: группы переходного типа, равно как и группы хозяйств смешанного типа (капиталистического трудового).

Организационно-производственная школа русских экономистов была повинна в сосредоточении своего анализа на потребительно-трудовом типе. Вдумчивое и критическое отношение к работе Литошенко должно заставить перейти к такому же анализу и других групп, учитывая их индивидуальные групповые особенности, но и обратно — вдумчивое отношение не должно бы позволять попросту отвергать потребительно-трудовую точку зрения, только из-за того, что нам больше нравится «здоровый» накопитель свободных излишков.

Совершенно так же и в экономической политике можно мечтать из каждого крестьянского хозяйства сделать хозяйство богача, можно исключительно ценить хозяйства, полные духом приобретательства, но нельзя в жизни игнорировать главную массу хозяйств потребительно-трудового типа. Укрепление этих хозяйств путем содействия и работы над ними может быть показателем недопустимым для любителя приобретательского духа. На самом деле, если эти любители не ослепляют себя чувством социальных симпатий или антипатий, они должны будут дать образование, кредит, техническую, кооперативную и иную помощь

именно этим основным группам крестьянского хозяйства. Иначе Россия не только не придет к идеалу мечтателей, но она не придет и к более скромному прогрессу, она потонет в нищете и мраке.

Основной объект русской экономической политики и ее помощи — это массовое потребительно-трудовое крестьянское хозяйство, до самых его низов включительно. Это не обозначает отказа в этой помощи верхам деревни или какому-либо социально-экономическому типу сельского хозяйства. Нет единой формулы эволюции для социальных форм сельского хозяйства. Каждый раз должна быть осознана ценность каждой социальной группы хозяйств для прогресса всей страны. В этом сопряженном учете задач прогресса, среды и состояния той социальной массы, которую хотят вести по путям прогресса, и состоит главная теоретическая задача разумной экономической политики.

Н. Макаров
 РГАЭ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 26а. Машинопись.

Progress or evolution of the peasant economy (on L.N. Litoshenko book)

N.P. Makarov

This article of the outstanding Russian agrarian economist and representative of the organization-production school of the 1920s Nikolai Pavlovich Makarov (1887–1980) was written in 1923 as a response to the book of Lev Nikolaevich Litoshenko criticizing the theory of peasant economy of the organization-production school from the economic liberalism perspective. The article has not been published before and is kept in the Russian State Archive of Economics. The article clarifies the position of the organization-production school on some debatable social-political aspects of the economic theory of agriculture. This publication aims at stimulating further research on the theory and history of the organization-production school and the history of the economic thought in Russia. The publication was prepared by T.A. Savinova.

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, agrarian capitalism, N.P. Makarov, L.N. Litoshenko

Из области новых течений русской экономической мысли **(Труды «Высшей Семинарии с.-х. экономики и политики»)**

А.В. Чаянов

Публикуется обзорная статья классика российской аграрно-экономической мысли, лидера организационно-производственной школы 1920-х годов Александра Васильевича Чаянова (1888–1937), впервые изданная в 1922 году в журнале «Новая русская книга» (Берлин). В статье характеризуется работа созданного Чаяновым научного учреждения — Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики, а также общее состояние научной мысли в области экономических наук в России после окончания Гражданской войны и перехода к НЭПу. Публикация подготовлена, примечания составлены И.А. Кузнецовым и Т.А. Савиновой.

Ключевые слова: история экономической мысли, история науки в России, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-34-40

За последние годы, несмотря на исключительно тяжелые условия существования и быта, русская экономическая мысль продолжала напряженно работать и в настоящее время можно подвести уже некоторые итоги этого творчества.

Просматривая многие десятки книг, брошюр и журнальных статей, появившихся ныне, с возрождением книгопечатания, приходится, конечно, признать, что значительное большинство их, отдавая дань времени, трактуют вопросы военной и революционной экономики. Однако все чаще и чаще начинают появляться в свете издания, затрагивающие и более общие теоретические проблемы.

На страницах «Вестника Статистики», вступившего уже в 4-й год своего существования, можно отметить целый ряд статей Ястремского, Четверикова, Обухова, Первушина, Хрящевой, Лоцицкого¹ и других, посвященных основным проблемам статистической методологии и количественному анализу явлений теперешней хозяйственной жизни. Особенный интерес в этом отношении пред-

1. Ястремский Борис Сергеевич (1877–1962); Четвериков Николай Сергеевич (1885–1973); Обухов Владимир Михайлович (1873–1945); Первушин Сергей Алексеевич (1888–1966); Хрящева Анна Ивановна (1868–1934); Лоцицкий Александр Емельянович (1869–1944). Ястремский, Четвериков и Обухов в начале 1920-х гг. изучали урожайную статистику и данные о погоде с целью предсказания урожая.

ставляет собой работа Хрящевой об изменениях социального состава русского крестьянства в разные периоды революции, а также статьи Лосицкого и Первушина о нормах военного и революционного потребления рабочих и крестьян в разные годы с 1918 по 1921.

На страницах возобновившегося в 1921 году журнала «Сельское и лесное хозяйство»² интересна полемика В. Дроздова и Г. Студенского о природе крестьянского хозяйства³. Немало интересного читатель-экономист может найти в «Вестнике сельского хозяйства», «Экономисте»⁴ и других периодических органах.

В еще большей степени урожаем нашего экономического творчества лежит под спудом, в ожидании возможности издаться, и постепенно выходя отдельными книгами и сборниками. Ограничивая наш очерк москвичами и тяготеющими к Москве экономистами, мы можем отметить среди них значительное теоретическое оживление. В.Я. Железнов упорно продолжал работать над анализом античной экономической мысли и ныне, пользуясь своей берлинской поездкой, готовит немецкое издание «Экономики Аристотеля». Вернувшийся в Москву А.А. Мануилов (Отец)⁵ занят вопросами финансовыми, Н.П. Огановский вывез из Сибири в Москву⁶ плеяду своих учеников и обширные труды о сибирском хозяйстве, часть которых уже напечатана, С.Н. Прокопович много работал

2. До революции журнал назывался «Сельское хозяйство и лесоводство».
3. Дроздов Василий Павлович (1878–1930); Студенский Геннадий Александрович (1898–1930). См.: *Дроздов В.П.* (1921). Семейно-трудовая потребительская теория крестьянского хозяйства и критика ее // *Сельское и лесное хозяйство*. № 1–3. С. 7–49; *Студенский Г.А.* (1922). О природе крестьянского хозяйства // Там же. № 1–2. С. 19–37.
4. «Экономист» — журнал, издававшийся в 1922 году как Вестник XI отдела Русского технического общества, в котором публиковались ученые меньшевистской ориентации, всего вышло 5 номеров, был закрыт правительством после публикации цикла статей Б.Д. Бруцкуса «Социалистическое хозяйство», вызвавших гнев Ленина: «Все сотрудники «Экономиста» — враги самые беспощадные. Всех их вон из России». (*Ленин В.И.* (1999). *Неизвестные документы: 1891–1922*. М. С. 545.)
5. Мануилов (Мануилов) Александр Аполлонович (1861–1929) с 1901 года профессор политической экономии Московского университета, в 1905–1911 годах — ректор университета. Член ЦК партии кадетов, один из авторов ее аграрной программы. В 1917 году — министр просвещения в первом составе Временного правительства. После Октябрьской революции уезжал в Тифлис, по возвращении — профессор политической экономии МГУ и Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, с 1924 года — член правления Госбанка СССР.
6. Огановский Николай Петрович (1874–1938) в 1918 году был депутатом Учредительного собрания от партии эсеров, затем уехал на территории, неподконтрольные большевикам, работал в правительстве Уфимской Директории, в кооперативных органах Сибири, преподавал в Омском сельхозинституте и Томском университете, по возвращении в Москву в 1921–1924 — заведующий статистическим отделом Народного комиссариата земледелия РСФСР.

над методикой экономических знаний, а последнее время посвятил изучению крестьянских бюджетов; много работали, но мало печатали З.С. Каценеленбаум по вопросам денежного обращения и Л.Б. Кафенгауз по истории русской промышленности, С.А. Первушин дал ряд исключительно ценных очерков по вопросам потребления и мировой рыночной конъюнктуры, исключительную энергию проявляет [С.Г.] Струмилин и Фалькнер, причем последний обещает развернуться в крупную ученую величину⁷, ряд работ по теоретической экономии мы получили от Н.Н. Шапошникова. Впрочем, было бы трудно даже перечислить ученых, работающих ныне в той или иной области экономического мышления. Ряд центров экономической мысли являются точками ее кристаллизации. Возобновило свои работы «Чупровское Общество», в одном из заседаний которого был заслушан исключительно интересный доклад Н.Г. Петухова⁸ о формальных основах политической экономии; полностью работает «Московское общество сельского хозяйства»⁹, где еще задолго до марта 1921 года в полемике по докладу члена Коллегии Наркомзема М.Е. Шефлера¹⁰ были в отношении сельского хозяйства формулированы основы новой экономической политики. Значительный интерес представляют собою открытые доклады Научно-Технического Клуба, посвящаемые частным социально-экономическим вопросам, многого ждут от временного гостя — возрожденного в Москве Петербургского «Вольно-Экономического общества» (его III отделения)¹¹.

В нашу задачу не входит давать описание всех перечисленных групп и их работы. Упомянув о них для общей характеристики развития экономической мысли в Москве, мы посвятим настоящий очерк описанию своеобразного центра экономической мысли «Высшего семинара с.-х. экономии и политики», задуманного еще в 1917 профессором Челинцевым и осуществившего себя в Москве революционных дней.

В последние годы перед войной группа молодых ученых, учеников покойного Н.А. Каблукова и ныне здравствующего А.Ф. Фортунатова¹², постепенно сложилась в особое течение экономической

7. Фалькнер Семён Анисимович (1890–1938).

8. Петухов Н.Г. — не установлен.

9. Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) основано в 1820 году, ликвидировано в 1929 году.

10. Шефлер Михаил Евстафьевич (1889–1943).

11. Вольное Экономическое общество существовало с 1765 по 1918 год, его III отделение занималось вопросами сельского хозяйства. Попытки возобновить деятельность ВЭО в начале 1920-х годов были неудачными.

12. Николай Алексеевич Каблуков (1849–1919) с 1899 года преподавал статистику в Московском университете, из экономистов организационно-производственного направления его учениками были Н.П. Макаров и А.А. Рыбников. Алексей Федорович Фортунатов (1856–1925) преподавал сельскохозяйственную экономию и статистику в нескольких вузах, его учениками по Ново-Александрийскому институту сельского хозяй-

мысли, стремящееся соединить изучение широких народно-хозяйственных проблем с глубоким анализом организационной структуры индивидуальных хозяйств. Работая по преимуществу над материалами земских и статистических исследований крестьянского хозяйства и являясь профессорами высших сельскохозяйственных школ, группа эта сложилась на почве новой своеобразной теории крестьянского хозяйства.

В ее состав входили А.Н. Челинцев (Харьков), Б.Д. Бруцкус (Петроград), К.А. Мацевич (Петроград), Н.П. Макаров (Воронеж), А.А. Рыбников (Саратов), А.В. Чаянов (Москва) и ныне покойный В.И. Анненков (Москва)¹³.

В 1917 году указанные экономисты разработали проект организации особого высшего института по изучению экономики земледелия, осуществлению которого помешали события революции. Наконец, только в конце 1919 года удалось положить основание этому своеобразному учреждению. В основе его лежит работа группы ученых, в составе профессоров: С.Н. Прокоповича, Б.Д. Бруцкуса, А.А. Рыбникова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко, В.Я. Железнова, Е.С. Лурье, Э.С. Каценеленбаума, В.А. Голгофского¹⁴, [Б.С.] Ястремского, П.Н. Першина, С.А. Первушина, Н.Н. Шапошникова и А.В. Чаянова, окруженных своими ближайшими учениками, которые раньше бы именовались «оставленными при кафедре».

Соединение работ такого количества видных специалистов дает возможность пленуму Высшего Семинария трактовать с исключительной полнотой все текущие вопросы экономической мысли, давая им всестороннее освещение и исчерпывающую глубину анализа. В течение трех академических лет каждую пятницу зал заседаний семинарии переполнялся его членами и гостями, в ожесточенной полемике добывающихся экономической истины. Трудно даже перечислить те проблемы, которые послужили темами 50-ти с лишним заседаний семинарии. Доклады Прокоповича, Кондратьева и Чаянова о методе наук экономических дали возможность сторонникам прагматизма в экономике отточить свои разногласия с экономистами других философских направлений. Доклады Б.Д. Бруцкуса и Л.Н. Литошенко об экономике законченной системы социализма были наиболее глубоким анализом социалистической концепции со стороны экономистов не-социалистического направления.

ства и лесоводства были Б.Д. Бруцкус, К.А. Мацевич и А.Н. Челинцев, по Московскому сельскохозяйственному институту — А.Н. Минин, А.В. Чаянов.

13. Мацевич (Мацевич) Константин Андрианович (1873–1942); В.И. Анненков — не установлен. Указаны города, в которых они работали накануне революции.
14. В.А. Голгофский — с 1918 года официальная фамилия Николая Виссарионовича Некрасова (1879–1940), бывшего в 1917 году министром путей сообщения и министром финансов Временного правительства; в 1920-е годы он работал в органах кооперации, член правления Центросоюза СССР.

Доклады Н.Д. Кондратьева, Н.Н. Любимова¹⁵ и С.А. Первушина периодически знакомили работников семинарии с народно-хозяйственной конъюнктурой мирового хозяйства. Б.Н. Книпович, Н.П. Никитин и С.В. Бернштейн-Коган¹⁶ своими докладами продвинули далеко вперед учение о стандарте сельскохозяйственного производства, как основе экономической географии¹⁷, доклады Н.Н. Шапошникова об основных принципах хозяйства, З.С. Каценеленбаума и Л.С. Лурье¹⁸ о текущих финансовых проблемах, П.П. Лазарева¹⁹ о методах естествознания и гуманитарных наук, А.В. Чаянова о теории кредитного баланса, теории водной ренты и о валеризме и натурализме в экономической теории, а равно многие другие давали материал для постановки совершенно новых экономических проблем и попыток их разрешения. Однако центром работ семинарии явились многомесячные работы, связанные с докладами С.Н. Прокоповича, Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянова о природе крестьянского хозяйства²⁰, в которых С.Н. Прокопович блеснул таблицами корреляционных связей между элементами организационного плана крестьянских хозяйств.

Таково было горнило теоретической мысли, являющейся душой семинарских работ и превосходной школой для молодых ученых, составляющих младшую группу семинарии.

При семинарии работали два вспомогательных института: а) «Институт по изучению народно-хозяйственных конъюнктур»²¹, организованный по американскому типу конъюнктурных институтов Н.Д. Кондратьевым, при содействии Л.М. Ковальской²² и представляющих как бы экономическую обсерваторию, наблюдающую за состоянием народного хозяйства Европы и России изо дня в день; б) Экономической библиотеки, составленной, благода-

15. Любимов Николай Николаевич (1894–1975).

16. Книпович Борис Николаевич (1890–1924); Никитин Николай Павлович (1893–1975); Бернштейн-Коган Сергей Владимирович (1886–1951).

17. Стандарт или штандорт — теория рационального размещения сельскохозяйственного производства.

18. Вероятно, опечатка в инициале, здесь и абзацем выше речь идет об экономисте и юристе Евгении Соломоновиче Лурье (годы жизни не установлены).

19. Лазарев Петр Петрович (1878–1942) — физик, академик.

20. Данная фраза интересна в контексте полемики 1923 года между Литошенко и организационно-производственным направлением, указывая на то, что ее истоки лежали в самом начале их совместной работы, более того, Чаянов называет эту дискуссию «центром работ» своего семинара (института).

21. Институт по изучению народно-хозяйственных конъюнктур, или Конъюнктурный институт, возникший при чаяновском Высшем семинарии сельскохозяйственной экономики и политики, с 1923 года перешел в структуру Наркомата финансов СССР.

22. Ковальская Людмила Марьяновна (1890–?) до революции была партийной соратницей и близкой знакомой Н.И. Бухарина, работала в Конъюнктурном институте до его ликвидации, в 1930-е годы в Институте мирового хозяйства и мировой политики, «исчезла» (репрессирована?) в 1941 году.

ря значительным средствам, бывшим в распоряжении семинарий, из ряда выдающихся частных библиотек или их частей, соответствующих задачам семинарий, из ряда выдающихся частных библиотек или их частей, соответствующих задачам семинарий — в основе библиотеки лежат библиотеки С.А. Муромцева, А.И. Чупрова, К.А. Вернера, В.И. Семевского, В.Н. Григорьева, А.П. Левицкого, Рапенак²³ и мн[огих] др[угих]. При 40 000 томов, библиотека имеет исчерпывающие серии по аграрному вопросу (свыше 3 000 названий), кооперации, земской статистике, общественной экономике, реформе 1861 года и пр.

Опираясь на высший семинарий как школу живой экономической мысли, конъюнктурный институт как аппарат текущего экономического наблюдения, и первоклассную библиотеку, удалось создать и нечто вроде школы для подготовки будущих профессоров экономических дисциплин — под названием «Научно-Исследовательских Курсов», составленных из группы 30-ти молодых ученых, командированных высшими школами из Воронежа, Ростова, Харькова, Иркутска, Москвы, из которых многие обладают значительным количеством печатных трудов и ученым именем (например, Книпович, Никитин, Клепиков, Студенский, [Л.К.] Солдатов, Жиркович, Кондорева, Опарин и др.²⁴). Эти курсы являлись неиссякаемым источником ученого энтузиазма и творчества.

Зима 1921–1922 года дала возможность семинарии начать печатать свои труды и внести в науку свой печатный вклад, в составе шести вышедших в свет выпусков «Трудов Семинарий».

Первый выпуск посвящен проблеме Standart`а сельского хозяйства и содержит в себе статьи А.[В.] Чаянова «Опыт изучения изолированного государства-острова», «Номографические элементы экономической географии» и работу Н.П. Никитина «О методах сельскохозяйственного районирования».

Второй содержит в себе ряд статей, посвященных методам безденежного учета сельскохозяйственных предприятий.

23. В 1918 году в России произошла национализация библиотек, реквизировались частные библиотеки, превышавшие 500 томов. Перечислены: Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910); Чупров Александр Иванович (1842–1908) — профессор Московского университета; Вернер Константин Антонович (1850–1902) — профессор сельскохозяйственной экономики Московского сельскохозяйственного института; Семевский Василий Иванович (1848–1916) — историк крестьянства; Григорьев Василий Николаевич (1852–1925) — земский статистик. Левицкий Александр Павлович (1873–1942) — в начале XX в. секретарь МОСХ, деятель Всероссийского крестьянского союза, в 1924–1928 годы работал в научно-исследовательском институте удобрений и инсектофунгицидов (НИУИФ), в 1930 г. арестован по делу «Трудовой крестьянской партии», с 1934 года — агроном, расстрелян фашистами в Смоленской области за связь с партизанами. Рапенак — не установлен.
24. Клепиков Сократ Александрович (1895–1978); Жиркович Иван Никитович (1894–?); Опарин Дмитрий Иванович (1891–1978). Солдатов Л.К. и Кондорева — не установлены.

Третий (в изд. ВСНХ) работу С.[А.] Клепикова «Норма потребления русского крестьянина».

Четвертый посвящен экономическим основам культуры картофеля.

Пятый дает большую работу Н.П. Никитина о сельскохозяйственных районах Московской губернии.

Шестой в работах Лопатина, Вайнштейна²⁵ и Чаянова освещает проблему оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий.

Печатается седьмой, посвященный анализу вольного рынка эпохи хлебной монополии (1917–1921).

Отдельные работы готовятся к печати.

Таковы итоги работ нового центра экономической мысли, развившегося в Москве за годы революции. Надо думать, что и в дальнейшем он будет продолжать начатое дело.

Профессор А. Чаянов

Берлин 8.VI.22

Новая русская книга. 1922. № 5. С. 10–12.

On the new trends of the Russian economic thought (Proceedings of the Higher Seminary of Agricultural Economy and Policy)

A.V. Chayanov

This article of the classic of the Russian agrarian-economic thought and the leader of the organization-production school of the 1920s Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) was first published in 1922 in the journal “New Russian Book” (Berlin). The article describes the work of the scientific institution created by Chayanov, the Higher Seminary of Agricultural Economy and Policy, and the general state of economic sciences in Russia after the end of the civil war and transition to the NEP. The publication with comments was prepared by I.A. Kuznetsov and T.A. Savinova.

Keywords: history of economic thought, history of science in Russia, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov

25. Лопатин Иван Дионисевич (1887–1938); Вайнштейн Альберт Львович (1892–1970).

Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России

А.В. Чайнов

Впервые на русском языке публикуется статья классика российской аграрно-экономической мысли, лидера организационно-производственной школы Александра Васильевича Чайнова (1888–1937), написанная в 1928 году и тогда же опубликованная на французском языке в журнале *Revue d'économie politique*. Русскоязычный оригинальный текст хранится в архиве Российской академии наук. В статье автор дает характеристику положения науки о сельском хозяйстве в СССР и обзор основных направлений аграрно-экономических исследований в конце 1920-х годов. Кратко излагается теория крестьянского хозяйства Чайнова. Примечания составлены И.А. Кузнецовым.

Ключевые слова: история экономической мысли, история науки в России, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чайнов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-41-53

Эпоха войны и революционного движения почти целиком уничтожила культурную и научную связь, которая некогда существовала между Россией и Францией.

В течение свыше 10 лет ученые той или другой страны не имели между собой никаких сношений, и лишь в последние годы, благодаря поездкам во Францию определенного количества наших коллег, мы снова становимся все больше и больше в курсе последних достижений научной мысли в этой стране.

Однако в связи с нашими поездками во Францию мы имели возможность установить, что наши французские коллеги еще меньше осведомлены о наших работах, нежели мы об их трудах; очевидно, большое значение играет трудность в изучении нашего языка. Эти обстоятельства вызвали необходимость, для восстановления взаимных интеллектуальных связей между странами, показать французским ученым то развитие, которого достигла русская наука в последние десять лет.

Целью настоящего очерка является желание осветить положение нашей сельскохозяйственной экономики, сделавшей наиболее заметные успехи.

В настоящее время в СССР имеется 21 высшая сельскохозяйственная школа, где уделяется исключительное внимание преподаванию и изучению сельскохозяйственной экономики. Эти школы находятся в Москве, Ленинграде, Воронеже, Вологде, Казани, Саратове, Самаре, Перми, Горках (Белоруссия), Харькове, Кие-

ве, Одессе, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Владикавказе, Омске, Ташкенте, Иркутске и т. д. Помимо этого, в течение трех или четырех лет в больших областных сельскохозяйственных опытных станциях начали учреждать, по примеру Соединенных Штатов, специальные отделения по изучению экономических наук; их задача — производить исследования существующих условий сельского хозяйства данной области, чтобы получить основу для работ на этих опытных станциях. Опытные станции изучают также сельскохозяйственную экономику и существующие формы ее производства. Эти станции ставят своей задачей предвидеть, с точки зрения экономики, возможные результаты новых культур и методов, технику которых разрабатывают на участках этих опытных станций.

В настоящее время имеется 22 областных сельскохозяйственных станций; они объединяют 164 научных опытных учреждения. 11 из этих станций обладают отделами по изучению экономики, в остальных организация подобных отделов является вопросом одного-двух лет. Затем мы имеем, подобно центральным учреждениям такого же рода: 1) губстатбюро¹ (областные и районные), которые часто приступают по своему собственному почину к ученым изысканиям в наиболее интересных областях местного сельского хозяйства (для примера можно сослаться на работы Баскина² в Самаре); 2) сельскохозяйственные секции так называемых «плановых комиссий», организации, на обязанности которых лежит разработка для каждого года плана работы, смет и бюджетов учреждений и госорганизаций в каждой области и 3) около десятка различных местных кооперативных и сельскохозяйственных организаций, которые часто, в силу необходимости, принуждены сталкиваться в сфере своей деятельности очень близко с изучением, с экономической точки зрения, различных проблем сельского хозяйства.

Все эти работы, проводимые на местах, проводятся под руководством центральных учреждений: аграрной секции ЦСУ, которую возглавляют В. Осинский и В. Немчинов, экономбюро Наркомзема под управлением И. Швайровича³, А. Челинцева, Н. Макарова и Н. Кондратьева; еще несколькими центральными учреждениями и двумя научными институтами: Международным аграрным институтом, во главе которого стоит профессор С. Дубровский⁴, — изучающим политическое движение крестьянства и аграрный вопрос во всех странах, и Институтом сельскохозяйственной экономики,

1. Губернские статистические бюро.

2. Баскин Григорий Иванович (1866–1940).

3. Опечатка: Теодорович Иван Адольфович (1875–1937).

4. Международный аграрный институт существовал при Крестьянском интернационале в 1926–1933 гг. Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970).

в круг деятельности которого входят вопросы организации производства, сельскохозяйственной географии и различных проблем того же порядка; пишущий эти строки имеет честь руководить этим институтом.

Необходимо добавить, что изучение вопросов сельскохозяйственной экономики проводится у нас в многочисленных учреждениях и научных институтах, сотрудники которых (агрономы, статистики, экономисты, юристы) исчисляются сотнями.

Такой контингент покажется во Франции чрезмерным, но читатель должен учесть, что такое количество необходимо для изучения такой отрасли, связанной с 20 миллионами крестьянских хозяйств, больших и малых, разбросанных по шестой части земного шара, простирающейся от полярных льдов до почти тропических областей, как в Закавказье, экономические формы которых крайне разнообразны, где наряду с киргизскими кочевниками мы встречаем интенсивные культурные хозяйства Московской губернии, ничем не уступающие таковым же хозяйствам Западной Европы. Сообразно этому не должен быть удивительным и размах, который принимают здесь научные изыскания. Необходимо также учесть, что эти многочисленные хозяйства еще 20–30 лет тому назад находились в чрезвычайно примитивном состоянии, в стадии «натурального хозяйства», отсталые как в технике, так и в организации. В настоящее время все это резко, решительно изменилось, мы переходим к «торговому» хозяйству, начинаем применять усовершенствованные методы Америки и Европы. От довоенных сельскохозяйственных методов, которые носили еще в себе черты старинного феодализма, мы переходим к новым социальным методам, основанным на принципах кооперации, индустриализации и электрификации во всех областях нашего сельского хозяйства.

Весь этот исторический процесс столь большой глубиной важности, начало которого намечалось еще задолго до войны, поставил перед сельскохозяйственными организаторами огромное количество чрезвычайно важных, экономических проблем, требующих, без малейшего промедления, полного разрешения.

Несомненно, что большая часть этих работ и изысканий носит главным образом местный, частный характер и имеет узкопрактическое значение. Однако в одинаковой мере правильно, что даже эти практические работы часто нас ставят перед теоретическими проблемами, заставляют добиваться новых методов в научных исследованиях и открывают перед нами значительное количество теоретических выводов, понятий и крайне ценных идей.

Мы постараемся здесь в кратких чертах изложить некоторые из них, выбрав их из всего количества.

I. В первую очередь наша наука должна будет определить социальную и экономическую природу крестьянского хозяйства, составляющего главную основу сельского хозяйства не только у нас в России, но также и в восточных странах. Новейшая политическая

экономия, начиная от Адама Смита и Рикардо вплоть до Маркса и современных теоретиков, построена на динамике капиталистического хозяйства, другими словами, на взаимоотношениях, основой которых является наемный труд, имеющего целью получение чистой прибыли, составленной разницей между валовым доходом, с одной стороны, и зарплатой и издержками производства, — с другой стороны.

Выводы этой капиталистической политической экономии были, неизвестно почему, приняты, как имеющие универсальный характер, как применимые вполне также хорошо по отношению к другим видам хозяйства, управляемого иными принципами, нежели капиталистические. Таким образом, некоторые европейские государства совершали в своих колониях, хозяйство которых находилось в докапиталистической фазе, многочисленные и грубейшие ошибки и удивлялись затем, видя, например, что фискальная политика, основанная на принципах Рикардо, оказывалась недействительной в Индии или Китае.

Эта экстраполяция должна была иметь особенно тяжелые последствия для России, где 90% пахотных земель обрабатывались крестьянами, не прибегавшими к наемному труду.

В течение более 20 лет русские экономисты указывали в своих работах, что совершенно невозможно к нашему крестьянскому хозяйству приложить выводы классической политической экономии. Большое количество эмпирических работ проф. В. Косинского^{5*}, проф. Б. Бруцкуса^{6*}, проф. Челинцева^{7*}, проф. Макарова^{8*} и автора этого очерка утверждало со всей очевидностью, что:

1) Аренда, выплачиваемая крестьянами, не соответствует доходности земли и, обыкновенно, выше таковой.

2) В очень населенных областях крестьянские хозяйства вместо того, чтобы обрабатывать культуры, дающие высокий чистый доход с гектара, имеют тенденцию скорее придерживаться культур менее доходных с точки зрения чистой прибыли, но дающие более высокий валовой доход с гектара (то, что у нас называется культуры, «поглощающие труд»⁹).

5. *Косинский В.А. (1906). К аграрному вопросу. Вып. 1. СПб. [Косинский Владимир Андреевич (1864–1938)].

6. *Бруцкус Б.Д. (1914). Очерки крестьянского хозяйства на Западе. Харьков.

7. *Челинцев А.Н. (1910). Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.; *Он же*. (1919). Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков.

8. *Макаров Н.П. (1918). Эволюция крестьянского хозяйства. М. [Так в тексте, должно быть: Макаров Н.П. (1920). Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917, или: *Он же*. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Вып. 1. М.]

9. Вероятно, имеет место адаптация термина к переводу, такие культуры назвались «трудоемкими».

3) Интенсивность труда в крестьянских хозяйствах и годовая продукция на одного работника зависит главным образом от числа членов семьи.

4) Зарплата, получаемая рабочими в России, обратно пропорциональна цене на хлеб.

5) Крестьянские хозяйства, где работа членов расценивается различно из года в год, претерпевая некоторый убыток, который может быть выражен цифрами, одновременно имеют не только достаточно для «прожития», но имеют даже возможность сделать некоторые сбережения, отказывая себе во многом.

Подобные наблюдения и другие аналогичные доказывают, что абсолютно невозможно подвести крестьянское хозяйство под понятия и термины классической экономики. После 20 лет изучения этих вопросов мы успели создать особую теорию родового хозяйства¹⁰ в земледелии в том случае, когда не применяется наемный труд. Согласно этой теории, объем, если можно так выразиться, хозяйственной деятельности отдельной семьи определялся равновесием между степенью удовлетворения потребностей данной группы и количеством затрачиваемого на это труда.

Прибыли, организация семейного труда, распределение его по отраслям — все это рассматривается с точки зрения достижения этого равновесия. Кроме того, крестьянская семья стремится достичь этого чисто индуктивно таким образом, чтобы при наименьшей интенсивности труда достичь наивысшего благосостояния. Следовательно, повышенный уровень благосостояния и накопления средств в каждом крестьянском хозяйстве так же, как и вся годовая затрата, будет зависеть от количества и качества обрабатываемых земель, применения техники, размера имеющегося капитала и развивающихся потребностей.

Эта концепция семейного хозяйства давала ключ к объяснению всех указанных выше особенностей, которые характеризуют сельскохозяйственные организации докапиталистической фазы, как в России, так и в Японии, Индии и других странах, которые находятся еще в [этой] стадии эволюции; таким образом, оказалось возможным построение абстрактной теории народного хозяйства докапиталистического периода, в котором отсутствует элемент наемного труда.

Первое систематическое изложение этой теории было опубликовано на немецком языке в 1923 г.^{11*} и после оживленной полемики по поводу приводимых аргументов теория может быть рассматривается как прочно установленная в основных своих линиях.

10. Очевидно, опечатка, должно быть — «трудового хозяйства».

11. *Чаянов А. Учение о крестьянском народном хозяйстве. Берлин: Поль По-рей, 1923 [*Tschajanow A. (1923). Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft. Berlin: Parey*]. Русское издание в Москве в 1925 году и японское в Токио в 1927 году.

II. Сообразуясь со степенью обоснованности теории крестьянского хозяйства, рассматриваемого как семейное хозяйство докапиталистического типа, требовалось установить, в какой мере фактически этот докапиталистический тип сельскохозяйственной эксплуатации еще удержался и в какой мере он был заменен капиталистической и полукapиталистической формами. В учении о социальной дифференциации русской деревни самая большая заслуга принадлежит у нас марксистской школе. Известно, что В. Ленин посвятил этой теме две своих главных экономических работы^{12*}, а также то, что этот вопрос явился темой двухтомного труда П. Маслова^{13*}.

В настоящее время этот вопрос является одной из важнейших политических проблем Советского Союза; естественно, что ему уделяется особенно большое внимание.

Помимо всего в последние годы, чтобы помочь разрешению этой проблемы, проводят целую серию анкет и специальных статистических исследований. Почти в каждой губернии (провинции) устанавливают то, что у нас носит название «динамических гнезд», т. е. центров, очагов, «сред» типичных групп населения, хозяйство которого взято на учет, уже в течение 5 лет и из года в год подвергается тщательному изучению таким образом, чтобы можно было проследить динамику происходящих в них социальных процессов. Кроме того, проведены многочисленные специальные обследования о взаимоотношениях различных социальных групп сельского населения. Все эти материалы были тщательно проанализированы Л. Крицманом, В. Немчиновым, Я. Анисимовым, И. Верменичевым, К. Наумовым¹⁴ и другими и дали следующую картину:

Применение наемного труда в крестьянском хозяйстве России, как и перед войной, сравнительно незначительно. Если, например, мы оставим в стороне определенные специальные культуры, как табачную и огородную, то сможем установить, что почти повсеместно применение наемного труда круглый год, сезонного и поденно-

12. **Ленин В.И.* (1971). Развитие капитализма в России (1899) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3; Он же. (1969). Новые данные о законах развития капитализма в земледелии (1915) // Там же. Т. 27.

13. **Маслов П.П.* (1908). Аграрный вопрос в России. 2 т. [1-е изд.: Т. 1. СПб., 1905; Т. 2. СПб., 1908. В 1926 году книга Маслова вышла 6-м изданием.]

14. Труды указанных авторов по данной теме: *Крицман Л.Н.* (1926). Классовое расслоение в советской деревне: По данным волостных исследований. М.: Изд-во Ком. академии; *Немчинов В.С.* (1967). Избранные произведения: В 6 т. Т. 1. М.: Наука; *Анисимов Я.А., Верменичев И.Д., Наумов К.И.* (1927). Производственная характеристика крестьянских хозяйств различных социальных групп: Таблицы счетоводного анализа 60 крестьянских хозяйств льняного района Волоколамского уезда Московской губернии / Под ред. А.В. Чайнова. Т. 1. М.: Московский рабочий.

го, в целях получения капиталистической прибыли, не превышает 2 или 3% всего труда, применяемого в сельском хозяйстве.

Роль наемного труда носит скорее вспомогательный характер и применяется не на капиталистических основах. Необходимо отметить, как характерную черту, что очень часто бедняцкое безлошадное крестьянское хозяйство для пашни или для жатвы нанимает богатого крестьянина, имеющего много лошадей, давая ему за это часто очень высокую плату; в этих случаях мы имеем ясный пример капиталистической эксплуатации, но эксплуататор — это тот, кто, владея лошадью, нанимается в качестве рабочей силы, а эксплуатируемый — это «хозяин», который не имеет лошадей.

Такой же характер эксплуатация будет носить и тогда, когда бедняцкие хозяйства пользуются орудиями производства более зажиточных крестьян, не редки случаи, что за пользование молотилкой, мялкой или другими машинами, владелец берет в 2 или 3 раза дороже, чем ему самому обходится работа этих машин.

Необходимо, однако, признать, что эти формы эксплуатации еще не определяют развития капитализма в производстве и в общей экономической системе земледелия, несмотря на то что это может быть источником первичного накопления капиталов для буржуазных слоев деревни.

III. Параллельно анализу социальной природы крестьянского хозяйства уделяется также очень большое внимание анализу структуры производства.

Еще до войны, в 1910 и 1912 гг. под влиянием работ швейцарского экономиста Е. Лаура¹⁵ и датчанина О. Ларсена¹⁶ у нас был применен метод анализа калькуляции наших сельских хозяйств и главным образом изучение статей расходов и доходов, состава и движения их капиталов, организации работы семьи, роли гужевого скота. Этот способ изучения, который у нас называется «бюджетным изучением», имел место, по инициативе Ф. Щербина [Щербины], в конце XIX в., но лишь в 1910–1913 гг. изучение такого рода исследований получило первое свое движение. Прерванные войной, возобновленные в 1922 г., теперь они являются главной основой метода, который применяется при определении организации производства у крестьян, продуктивности, доходности и т. д.

15. Эрнст Фердинанд Лаур (1871–1964), переводы на русский: *Лаур Э.* (1915). Сельскохозяйственное счетоводство для крестьянского обихода / Под ред. Б.Н. Демчинского. Пг.; *Он же.* (1925). Введение в экономию сельского хозяйства / Пер. с нем. Л.К. Солдатова. Предисл. С.С. Базыкина. М.: Кооперативное издательство.

16. Ларсен О. — не установлен, изданий на русском языке не найдено.

На этой основе мы изучаем системы эксплуатации¹⁷, процесс восстановления и накопления капитала, организацию работ и ее распространение по времени, ее распространение по отраслям, себестоимость сельскохозяйственных продуктов, полученный доход, в зависимости от применяемых систем, влияние на этот доход рыночных цен и налогов, покупательную способность хозяйств, потребление крестьянами промышленных изделий и т. д.

Подобного рода изучения проводились ежегодно почти во всех губерниях и охватывали тысячи хозяйств. Невозможно в этом небольшом очерке не только перечислить книг, которые были напечатаны по этим вопросам, но даже назвать научных работников, которые посвятили себя этой работе. Мы лишь отметим, что главным трудом в этой области мы обязаны профессорам А. Челинцеву, Л. Литошенко, В. Немчинову, Н. Кострову¹⁸, Г. Студенскому, К. Наумову и др.

IV. Проблемы сельскохозяйственной географии играют особую роль в нашей экономической науке. В этой области имеются многочисленные труды, давшие уже значительные результаты.

Первый толчок географическим исследованиям был дан в момент, когда почти все административные границы внутри России были изменены. Деление на губернии и уезды, которое было проведено в XVIII столетии — в начале XIX-го, перед проведением железных дорог, потеряло в XX-ом столетии весь свой смысл.

Когда было приступлено после революции к определению новых административных границ, при этом руководствовались, с одной стороны, национальностью населения, с другой — экономической однородностью вновь образованных областей. Нельзя было на практике применять жестко этот последний принцип, но работы, которые имели целью областные группировки экономических интересов, продолжались и велись в широком масштабе.

Хотели также произвести описание, или земледельческую карту, по губерниям и даже по уездам, подразделяя каждую из этих административных частей на земледельческие подрайоны сообразно их специальному характеру.

Если можно назвать деление Союза на экономические области «делением макрообластным», то изучение сельскохозяйственной экономики в губерниях, разделенных по своей продукции на очень малые участки, является уже «микрообластным делением».

Огромные материалы, собранные и проанализированные при производстве макро- и микрообластных изысканий, явились основой для многочисленных теоретических обобщений и вполне естественно, что под влиянием книги А. Вебера, проф[ессора]

17. «Системы эксплуатации» — здесь в значении «системы хозяйства».

18. Костров Николай Иванович (1883–?)

Гейдельбергского университета «Стандарт промышленности»¹⁹, выплыл на поверхность вопрос о факторах, обуславливающих точное распределение видов сельскохозяйственной продукции. Завязалась дискуссия, продолжавшаяся несколько лет, о решающем влиянии естественных и климатических условий (Дояренко²⁰), о рынке (проф. Рыбников, Г. Студенский и марксистская школа), о плотности населения (проф. А. Челинцев). В результате этой полемики изыскивается метод анализа идиографических формул, которые включали бы в себя все три фактора.

Географическая концепция в сельскохозяйственной экономике России представляется в общем в следующем виде: первоначально, с XIV по XVIII в., население страны находилось в условиях «натурального» сельского хозяйства, другими словами, население оседало независимо от влияния рынка на землях более плодородных и в то же время лучше защищенных с точки зрения стратегии. Современное распределение населения хранит еще следы этого исторического процесса. Уже с конца XIX века намечается эволюция в смысле «торгового» сельского хозяйства, влияние рынка сказывается все более и более. В создавшемся объективном положении рынок получил решающее влияние. Интенсивное сельское хозяйство, требовавшее применения наемного труда, должно было находиться в районах, близко находящихся от портов Черного и Балтийского моря, другими словами, там, где население было еще не настолько плотно, в старых же чрезмерно населенных земледельческих губерниях, был избыток рабочих рук для сельского хозяйства, стремившегося к торговле. Иными словами, если мы сопоставим эти два факта: рынок, нуждающийся в известной плотности населения, и, с другой стороны, наличие натурального хозяйства, исторически создавшегося и сохранившегося до настоящего времени, мы сможем установить, что имеются земледельческие районы перенаселенные (центр и юго-запад), нормально населенные и недостаточно населенные, с точки зрения сельского хозяйства (юго-восток и Азия). Это недостаточное равновесие, будучи причиной чрезмерной дробности земельных участков, сверхинтенсификации и патологических аномалий организации сельского хозяйства в перенаселенных областях и, наконец, внедрения чисто американских методов хищнической эксплуатации — является трагедией нашего сельского хозяйства.

Сильное миграционное движение из одной области в другую, достигавшее до войны до миллионной цифры, не могло компенсировать неравновесия, вызываемого чрезмерной рождаемостью в перенаселенных районах. То, что мы изложили, позволяет понять, почему для нашей страны, которая расположена в зоне наименее

19. В русском переводе: Вебер А. (1926). Теория размещения промышленности. Л.—М.: Книга.

20. Дояренко Алексей Григорьевич (1874—1958).

высоких цен мирового рынка, индустриализация есть проблема, имеющая большое сельскохозяйственное значение. То же относится к постройке Волго-Донского канала, постройке новых железных дорог в Сибири, которые втрое удешевят транспорт из Сибири в порты. Это — предприятия первой необходимости по той простой причине, что они удвоят эмиграционную емкость Сибири и заволжских провинций.

В последние годы наши молодые ученые (проф. Г. Горецкий и К. Наумов²¹), изучая географическую проблему, установили новый метод так называемых «экономических профилей». Исследования наших экономистов перемещаются по линии профиля по карте, отмечая все изменения, которые встречаются по пути сельскохозяйственной продукции, и изучая достаточно глубоко также разнообразие систем эксплуатации и факторов, которые являются этому причиной.

Мы провели подобного рода исследование, следуя по 54 параллели от польской границы, через Минск и Могилев до Рославля, на протяжении 450 км (экспедиция Горецкого); другое исследование было проведено по линии Руссы до Волоколамска, протяжением в 70 км (экспедиция Наумова), с целью изучить причины и формы перехода от молочного хозяйства к льноводческим культурам и т. д. Графическое изображение результатов, полученных этой экспедицией, дает чрезвычайно поучительную картину для того, чтобы судить о влиянии и законах географического расположения.

V. Предпринятые работы под руководством пишущего эти строки относительно продукции орошаемых земель («водная рента») представляют особый интерес.

Материалы, положенные в основу для этих теоретических изысканий, получены из наблюдений над земледелием в орошаемых областях Туркестана и Индии. Каждый из таких оазисов в отдельности отличается более высокой производительностью сравнительно с неорошаемыми землями. Однако не следует приписывать столь высокий урожай точно определенному сектору этих областей, так как годной для обработки земли здесь чрезвычайно много. Урожай благодаря воде может распространиться на нужный сектор, в зависимости от желания. Вот почему урожай оазисов силой вещей должен быть приписан не земле, а воде, которая имеется в ограниченном количестве и представляет, следовательно, настоящую ренту, т[ак] н[азываемую] «водную ренту».

Вопреки сходству этой ренты с тем, что мы называем земельной рентой, в природе их имеется, однако, большое различие. Разница в том, что каждая единица воды по качеству равна любой дру-

21. Горецкий Гавриил Иванович (1900–1988), академик Белорусской академии наук (1928); Наумов Константин Ильич (1897–?).

гой единице; она может быть перемещаемая и направлена в любом количестве, на каждую десятину культуры.

Согласно этой теории, устанавливают метод оценки «водной ренты», ее обложения, режима орошения и, главное, устанавливают основы эксплуатации на искусственно орошаемых землях.

Мы имеем еще нечто новое, многообещающее в области практики сельского хозяйства: речь идет о работах проф. А. Минина, А. Рыкова, Р. Кострома и В. Цыпленкова²², которые установили совокупное в методах экономической оценки различных технических приемов в сельском хозяйстве и которые проводят сравнительный анализ количественных взаимоотношений различных посевов, с точки зрения возможного дохода, при существующих ценах, а также с точки зрения затраты труда и капитала, обуславливаемых применением этих культур и получаемых запасов семян и фуража. Настойчивое продолжение этих трудов, которые повсюду теперь возобновлены, позволяет определить для каждой области каталоги семян и рекомендуемых культур, и крестьянин, делая свой выбор, будет предварительно осведомляться об экономических и технических особенностях выбираемых культур.

Изучая крестьянское хозяйство, наша наука столкнулась с серьезнейшей проблемой, касающейся организации больших коллективных хозяйств. Сперва был поставлен вопрос, каковы должны быть размеры сельскохозяйственных предприятий для достижения наилучших результатов. Еще не так давно спорили о преимуществах больших или малых хозяйств. В настоящее время дискуссия ограничивается определением наиболее производительных размеров. Было доказано, что чем больше хозяйство, тем значительно уменьшаются его основные затраты; утилизация служб, материалов и прочего обходится значительно дешевле, но транспортные расходы для внутривладельческих работ в такой же мере более высокие. При определенном размере обрабатываемой площади, разной для каждой системы культуры, сокращение первых расходов более важно, чем увеличение транспортных расходов. Это преимущество реализуется в момент, когда удастся сократить до минимума себестоимость продукции. Размеры хозяйства, в которых достигаются эти результаты, и считаются наиболее выгодными, так как хозяйство дает наиболее высокий доход с гектара. Аналогичное повышение ренты, или, вернее, в теории подъем коэффициента использования ренты (чистый доход сельского хозяйства), будет в том случае, если устранят неблагоприятную раздробленность (чересполосица), при лучшем уходе за культурами, при про-

А.В. Чаянов
Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России

22. Минин Александр Никифорович (1881–1938); А. Рыков — ошибка в инициале: Рыков Виктор Иванович (1865–1937) — до 1930 года ректор и профессор Ленинградского сельскохозяйственного института, брат А.И. Рыкова; «Р. Кострома» — опечатки: Костров Николай Иванович; Цыпленков В.М. — не установлен.

ведении дорог и наиболее рациональной группировке жилых помещений и служб. Работы, определяющие экономическую основу для геодезии, получили у нас очень большое развитие, и последние труды проф. Дитякина, Брука, Сазанова²³ и других дали большое количество интересных теоретических выводов. Таковы некоторые результаты, полученные русскими экономистами в области изучения агрономических наук. Очень трудно в таком небольшом очерке перечислить даже темы, которые привлекают внимание научного анализа.

В заключение мы ограничимся упоминанием работ проф. Н. Кондратьева и его школы о проблемах рынков, сбыта сельскохозяйственной продукции и их колебания. Эта школа занимается изучением движения цен, их взаимоотношениями и индексами; она анализирует структуру отношений между рынками и процессом определения цен. Работы проф. Н. Макарова, о которых мы должны также упомянуть, касаются определенных влияний сельскохозяйственного кредита в крестьянских хозяйствах, получающих ссуды в областных кредитных организациях. Упомянем бегло о работах по теории сельскохозяйственной кооперации, рассматриваемой у нас как одна из форм концентрации, по вертикали, крестьянских хозяйств. Отметим еще работы наших статистиков: Н. Четверикова, В. Обухова, С. Ястремского, А. Вайнштейна и других о проблеме урожая, о методах предварительного его подсчета, о его периодических и циклонических колебаниях, о факторах, являющихся причиной этих колебаний и о возможностях их предвидеть. Работы этого рода, необходимые в связи с неурожаем 1921 года, уже дали положительные результаты.

Таков наиболее краткий обзор русских научных исследований в области сельскохозяйственной экономики.

Нужно надеяться, что интерес к этим исследованиям распространится за пределы Советского Союза и окажет помощь для науки Запада.

Архив РАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 139. Машинопись с правкой, заверено подписью А.В. Чаянова.

23. Дитякин Филипп Тихонович (1881–1952); Брук Борис Львович (1885–1979) до 1930 года научный работник Комитета по землеустройству трудящихся евреев; Сазанов — вероятно, Сазонов Константин Николаевич (1892–?) — до 1930 года профессор Воронежского сельхозинститута.

The current state of agriculture and agricultural statistics in Russia

A.V. Chayanov

This is the first publication in Russian of the article of the classic of the Russian agrarian-economic thought and the leader of the organization-production school Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937), which was written in 1928 and published in the same year in French in the journal “Revue d’Economie Politique”. The Russian original is kept in the archive of the Russian Academy of Sciences. The article describes the state of the agricultural science in the USSR, provides an overview of the main directions of agrarian-economic studies in the late 1920s, and summarizes Chayanov’s theory of peasant economy. The comments were prepared by I.A. Kuznetsov

Keywords: history of economic thought, history of science in Russia, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov

А.В. Чапанов

Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России

В коллегии государственного института с[ельско]х[озяйственной] экономики

А.В. Чаянов

Публикуется архивный документ — письмо Александра Васильевича Чаянова (1888–1937), написанное в 1928 году и адресованное руководству Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики в ответ на критику его концепции крестьянского хозяйства со стороны аграрника-марксиста, сотрудника института Ивана Верменичева. В письме раскрываются обстоятельства написания и публикации статьи Чаянова «Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России». Документ характеризует атмосферу идеологических дискуссий и гонений на некоммунистическую научную мысль в СССР в конце 1920-х годов. Примечания составлены И.А. Кузнецовым.

Ключевые слова: история экономической мысли, организационно-производственное направление, крестьяноведение, А.В. Чаянов, И.Д. Верменичев

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-54-62

В № 10 журнала «На аграрном фронте» напечатана статья И. Верменичева «Об одной вылазке неонародника», содержание которой в некоторой своей части выходит за пределы научной критики и представляет собой ряд обвинений, которые мне кажутся необоснованными и совершенно незаслуженными мной.

Объектом критики И. Верменичева, судя по заглавию и первой странице статьи, является мой недавний обзор, помещенный в журнале «...»¹ в Париже. Однако при внимательном рассмотрении его статьи видно, что в сущности говоря, его критика направлена по адресу моей основной книги «Организация крестьянского хозяйства», изданной по-немецки в 1923 г. и по-русски в 1925 г.² Французская же работа, в которой на изложение самой теории крестьянского хозяйства затрачено в обзоре всего 29 строк, ничего нового не содержащих, взята Верменичевым, очевидно, для придания его статье большей политической остроты.

Сообразно этому я разделяю статью Верменичева на две части: научную критику моих работ (запоздалую на 5 лет), на которую я считаю необходимым ответить особой обстоятельной

-
1. Здесь и далее отточия и пропуски — так в тексте, название журнала — «Revue d'économie politique».
 2. Чаянов А.В. (1925). Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное изд-во. Научное переиздание см.: Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика. С. 194–442.

статьей, и фейерверк политических и идеологических обвинений, против которых я решительно протестую и которые считаю необоснованными.

Обращаюсь к этому последнему.

В ноябре 1927 г., перед самым своим отъездом за границу, я прочитал два почти тождественных доклада — на юбилейных собраниях студентов ТСХА³ и на пленуме Института СХ Экономии, посвященном 10-летию Октября — на тему «Развитие учения об организации сельского хозяйства за 10 лет советской власти», которые никаких протестов ни с чьей стороны не вызвали. Уезжая за границу, я взял черновики этих докладов с собой, рассчитывая, что мне, как обычно, придется, сообразно поручению ВОКСа⁴, выступить с докладами для обществ «Друзей СССР» (доклады в несколько другой плоскости были мной действительно сделаны в Риме в нашем полпредстве и в Базеле в обществе статистиков).

В Париже враждебность ко всему советскому и общая политическая обстановка была такова, что рисковать на публичный доклад я не мог. Профессор Мазон⁵, возглавляющий общество «Друзей СССР», посоветовал мне ознакомить французские ученые круги с нашей работой путем опубликования обзора, и при его содействии и помощи Ш. Жида я добился с большим трудом согласия напечатать мою статью. Необходимо иметь в виду, что сам факт появления этой статьи там, где обычно о СССР пишут только враждебные эмигрантские статьи, был уже политическим успехом.

Необходимо отметить, что среди экономических кругов Франции существовало в это время мнение, что никакой советской науки не существует, что все старые ученые выброшены в эмиграцию (именно так утверждали эмигранты), а марксисты, по их мнению, ничего научного создать не могли.

Сообразно этому мои политические задачи состояли в том, чтобы на страницах крупнейшего экономического журнала Франции в качестве беспартийного свидетеля констатировать:

- 1) что в пределах СССР ведется исключительно большая научная работа,
- 2) что в ней совершенно свободно работает ряд ученых разных направлений, и никто им в этом не препятствует,
- 3) что марксистская школа выдвинула уже ряд ученых аграрников, и их работы дали солидные научные результаты.

Причем сделать это нужно было в атмосфере крайнего недоверия и подозрительности.

Для этой цели я и решил использовать материалы своих юбилейных октябрьских выступлений в Москве.

3. ТСХА — Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

4. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

5. Андре (Андрей Альбинович) Мазон (1881–1967) — французский филолог-славист.

А.В. Чаянов

В коллегию государственного института сельскохозяйственной экономики

По указанию нашего полпредства я привлек к составлению французского текста одного из сотрудников «...», французского коммуниста ..., дав ему свой русский текст и предложив ему дать вольный перевод его на французский, учитывая обстановку Парижа 1927 года.

В результате получилась статья, совершенно искаженная изложением Верменичева.

Статья, указывая, что за последние 10 лет французская наука ничего не знает о развитии нашей научной работы, утверждала, что именно в эти 10 лет экономия сельского хозяйства сделала у нас наибольшие успехи. Далее следовало описание новых сельскохозяйственных ВУЗов, областных опытных станций и их экономических отделов и Губстатбюро, системы плановых органов и ГЗУ и перечень центральных учреждений — ЦСУ, Земплана, Аграрного Института и Института сельскохозяйственной экономики с отметкой о руководстве им Осинкова, Немчинова, Теодоровича (напечатано с опечаткой) и Дубровского. Комакадемия, о чем я очень сожалею, мною не была упомянута, потому что она в то время не имела особого исследовательского аграрного аппарата (ныне в ней организуемого)⁶.

Это обилие научной работы мною мотивировалось тем, что наше сельское хозяйство крайне разнообразно и огромно, и тем, что сейчас оно из форм феодальных и натуральных переходит к товарным и «к новому социальному режиму, построенному на принципах кооперации, индустриализации и электрофикации».

Далее, говоря о теоретических достижениях, я опирался на свои октябрьские юбилейные доклады и кратко изложил:

1) теорию крестьянского хозяйства, как теорию докапиталистических форм организации земледелия, отметив работы организационно-производственной школы;

2) теорию развития капитализма в земледелии и разложения докапиталистических форм, отметив работы Ленина, Маслова, Крицмана, Немчинова, Анисимова, Верменичева и Наумова (книги Гайстера⁷ мне не были тогда знакомы) и подчеркнув исключительные заслуги марксистской школы как таковой в этом круге исследований;

3) бюджетные исследования крестьянских хозяйств, изложив историю которых, я отметил между прочим работы Немчинова и Наумова;

4) исследования по районированию и изучению Standortа сельского хозяйства (отмечены работы Горецкого и Наумова);

5) теорию ирригации и водной ренты;

6. Преобразование аграрной секции Коммунистической академии в Аграрный институт произошло в конце 1928 г.

7. Гайстер Арон Израилевич (1899–1937).

6) работы по анализу севооборотов и экономической оценке сельскохозяйственной техники (работы Минина, Рыкова, Кострова и Цыпленкова);

7) теорию среднего расстояния, эффекта землеустройства и оптимальных размеров (по работам Вайнштейна, Лопатина, Дитякина, Брука, Сазонова и моим).

Далее кратко изложены и упомянуты:

8) работа о конъюнктуре рынка сельскохозяйственных продуктов (Кондратьев);

9) работа об эффективности сельскохозяйственного кредита (Макаров);

10) работы по статистике урожаев (Четвериков, Обухов, Ястремский и Вайнштейн).

Всего мною упомянуто 33 имени; из них 5 или 13% можно причислить к организационно-производственной школе, 11 или 33% марксистов, остальные или другого течения, или же, так сказать, принадлежат к работникам технического порядка.

После трех месяцев выдержки в портфеле редакции, без моего ведома, статья была напечатана, причем редакция, оставив в тексте «...», на заголовке вместо нее поставила «...»⁸, дабы не дразнить антисоветских гусей, а саму статью вместо «Парижа» датировать «Москвой», дабы подчеркнуть ее советское происхождение (отметки о моей принадлежности к московским академическим учреждениям были недостаточны, так как все эмигрантские профессора продолжают себя именовать московскими, петербургскими, киевскими и проч.).

Таково происхождение и содержание статьи, я считал и считаю, что ею сделано крупное советское дело, и только полное незнание Верменичевым французской обстановки и свойственная ему болезненная подозрительность могли внушить ему плоскость понимания, с которой он писал свою статью.

Прежде всего о заглавии. Верменичев называет мою статью «вылазкой».

Вылазки всегда делаются из осажденной крепости против осаждающих врагов.

Очевидно, статью нельзя было трактовать как вылазку против кого бы то ни было в пределах СССР, ибо она совершенно не рассчитана на советского читателя, и сам Верменичев впервые узнал о ней, по всем вероятностям, из того экземпляра с авторской подписью, который я ему преподнес.

Можно ли ее трактовать как вылазку против марксизма за границей? Сама история статьи, цитирование 11 марксистских имен (9 из них коммунисты) и выдвижение особой главой работ марксистской школы, высоко оцениваемой автором, говорит как буд-

8. По-видимому, речь идет о том, что в тексте страна названа «URSS», а в заголовке стояло «Russie».

то бы об обратном, а именно о поддержке, а по парижской обстановке — даже о крупной поддержке русской марксистской школы.

Быть может, я извратил изложение работы? Верменичев из всех 10 тем, мною затронутых, интересуется только двумя: 1) теорией крестьянского хозяйства и 2) дифференциацией.

Я думаю, что свои работы я могу изложить правильно, и если мое изложение отличалось от всех предыдущих напечатанных на русском, немецком, японском и других языках, то только тем, что я сугубо подчеркнул, что речь идет о докапиталистических формах хозяйства, которые, будучи втянуты в капиталистическое общество, начинают разлагаться.

Что же касается изложения работ о дифференциации крестьянского хозяйства, то я отметил малое развитие прямого капиталистического найма, то есть фермерских типов крестьянских хозяйств и, вполне в согласии с самим Верменичевым, сделал упор на развитии сдачи инвентаря и рабочего скота, что, по моему указанию, может создать первичное капиталистическое накопление и зарождение сельской буржуазии. На 30 строках большего сказать нельзя. Верменичев иронизирует над моим заключением, но потом неожиданно говорит, что на этой же точке зрения стоит С.М. Дубровский, то есть моя точка зрения, оказывается, не выходит даже за пределы внутримарксистской полемики.

Говоря иначе, изложение и того и другого как будто бы [не?] содержит уже очень больших ошибок. Верменичев меня винит в том, что я не изложил марксистской критики своей теории. Я вообще, по объему статьи, не мог касаться дискуссий, да они и не были бы понятны французским читателям, и только болезненное воображение может из моей статьи, даже между строк, вычитать, что я сообщаю французам о победе над марксизмом и марксистов беру в пособники себе.

Таким образом, мое изложение может быть не полно, но извращений в них нет, и мне думается, что если я рассказал Франции значительную часть того, что рассказывалось мной, и притом без протестов, в Москве на октябрьских торжествах, то это не есть извращение.

В чем же тогда дело?

Очевидно, не в «вылазке в Европу», ибо тогда Верменичев полемизировал бы со мной не в «Аграрном Фронте», а в «...» и других иностранных органах, как это и делают ныне наши советские экономисты, и крыл бы не эту краткую статью, а мои основные работы, почти все уже переизданные в Европе.

Дело в том, что для обострения и нужного успеха своей атаки на мою работу в пределах СССР, он для обострения критического понимания привлекает для уснащения критики моей основной русской работы мою иностранную статью, имевшую совершенно иной смысл, иное задание и написанную для совершенно иного читателя и в иной обстановке.

Никаких новых объектов для критики эта статья не заключала, и все в ней заключающееся Верменичев мог найти и в основных моих советских изданиях, и их, а не что-нибудь другое, по сути дела, он и критикует, а для сенсации, усиливаемой предвзятыми толкованиями и совершенно необоснованными приписываниями и чтением между строк, — он связывает свое критическое выступление с французской статьей.

Вот против этого-то я и протестую.

Постараемся возможно более точно анализировать текст, вызвавший критику Верменичева.

Приступая в своей статье к изложению русских работ о крестьянском хозяйстве, я должен был французским экономистам, в подавляющем большинстве (за исключением Афталиона⁹) являющихся эпигонами классической школы чуть ли не в стиле Сэя, разъяснить, что не все в мире строится на началах капиталистического хозяйства, основы которого кажутся им универсальными и вечными, но что экономическая жизнь в разных периодах своего исторического развития строится по-разному и что на экономическую докапиталистических форм развития нельзя экстраполировать категории зрелого капитализма.

Вот моя основная задача, и в данном случае я не вижу никакого своего расхождения с марксистской точкой зрения.

Сообразно стилю своей статьи я редактировал свою мысль следующим образом:

«Новейшая политическая экономия, начиная от Адама Смита и Рикардо, вплоть до Маркса и современных теоретиков, построена на динамике капиталистического хозяйства. Выводы этой капиталистической политической экономии были, неизвестно почему, приняты, как имеющие универсальный характер, как применимые вполне также хорошо по отношению к другим видам хозяйства, управляемого иными принципами, нежели капиталистические. Таким образом, некоторые европейские государства совершали в своих колониях, хозяйство которых находилось в докапиталистической фазе, многочисленные и грубейшие ошибки и удивлялись затем, видя, например, что фискальная политика, основанная на принципах Рикардо, оказывалась недействительной в Индии или Китае. Эта экстраполяция должна была иметь особенно тяжелые последствия для России, где 90% пахотных земель обрабатывались крестьянами, не прибегавшими к наемному труду».

Верменичев, которому для сенсации нужно меня изобличить в марксоедстве, не найдя в статье ничего более подходящего, ухватывается за последнюю фразу абзаца и клятвенно уверяет, что, написав ее, я имел в виду марксизм (почему? отчего? — никак понять невозможно) и что поскольку, по мнению Верменичева, марксизм как течение мог выявлять свои суждения только после революции

9. Альбер Афталюн (1874–1956).

(а борьба народников и марксистов? А работы Ленина и Маслова?), уверяет, что в этой фразе я имею в виду экономическую политику Советской власти, руководимую марксистами, и далее раздражается фейерверком всяческих обвинений.

Однако употребляя этот полемический прием, Верменичев упускает два обстоятельства:

1) В моей статье непосредственно вслед за фразой о невозможности экстраполировать на крестьянское хозяйство категории капиталистического общества написано, что «в течение более чем 20 лет русские экономисты в своих работах отмечали абсолютную невозможность применить для экономии нашего крестьянского хозяйства дедукции классической политической экономии».

2) Что многие из читателей прочтут не только первые три политически заостренные страницы [статьи] Верменичева, но и ее научно-критическую часть, а в ней, к своему изумлению, фразу: «мелкотоварное хозяйство, конечно, не есть капиталистическое хозяйство» (стр. 22), то есть убедятся в том, что и сам Верменичев считает невозможным перенос категорий зрелого капитализма, в котором только и мыслят мои французские читатели всю хозяйственную жизнь, на экономику простого товарного хозяйства. А ведь только об этом я и писал.

А кроме того, я, да и никто из советских экономистов, не назовет, я думаю, нашу советскую экономическую политику «экстраполяцией принципов капиталистического хозяйства на крестьянство». Наша плановая политика эпохи социалистической реконструкции народного хозяйства руководится, по-моему, отнюдь не принципами капиталистического хозяйства. Поэтому если бы я считал момент подходящим, то с гораздо большим основанием мог бы обвинять его в том, что он, обвиняя меня в том, что говоря о невозможности переноса капиталистических дедукций на крестьянское хозяйство, имею в виду политику пролетарского государства, тем самым допускает лишь, что эта политика как-то связана с принципами капитализма, что является грубой идеологической ошибкой.

Все остальные выпады Верменичева в политической части статьи имеют такие же основания (на его серьезную научную критику я отвечу отдельно столь же подробной статьей). Я не могу даже сказать, что Верменичев делает из мухи слона, ибо в данном случае даже и мухи-то не существует.

С другой стороны, я должен признать, что не только в этой статье, сколько в ряде других заметок, напечатанных за границей, у меня встречаются недостаточно точные и неясные формулировки и редакционные поправки иностранных редакторов, которые формально могут дать повод к обвинению в стиле Верменичева. Постараюсь впредь более тщательно редактировать свои обзоры.

Кроме того, я считаю необходимым отметить, что все мои информации шли упорно в плоскости организации хозяйства и географии сельского хозяйства, то есть того узкого понимания сельско-

хозяйственной экономии, которое свойственно терминам «...», «...» и им подобным за границей. Поэтому я почти не касался в них работ о социальной структуре земледелия и об экономической политике, а так как большинство марксистских работ проведено именно в плоскости этих тем, то этим именно и объясняется мое якобы «замалчивание» марксистских работ.

Последнее легко исправимо тем, что в ближайшее время я постараюсь в европейской и американской прессе поместить ряд обзоров о наших социально-экономических работах и о работах по реконструкции земледелия.

Верменичев, несколько месяцев работая моим ближайшим помощником, имел тысячу возможностей по-товарищески указать мне на эти свои недоумения и тем ускорить появление моих статей о социально-экономических проблемах и социалистической реконструкции в европейской и американской прессе.

Вместо этого он предпочел прибегнуть к приемам, которые вряд ли могут служить примером «бережного отношения к нашим научным работникам».

Сообразно изложенному я прошу Коллегию Института рассмотреть следующие вопросы:

1) Может ли моя статья в какой-нибудь степени рассматриваться объективно как антимарксистское выступление, в то время как субъективно я считаю, что она является укреплением наших советских вообще и марксистских в частности работ в европейских академических кругах.

2) Должен ли я в своей обширной переписке и печатных работах за границей продолжать информацию о наших советских работах и в том числе и о марксистских, или должен только говорить о своих личных работах.

3) Какие меры я и Коллегия, поскольку я выступал как член Коллегии Института, должны принять по случаю появления статьи Верменичева, дабы рассеять получившееся у читателей мнение, что мое выступление чуть ли не аналогично выступлению Жебелева¹⁰.

профессор А.В. Чаянов

Архив РАН. Ф. 528. Оп. 5. Д. 136. Машинописная копия на папиросной бумаге.

10. Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941), филолог-классик, академик АН СССР в конце 1928 г. был подвергнут травле за публикацию статей в эмигрантских изданиях.

ИСТОРИЯ
И ТЕОРИЯ

A.V. Chayanov

This is a publication of an archival document — a letter of Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937) written in 1928 to the administration of the Research Institute of Agricultural Economy as a response to the criticism of his theory of peasant economy by an agrarian-Marxist and employee of the Institute Ivan Vermenichev. The letter reveals the circumstances of writing and publishing Chayanov's article "The current state of agriculture and agricultural statistics in Russia". This publication characterizes the atmosphere of ideological discussions and persecution of the non-communist scientific thought in the USSR in the late 1920s. The comments were prepared by I.A. Kuznetsov

Keywords: history of economic thought, organization-production school, peasant studies, A.V. Chayanov, I.D. Vermenichev

История современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР

А.В. Чайнов

Впервые на русском языке публикуется статья классика российской аграрно-экономической мысли, лидера организационно-производственной школы Александра Васильевича Чайнова (1888–1937), написанная в 1929 году и опубликованная с сокращениями в 1930 году на английском языке в журнале *American Journal of Agricultural Economics*. Полный, русскоязычный текст приводится по оригиналу, хранящемуся в архиве Российской академии наук. В статье рассматривается история аграрно-экономической науки в России с XVIII века и состояние аграрно-экономического образования в СССР, сложившееся к концу 1920-х годов. Примечания составлены И.А. Кузнецовым.

Ключевые слова: история сельскохозяйственных наук, история экономической мысли, организационно-производственное направление, А.В. Чайнов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-63-73

Введение

Профессор Гарвардского университета Д.Д. Блэк в высшей степени любезно выполнил просьбу своих русских коллег и поместил на страницах нашей прессы подробный очерк развития сельскохозяйственной экономики в Соединенных Штатах Северной Америки. Высоко ценя этот акт международной любезности, я охотно выполняю его просьбу представить в его распоряжение соответствующий краткий очерк истории современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР. Русская сельскохозяйственная экономика и, в частности, учение об организации хозяйства имеет гораздо более глубокую историю, чем те же науки в Североамериканских Соединенных Штатах.

Первой датой, от которой мы можем вести существование нашей науки, является 1737 год, в который появилось на русском языке первое издание перевода или, точнее, русифицированной переделки известной немецкой Флориановой экономики. Эта книга, наряду с целым рядом глав по домоводству и технике сельского хозяйства, содержит немало сведений и по организации сельского хозяйства, заимствованных из разных европейских энциклопедий и трактатов и приуроченных к русской действительности пе-

реводчиком книги Сергеем Волчковым¹. В начале XVIII века эта книга выдержала четыре издания и многие десятилетия являлась единственным руководством для наших сельских хозяев, и только уже в конце века, в 1776 году, выходит оригинальное русское сочинение некоего Десницкого, содержащее в себе подробное руководство к ведению сельского хозяйства поместья, основанному на рабском труде крепостных крестьян, и содержащая в себе все необходимые сведения по организации такого поместья, вплоть до бланков своеобразного натурального счетоводства². Одновременно с Десницким в русской литературе выступил некий Болотов³, имевший случай в качестве русского офицера во время семилетней войны с Фридрихом Великим в Германии познакомиться с Мекленбургской системой выгонного земледелия. В течение двух десятилетий он, выпуская целый ряд статей по вопросам организации сельского хозяйства и редактируя особый журнал, называемый «Экономический магазин», был центром сельскохозяйственной мысли и учителем следующего поколения русских агрономов. В конце XVIII века и начале XIX века мы можем отметить целую плеяду кабинетных ученых и практиков, которые стремились пересадить на русскую почву основу английского интенсивного хозяйства или начала травополя, основанную известным Шубартом фон Клеефельдом в Германии. Роясь в наших библиотеках, мы находим десятки томов, написанных [А.А.] Самборским, [И.М.] Комовым, [А.В.] Разнотовским, [В.А.] Лившиным, Савриным⁴ и другими первыми нашими агрономами и организаторами хозяйства. Само собой понятно, что в эту эпоху организация хозяйства была неотъемлемо связана с техникой животноводства и полеводства, и вопросы об организации территории, системах хозяйства, севооборотах и даже монографии отдельных крестьянских хозяйств, учитывающие доходы и приходы, излагались совместно с учением о посеве, обработке почвы и сортах растений.

1. Флоринова экономия, с немецкаго на российской язык сокращенно переведена Сергеем Волчковым и напечатана повелением... Императрицы Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийския. СПб., 1738 (последующие издания: 1760, 1775, 1786, 1794). Волчков Сергей Саввич (1707–1773) — секретарь Академии наук, директор Сенатской типографии.
2. Оригинальное сочинение Десницкого 1776 года не найдено. Возможно, речь идет об издании книги англичанина Томаса Боудена с добавлениями Семена Ефимовича Десницкого (1740–1789), профессора Московского университета: *Боуден Т.* (1780). Наставник земледельческий, или Краткое аглинского хлебопашества показание... А переведена на российский язык и притом из наилучших аглинских о земледелии писателей приумножена и пополнена профессором Семеном Десницким. М.
3. Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833).
4. Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815); Комов Иван Михайлович (1750–1790); Разнотовский (Разнотовский, Разнатовский) Андрей Васильевич (1741–1818); Лившин (Лёвшин) Василий Алексеевич (1746–1826); Саврин — не установлен.

Это-то соединение техники и организации мы встречаем и в начале XIX века в трудах Терехова⁵ и особенно проф. Московского университета [М.Г.] Павлова⁶, являвшихся учениками Тэера и пропагандировавших в России его «Основы рационального земледелия», при их содействии изданные в русском четырехтомном издании⁷. Однако в это же время мы встречаем целый ряд трактатов и отдельных монографий, имеющих характер исключительно организационного порядка. Так, например, знаменитая брошюра Захарьева, вышедшая в 1801 году и называвшаяся «Новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход»⁸. Выделение сельскохозяйственной экономии, организации хозяйства и счетоводства в самостоятельную научную дисциплину и издание соответствующего курса связываются у нас с именем проф. [А.П.] Людоговского⁹. В 1861 году, после того как была отменена система рабства крестьян, правительством была основана под Москвой первая высшая сельскохозяйственная школа, названная Петровской Академией, и ряд молодых ученых был отправлен за границу для подготовки их к профессорской деятельности в этой школе. Среди них мы находим и молодого Людоговского, который тщательно изучил в Германии, Франции и Англии все течения сельскохозяйственной экономии, организации хозяйства и счетоводства и, прочитав в течение ряда лет свой блестящий курс лекций по этой кафедре, опубликовал в 1875 году свое классическое руководство под названием «Основы сельскохозяйственной экономии и счетоводства». Эта книга до самого последнего времени являлась руководством для студенческих занятий в высшей школе, несмотря на то что в ней было очень мало оригинального, а собранные им обильные материалы и иностранные теории относились к первой половине XIX века. Конец XIX века отмечен рядом курсов и школьных пособий, представляющих собой переложение и русификацию по преимуществу немецких книг школы Теодора фон-дер Гольца¹⁰. Крупные помещичьи хозяйства в эту эпоху медленно умирали, распродавая ежегодно мелким крестьянским хозяйствам сотни тысяч гектаров, а крестьянские хозяйства, которые велись тогда прадедовскими методами, еще не ощущали потребности в рационализации своей организации

5. Вероятно, опечатка и речь идет о Дмитрие Потаповиче Шелехове (1792–1854).

6. Павлов Михаил Григорьевич (1792–1840).

7. Четырехтомный труд Альбрехта Даниеля Тэера (1752–1828) был издан на русском языке в 5 томах: *Тэер А.* (1830–1835). Основания рационального сельского хозяйства / Пер. С.А. Маслова. М.—СПб., Ч. 1–5.

8. Автор — Захаров Иван Семенович (1754–1816), сенатор: *Захаров И.С.* (1801). Усадьбы или Новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход. СПб.

9. Людоговский Алексей Петрович (1840–1882)

10. Теодор фон-дер Гольц (Theodor Alexander Georg Ludwig Freiherr von der Goltz) (1836–1905).

и техники. Русская сельскохозяйственная экономия этого периода по преимуществу интересовалась вопросами народнохозяйственных судеб земледелия и изучала вопросы развития капитализма в сельском хозяйстве, и в высшей степени мало занималась организацией хозяйства. Вопросы социального строения сельского хозяйства получали свое освещение в книгах Ленина и друг[их] экономистов, а работы экономистов-агрономов, профессоров [А.Ф.] Фортунатова, [В.Г.] Бажаева¹¹, [К.А.] Вернера и друг[их] носили по преимуществу статистический характер, и только один проф. Ново-Александровского Института, помещавшегося в Польше, А.И. Скворцов¹², в своих курсах трактовал с очень большой глубиной и оригинальностью проблемы организации хозяйства и сельскохозяйственной таксации. С началом XX века положение дел резко изменяется. Органы местного самоуправления предпринимают ряд широких мероприятий к улучшению крестьянского хозяйства. Его агенты, так называемые земские агрономы, число которых к началу века достигло 9 тысяч, ведут пропаганду улучшенного земледелия и реорганизуют крестьянские хозяйства. Густая сеть сельскохозяйственных кооперативов покрывает собой всю земледельческую Россию, захватывая к началу века более 4 млн крестьянских хозяйств. Многочисленные межевые инженеры ведут обширные землеустроительные работы, и целый ряд сложнейших вопросов организации хозяйства и таксации выдвигается в связи с этим в жизнь на первую очередь. Агронимический съезд 1911 года формулирует эти запросы времени и создает план образования новых школ и научных центров, в которых организация хозяйства должна занимать почетное место.

Трудами профессоров Челинцева, Макарова, Бруцкуса, Мациевича, Рыбникова и автора этих строк закладываются основы современной науки об организации сельского хозяйства. Война и события революции на многие годы задержали развитие этой науки. Однако, начиная приблизительно с 1921 года, научная работа в области организации хозяйства и таксации постепенно возрождается и под влиянием новых вопросов, выдвигаемых современной организацией СССР, и широкой материальной поддержки нашей науки со стороны государства приобретает небывалые до сего времени размеры, которые будут ясны из последующего.

II. Преподавание организации хозяйства и таксации

В начале XX века в России существовали две кафедры сельскохозяйственной экономики и счетоводства. В Москве в Петровской

11. Бажаев Владимир Гаврилович (1865–1916) — профессор сельскохозяйственной экономики Киевского политехнического института в 1903–1916 годы.
12. Скворцов Александр Иванович (1848–1914).

Академии, которую занимал проф. Фортунатов, и в Новой Александрии в Польше, занимаемую проф. Скворцовым, а после его смерти проф. Челинцевым. Вскоре к ним присоединилась кафедра в Киевском политехникуме, возглавляемая проф. Бажановым¹³. В 1913 г., по причинам, изложенным нами во введении, к этим кафедрам присоединились кафедры сельскохозяйственной экономики и организации хозяйства во вновь открытых высших сельскохозяйственных школах в Воронеже, Санкт-Петербурге и Омске и в женской сельскохозяйственной высшей школе в Москве. Эти кафедры заняли в Воронеже Н.П. Макаров, в Санкт-Петербурге — Б.Д. Бруцкус, в Омске — [Н.Н.] Кажанов¹⁴, в женском институте в Москве — В.[И.] Анисимов¹⁵, кроме того в Москве в Петровской академии из старейшей кафедры сельскохозяйственной экономики была выделена специальная кафедра организации хозяйства, занятая автором этих строк¹⁶.

После войны и революции потребность страны в агрономических работниках расширилась настолько, что пришлось открыть целый ряд новых высших сельскохозяйственных школ, причем почти всюду в этих школах существовала уже не одна кафедра, а специальная кафедра для сельскохозяйственной экономики, излагающая народнохозяйственные основы земледелия, и специальная кафедра организации хозяйства и таксации. Такие кафедры возникли почти во всех крупных областных центрах и для преподавания организации хозяйства и таксации на них были привлечены, с одной стороны, молодые ученые по преимуществу московской школы, а с другой стороны, — ряд видных старых агрономов, проявивших склонность к экономическим вопросам. К первой группе принадлежали молодые профессора: [С.Н.] Тумановский в Харькове, [Г.А.] Студенский в Самаре, [И.А.] Колюков в Краснодаре, Григорьев в Казани, Строгий в Баку, [Н.П.] Никитин в Московской высшей Зоотехнической школе¹⁷. Ко второй группе принадлежали [В.Н.] Варгин в Перми, [Б.Х.] Медведев в Саратове, [В.И.] Рыков в Ленингра-

13. Опечатка, правильно — Бажаевым. Политехникумами называли политехнические институты.

14. Кажанов Николай Николаевич (1880–?) преподавал в Омске, затем в Петрограде, Ташкенте, Одессе.

15. Анисимов Виктор Иванович (1875–1920) преподавал на Высших женских (Голицынских) сельскохозяйственных курсах.

16. Кафедра Чаянова в Московском сельскохозяйственном институте в 1914–1916 годы в отчетах института именовалась «сельскохозяйственной экономии II» (первую занимал А.Ф. Фортунатов), кафедра организации появилась после образования экономического факультета Тимирязевской академии в 1920–1922 годы.

17. Колюков Иван Алексеевич (1890–?) — в 1924–1930 годы профессор Кубанского сельхозинститута; Никитин Николай Павлович (1893–1975) заведовал кафедрой Московского зоотехнического института. Тумановский в Харькове, Григорьев в Казани, Строгий в Баку — не установлены.

де, [И.Н.] Скорняков в Омске, Красноперов в Иркутске, Бажанов в Одессе, [В.П.] Христианович во Владикавказе и [А.Н.] Минин, заменивший [Н.П.] Макарова, в Воронеже¹⁸. Большинство кафедр еще только разворачивают свою работу. Методы их работ очень разнообразны и об них можно судить по примеру Московской кафедры, вполне сложившей методику своего преподавания за 14 лет.

В Москве организация хозяйства и таксация начинаются на третьем курсе, после того как студенты на первом и втором курсе проходят политическую и сельскохозяйственную экономию. Каждый студент от 15 сентября до 1 мая занимается по организации хозяйства и таксации 6 часов в неделю, из которых он 2 часа слушает лекции теоретического курса организации хозяйства, всего в год 44 часа, и 4 часа в неделю проходит в лаборатории занятия и семинары, всего в год 88 часов, не считая часов домашней подготовки. В течение лабораторных занятий каждый студент прежде всего решает 16 задач по таксации и сельскохозяйственным калькуляциям; сюда входят задачи по исчислению стоимости сельскохозяйственных продуктов и средств производства, исчисление амортизации, оценка мелиорированных земель, исчисление простых и сложных себестоимостей: молока, зерновых продуктов и проч. Оценка свиньи в разные периоды откорма, экономический анализ севооборотов, землеустройство и проч. Материалы для задач заимствуются из действительной жизни и даются каждому студенту. Во второе полугодие студенты продолжают так называемый счетоводный анализ хозяйства, во время которого на основании данных бухгалтерии действительно сущего хозяйства они составляют главную книгу двойного итальянского счетоводства и особыми методами исчисляют соотношение и доходность отраслей сельского хозяйства и всего хозяйства в целом, а также попутно исчисляют для своего хозяйства стоимость рабочего дня лошади, себестоимость кормовой единицы и т.д. Руководители занятий попутно ведут сопоставления различных хозяйств между собой. В семинарских занятиях студенты делают доклады и ведут обсуждения теоретических вопросов, заинтересовавших их во время практических занятий. Для всех этих занятий существуют практические руководства, переиздаваемые каждый год. Всего в течение года занимаются на третьем курсе по организации хозяйства около 600 человек, разделенные на 24 группы, которые руководятся профессором при содействии 9 ассистентов. Эта ассистентура представляет собой кадры, из которых впоследствии вербуются профессора новых школ. На четвертом курсе московской школы студенты занимаются в осо-

18. Варгин Владимир Николаевич (1866–1936); Медведев Борис Харлампиевич (1871–1955), Рыков Виктор Иванович (1865–1937); Скорняков Иван Николаевич (1889–?); «Бажанов в Одессе» — опечатка: Кажанов Николай Николаевич (1880–?); Христианович Виктор Петрович (1882–?). Красноперов в Иркутске — не установлен.

бом семинаре 2 часа еженедельно над составлением подробнейшего организационного плана какого-нибудь реально существующего хозяйства, подлежащего рационализации, причем студенты, специализирующиеся по управлению крупными хозяйствами, составляют организационные планы крупных хозяйств от 500–3000 гектаров.

Студенты, специализирующиеся по работе среди крестьянских хозяйств, а также в области техники земледелия, животноводства и садоводства составляют организационные планы маленьких ферм и планы организации отдельных селений и маленьких районов. Будущие работники кооперации прибавляют к этому организационные планы кооперативных предприятий. Студенты, специализирующиеся по вопросам организации хозяйства, кроме этого отбывают однолетнюю практику в каком-нибудь крупном хозяйстве, пишут научное исследование (диссертацию) по вопросам организации хозяйства и по окончании высшей школы должны представить отчет о годичной практике по управлению хозяйством, после чего получают окончательный диплом.

III. Исследовательская работа

Научно-исследовательская работа в области изучения организации хозяйства в начале XX века велась по преимуществу в двух направлениях. С одной стороны, ряд агрономов-практиков составляли тщательно подобранные и детальные монографии отдельных крупных хозяйств. В нашей литературе мы имеем несколько десятков таких исследований, из которых некоторые, как, например, исследование Маньковского о хозяйстве Гуты, охватывало 30-летний период существования крупного свеклосахарного хозяйства¹⁹. Наиболее интересные работы этого рода были подготовлены к Киевской сельскохозяйственной выставке 1913 года. Другим направлением работ явилось изучение крестьянских хозяйств, производимое местными статистическими бюро в целях установления земельных доходов, подлежащих налоговому обложению. В целях определения доходности крестьянского хозяйства наши статистики собирали обширные материалы об издержках производства, и в частности о затрате труда и тяги на разные культуры и о доходах, получаемых от них. В целях выяснения размеров чистого дохода были предприняты и полные монографические описания крестьянских хозяйств так называемым бюджетным методом, т. е. методом полного учета хозяйственного имущества и всех без исключения доходов и расходов крестьянского хозяйства. Эти по-

19. Ошибка в фамилии автора: *Сладковский И.В.* (1913). Имение «Гуты» Л.Е. Кениг-наследники. Ч. 1. 30 лет свекловичного хозяйства: Опыт исследования естественно-исторических и технико-экономических условий южно-русского хозяйства. Харьков.

следние работы, начатые еще в XIX веке [воронежским] статистиком Щербина, продолжались затем в Вологодской, Харьковской, Московской, Новгородской и других губерниях, испытывая на себе влияние аналогичных швейцарских работ Э. Лаура и создавая свою оригинальную методiku. Организационный анализ этих бюджетных материалов дал начало целому ряду работ проф. Челинцева, Макарова, Рыбникова и автора этих строк по изучению организационных основ крестьянского хозяйства. Десять лет этой работы образовали собой целую школу, получившую наименование организационно-производственной, итоги работы которой были опубликованы мною в 1923 г в Германии в книге «Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft»²⁰. За время войны и революции исследовательская работа в области организации хозяйства сосредотачивалась, с одной стороны, при кафедрах высших школ, а с другой стороны, при экономическом отделе Народного комиссариата земледелия, аналогичному соответствующему отделу Вашингтонского департамента земледелия. Значительная часть работ была посвящена изучению различных социальных типов крестьянского хозяйства и установлению наиболее рациональной их производственной организации. Особенно выдающийся круг работ был выполнен проф. Челинцевым, Книповичем, Рыбниковым, Никитиным и другими по чрезвычайно дробному районированию европейской части России с точки зрения организации в каждом из этих районов сельскохозяйственного производства. Большой круг работ был проделан в связи с произведенной во время революции аграрной реформой. Профессором Макаровым были установлены потребительские и трудовые нормы землепользования для всех районов нашей страны. Говоря иначе, был установлен размер земельной площади, с которой может справиться один рабочий при разных системах хозяйства, и размер земельной площади, доход с которой давал возможность существовать одному человеку.

В области организации крупных хозяйств автором этих строк была проделана работа по определению оптимальных размеров крупных хозяйств при разных системах земледелия и ряд других работ в этой же области. Наконец, период 1921–1925 гг. явился периодом, в течение которого в работах кафедры организации хозяйства Петровской академии сложилась и получила свое оформление наука о сельскохозяйственных оценках, значительно более разработанная, чем немецкая ...²¹. В 1919 году весь круг этих работ получил организационное оформление в виде создания особого Института Сельскохозяйственной Экономики, объединившего в своем составе почти всех крупнейших ученых, работающих в области сельскохозяйственной

20. В оригинале заглавие пропущено, здесь восстановлено по журнальной версии.

21. В журнальной версии фраза отсутствует. Должно быть Betriebslehre — буквально: учение об эксплуатации.

экономии и организации хозяйства. Несколько позже создались два других Института — Международный Аграрный Институт, изучающий крестьянские движения и политические вопросы, связанные с аграрным режимом, и особая аграрная секция Коммунистической Академии в Москве, интересующаяся по преимуществу теоретическими проблемами сельскохозяйственной экономики.

Сообразно этому все теоретические вопросы народнохозяйственного анализа отошли к этим двум последним институтам, а московский Институт Сельскохозяйственной Экономии направил свои работы по преимуществу на вопросы организации производства. За десять лет своего существования институт опубликовал более 40 томов своих трудов и среди многочисленных тем, затрагивающих почти все вопросы организации и таксации сельского хозяйства, он с особенной тщательностью разрабатывает в настоящее время две темы: во-первых, себестоимость сельскохозяйственных продуктов и, во-вторых, методику составления организационных планов сельскохозяйственных предприятий.

Анализ себестоимости в условиях народного хозяйства СССР имеет совершенно иное значение, чем в Америке. В условиях, когда заготовка всех сельскохозяйственных продуктов является фактической монополией государства, вопрос определения цен является кардинальным вопросом сельскохозяйственной политики. Всякая ошибка в этой области может губительно отозваться на самом сельскохозяйственном производстве, сообразно чему государственный орган, определяющий политику цен, нуждается в тщательном научном анализе себестоимостей сельскохозяйственных продуктов и факторов, их определяющих. Для этой цели Институтом были проделаны обширные исследования, захватившие своими описаниями 100 крестьянских ферм и давшие материал для исчисления себестоимостей хлопка, льна, сахарной свеклы, подсолнуха и зерновых хлебов.

Исследования по разработке методики составления организационных планов начаты Институтом сравнительно недавно и имеют своей задачей изыскание способов рационализации существующих крупных государственных хозяйств и, главным образом, дать консультации по организации 125 план[овых] зерновых хозяйств, каждое по 25 000—35 000 гектаров, которые запроектированы ныне правительством СССР. Помимо работ Института Сельскохозяйственной Экономии в настоящее время при всех областных опытных станциях создаются особые бюро по организации хозяйства и сельскохозяйственной экономики, которые, несмотря на свой чрезвычайно юный возраст, уже дали ряд ценных работ по вопросам организации труда, экономическому анализу севооборотов, расчетов тяги и проч.

В пределах настоящей статьи мы бессильны, конечно, даже в самых общих чертах, изложить содержание и результаты упомянутых выше работ и описать ту методику, с помощью которой они производились. Укажем только, что испытав на себе влияние немецкой шко-

лы Аэребо и Бринкмана²², с одной стороны, и американских авторов, с другой, наши работы установили собственные приемы и методы исследования, значительно отличающиеся от своих первоисточников. Русскую науку об организации хозяйства можно считать вполне окрепшей и прочно вставшей на свои собственные ноги.

IV. Материальная организация науки об организации хозяйства

Заканчивая наш очерк о современном состоянии науки об организации [сельского] хозяйства в СССР, мы должны остановиться хотя бы в нескольких словах на описании тех материальных ресурсов, которыми она располагает. Кафедры организации хозяйства в каждом высшем учебном заведении обычно имеют помимо использования общих аудиторий, одну или две комнаты, оборудованные для научных занятий и снабженные библиотеками и обширными коллекциями чертежей, планов и т.п. Бюджет такой кафедры составляет, сверх оплаты профессорского и ассистентского состава, от 1000—3000 долларов на научные работы. Несколько более скромно, но приблизительно в тех же масштабах и бюро организации хозяйств при 23 областных опытных станциях. Институт Сельскохозяйственной Экономии, располагающий общим бюджетом около 1500 долларов, размещен в бывшем дворце князей Юсуповых²³, занимает 16 обширных зал и обладает библиотекой русских и иностранных книг по вопросам экономики и сельского хозяйства размером более 100 000 томов на русском и иностранных языках.

Институтом и другими организациями в течение ряда лет прилагаются усилия для того, чтобы создать на русском языке исчерпывающую библиотеку по всем вопросам сельскохозяйственной экономики и организации хозяйства. В настоящее время мы располагаем целым рядом курсов и отдельных монографий и справочников почти по всем отраслям организации хозяйства и таксации, и постепенно переводим с иностранных языков все классические работы в этой области. Так, за последнее время нами изданы по-русски немецкие работы [И.Г.] Тюнена, [Т.] Гольца, [Ф.] Эребо, [Т.] Бринкмана, [Р.] Крцимовского²⁴ и друг[ие]. Издания американских авторов

22. Фридрих Аэребоз (Эребо) (1865–1942); Иоганн Генрих Теодор Бринкман (1877–1951) — немецкие агрономы-экономисты.

23. Москва, Большой Харитоньевский переулок д. 21, стр. 4.

24. *Тюнен И.Г.* (1926). Изолированное государство / Под ред. А.А. Рыбникова. М.; *Гольц Т.* (1925). Сельскохозяйственное счетоводство / Пер. В.Э. Брунста под ред. и с прим. проф. А. Ф. Фортунатова. М.; *Аэребоз Ф.* (1912). Основы сельскохозяйственной экономики / Пер. с нем. под ред. Б.Д. Бруцкуса, СПб.: А.Ф. Девриен; *Бринкман Т.* (1926). Экономические основы организации сельско-хозяйственных предприятий / Пер. с нем. Л.К. Солдатова; предисл. А. Чайнова. М.: Экономическая жизнь; *Крцимовский Р.*

еще только начинаются. Мы перевели одну книжку ...²⁵ — и приступили к изданию работ Воррена²⁶. Надо надеяться, что в ближайшее десятилетие русский агроном и экономист будут располагать законченной и исчерпывающей библиотекой русских и иностранных авторов по всем вопросам организации хозяйства и таксации.

Архив РАН. Ф. 528. Оп. 1. Д. 138. Машинопись, без подписи

А.В. Чаянов
История современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР

The history of the current state of science of organization of agriculture and taxation in the USSR

A.V. Chayanov

This is the first publication in Russian of the article of the classic of the Russian agrarian-economic thought and the leader of the organization-production school Alexander Vasilievich Chayanov (1888–1937), which was written in 1929 and published in an abridged version in English in 1930 in the “American Journal of Agricultural Economics”. The full Russian version of the article is published according to the original kept in the archives of the Russian Academy of Sciences. The article considers the history of agrarian-economic science in Russia from the eighteenth century and the system of agrarian-economic education in the USSR in the late 1920s. The comments were prepared by I.A. Kuznetsov

Keywords: history of agricultural sciences, history of economic thought, organization-production school, A.V. Chayanov

(1927). Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе / Пер. с нем. Л. К. Солдатов. М.: Новый агроном.

25. В журнальной версии эта фраза отсутствует. Вероятно, Эдвина Норса: *Норс Э.Г.* (1925). Сельское хозяйство Америки и европейский рынок. М.: Экономическая жизнь.

26. Уоррен, Джордж Фредерик, профессор Корнельского университета: *Уоррен Д.Ф.* (1929). Организация сельского хозяйства / Под общ. ред. проф. Г.С. Гордеева и проф. Ф.Т. Дитякина. М.: Новая деревня.

Круглый стол

**«Организационно-производственное направление
российской аграрно-экономической мысли:
история и современность».**

**Центр аграрных исследований РАНХиГС,
23 января 2018 года**

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Александр Александрович Куракин, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Любовь Александровна Овчинцева, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела устойчивого развития сельских территорий и сельской кооперации Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, 105064, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru

Александр Васильевич Петриков, доктор экономических наук, академик РАН, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, в 2007–2016 гг. — заместитель министра сельского хозяйства России. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: apetrikov@viapi.ru

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Теодор Шанин, профессор, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, председатель редакционного совета журнала «Крестьяноведение». 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: shanin@universitas.ru

Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность», состоявшийся в Центре аграрных исследований РАНХиГС представил собой междисциплинарное обсуждение историками, социологами, экономистами, культурологами актуальности научного наследия А.В. Чайнова его коллег не только для аграрных, но и в целом для общественных и гуманитарных наук особенно в связи с рядом юбилейных дат в биографиях ученых организационно-производственной школы.

В центре дискуссий участников круглого стола находились вопросы генезиса и исторических предпосылок организационно-производственного направления, анализ идей чаяновской школы в связи с историей и современностью сельского развития России и мира. Особое внимание было уделено обсуждению недавно обнаруженных уникальных архивных находок последних лет: ответы А.В. Чайнова и Н.П. Макарова на критику со стороны Л.Н. Литошенко и А.А. Мануйлова в связи с теоретическими и методологическими основаниями концепции экономики крестьянского хозяйства организационно-производственной школы, а также текстам, написанным А.В. Чайновым для журналов Германии, Франции и США, в которых представлена всесторонняя характеристика особенностей развития российской и советской аграрно-экономической науки.

В связи с интеллектуальным наследием не только А.В. Чайнова, но также его коллег А.А. Рыбникова, А.Н. Челинцева, Б.Д. Бруцкуса, Н.П. Макарова, А.Н. Минина, Г.А. Студенского были подвергнуты обсуждению вопросы соотношения народнической, социалистической и либеральной традиций в развитие российского и мирового крестьяноведения, а также были названы имена и концепции ряда других замечательных аграрников, в определенной степени предшественников и последователей организационно-производственной школы.

Ключевые слова: крестьяноведение, междисциплинарные исследования, организационно-производственная школа, теория крестьянского хозяйства, народничество, социализм, либерализм, сельское развитие.

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-74-98

Участники круглого стола: Валерий Георгиевич Виноградский, д. ф.н., ЦАИ РАНХиГС, Александр Владимирович Гордон, д.и.н., ИНИОН РАН, Игорь Анатольевич Кузнецов, к.и.н., РАНХиГС, Александр Александрович Куракин, ЦАИ РАНХиГС и НИУ ВШЭ, Александр Михайлович Никулин, к.э.н., ЦАИ РАНХиГС, Любовь Александровна Овчинцева, к.э.н., ВИАПИ, Александр Васильевич Петриков, академик РАН, ВИАПИ, Татьяна Александровна Савинова, к.э.н., РГАЭ, Теодор Шанин, МВШСЭН

А.М. Никулин.: Уважаемые коллеги! В январе этого года исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося российского ученого-аграрника Александра Васильевича Чайнова. Этот чаяновский юбилей совпадает в определенной степени еще с рядом памятных дат в биографиях его коллег по организационно-производственной школе: 140 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Александра Александровича Рыбникова, 80 лет со дня смерти Бориса Давидовича Бруцкуса, 120 лет со дня рождения Геннадия Александровича Студенского. Впрочем, даже независимо от всех текущих юбилейных событий 2018 года вклад Александра Чайнова и его коллег

в развитие российской и мировой аграрной науки столь значителен, что подвергается непрерывному и систематическому изучению в нашей стране и за рубежом. Напомню, что восемь лет назад мы уже собирались со многими из здесь присутствующих коллег на круглом столе¹ по проблемам организационно-производственного направления, и я рад, что сейчас мы снова вместе собираемся обсудить новые материалы, факты, идеи, связанные с Чаиновым и его школой.

Редакция журнала «Крестьяноведение» предлагает сконцентрировать обсуждение прежде всего вокруг следующих тем, которые, на наш взгляд, с достаточной полнотой отражают современный интерес к организационно-производственному направлению в междисциплинарной аграрной мысли:

— проблемы генезиса и исторических предпосылок организационно-производственного направления;

— идеи экономистов организационно-производственного направления и современная экономика России и мира;

— библиография работ ОПН: архивные находки последних лет.

Пожалуй, придерживаясь исторического принципа, я попрошу Вас, Игорь Анатольевич как историка начать наше обсуждение с вопросов генезиса школы Чаинова и недавних открытий новых архивных материалов, связанных с организационно-производственной школой.

И.А. Кузнецов: Мой интерес к теме в последние годы развивался в двух направлениях. Во-первых, я углубился в истоки чайновской школы, прослеживая их в науке о сельском хозяйстве в России в XIX веке. Я пытался понять, как появилась и какое место занимала организационно-производственная школа в развитии российской «сельскохозяйственной экономики». Второй аспект связан с находками новых текстов. Некоторые из них, которые обнаружила Татьяна Александровна Савинова, были прежде совершенно неизвестны, а некоторые, хотя в принципе известны, но не были введены у нас в оборот, как, например, статьи А.В. Чаинова, публиковавшиеся в зарубежных журналах. Работая в архиве Академии наук, я случайно нашел русскоязычные варианты его статей, одна из которых была подготовлена для французского журнала и опубликована в 1928 году, другая вышла в американском журнале в 1930 году. Они хранились в фонде Л.Н. Крицмана — видного большевистского теоретика, аграрника, который в конце 1920-х годов фактически сосредоточил в своих руках руководство всей аграрной экономической наукой в СССР. Причем, судя по архивной описи, авторство одного из этих чайновских текстов было ошибочно приписано Крицману. Кажется, исследователи их по-настояще-

1. Круглый стол (2011). «Интеллектуальное наследие организационно-производственной школы: история и современность» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М. С. 240–250.

му еще не прочитывали и не анализировали, а это весьма интересные статьи. В них Чаянов кратко излагает свое видение истории возникновения научной школы и вообще палитры всех аграрно-экономических исследований в СССР в 1920-е годы. Примечательно, что французская статья вызвала тогда резкую критику со стороны молодых аграрников-марксистов, с нападками на Чаянова выступил И.Д. Верменичев. Чаянов пытался отражать эти нападки, написал ответ Верменичеву, который не публиковался, но также нашелся в архиве. Просматривая экономические издания начала 1920-х годов, я недавно случайно наткнулся на публикацию стенограммы неизвестного (по крайней мере, мне) доклада Чаянова 1919 года на одном из заседаний в Наркомате финансов, где обсуждалась проблема налогообложения, и Чаянов разъяснял основы своей теории крестьянского хозяйства, которые он предлагал заложить в основу фискальной политики². Думается, этот текст может быть интересен для характеристики взглядов Чаянова в период «военного коммунизма».

Тексты, которые нашла в архиве Т.А. Савинова, я считаю сенсацией для историков нашей аграрно-экономической мысли. До этого мы знали, что в 1923 году Л.Н. Литошенко набросился и теоретически «покусал» организационно-производственное направление. Теперь мы знаем, что они ему содержательно отвечали. Оказывается, это была живая дискуссия. В связи с этим отметим еще один момент: полемическая брошюра Литошенко была давно известна, но его большой труд «Социализация земли в России» опубликован впервые только в 2001 году. В этой большой монографии Литошенко анализировал опыт «военного коммунизма» в аграрном вопросе и делал вывод о том, что социалистическая политика фактически привела к катастрофе сельское хозяйство и, шире, экономику России. Поскольку монография была закончена где-то в 1922 году, следовательно, его книжка против организационно-производственной школы писалась сразу вслед за этим, и ее надо читать встык с заключением к «Социализации земли». Тогда видно, что в сумме они образуют цельную экономическую программу, которую предлагал Литошенко для, как тогда говорилось, «возрождения России», то есть для выхода из кризиса, порожденного «военным коммунизмом». С этой точки зрения найденные в архиве ответы А.В. Чаянова и Н.П. Макарова на критику Л.Н. Литошенко дают исследователям недостающий пазл, позволяющий получить полную картину их идейной дискуссии, которая, конечно, еще требует дальнейшего анализа.

А.М. Никулин: Хотелось бы уточнить, как Вам видятся исторические истоки организационно-производственного направле-

2. К налоговому обложению землепользования в РСФСР (1921) // НКФ. Институт экономических исследований. Труды сельскохозяйственной секции. Т. 1 / Под ред. Н.Н. Деревенко, В.И. Рудковского. Пг. С. 65–80.

ния? Каково было положение аграрно-экономической науки до организационно-производственной школы и в момент, когда она формируется?

И.А. Кузнецов: Изучение истории «сельскохозяйственной экономики» в XIX веке привело меня к выводу, что в ней существовали два направления. Одно развивалось в тесной связи с агрономической наукой, оно изначально имело организационно-производственный характер, но видело своей целью организацию частного помещичьего имения. Экономической теорией, на которую оно опиралось, была классическая политическая экономия, предполагавшая единство законов рыночной экономики. Крупнейшим его представителем был А.П. Людоговский, предлагавший уже в первой половине 1870-х гг. маржиналистские подходы к решению задач по оптимизации рыночного, товарно-ориентированного сельскохозяйственного предприятия. Другое научное направление сложилось в рамках московской школы политической экономии, лидером которой был А.И. Чупров. Ее представители смотрели на аграрную экономику с народнохозяйственной точки зрения, и под «организацией хозяйства» понимали не организацию сельскохозяйственного предприятия, а организацию сельского хозяйства в целом как отрасль народного хозяйства. Это направление синтезировало идеи К. Маркса, германской исторической школы и самобытные российские концепции. Оно отвергало экономический либерализм, считая его теорией капитализма, а вместе с ним и идею единства экономической модели, единства экономических законов. Сторонники этой позиции — обычно их называют народниками — считали возможным построить для России альтернативную, некапиталистическую модель развития. Их теоретическая мысль была направлена на то, чтобы найти в действительности некие социально-экономические основы для этой некапиталистической модели. Сначала они предполагали их наличие в крестьянской общине. Затем возникло представление, что сельское хозяйство развивается по особым экономическим законам, отличным от экономики промышленности. Наконец, к концу XIX века их мысль сфокусировалась на том, что крестьянское хозяйство является особым экономическим типом, который не описывается классической политэкономией. Многие экономисты почти синхронно начали писать о необходимости выработки специальной теории крестьянского хозяйства, предлагая разные подходы к созданию такой теории. В этом контексте чаяновская организационно-производственная школа, возникшая в 1910-е годы, представляется наследницей обоих направлений. От первого она унаследовала организационно-производственный характер, однако с тем отличием, что ее объектом стало крестьянское хозяйство, а не частновладельческое. С другой стороны, она органично укладывалась в русло народнической экономической теории, построив оригинальную теорию крестьянского хозяйства как хозяйства некапиталистического, трудопотребительского и семейно-трудового.

А.В. Чаянов достроил идейные искания предшествующего поколения экономистов-народников до уровня научной теоретической модели. В этом плане мне представляется, что Л.Н. Литошенко был, безусловно, прав, когда называл это направление неонародниками. У них действительно были те же социальные идеалы, но обоснованные по-другому. Нео — та же суть в новом.

Но что мне кажется важным подчеркнуть: теория крестьянского хозяйства, которую Чаянов разрабатывал как организационную теорию, не была самодостаточной. Мне представляется, его задачей была не организация индивидуального крестьянского хозяйства. Конечной целью была кооперация. В результате должно было возникнуть не предпринимательское крестьянское хозяйство, а кооперативное крестьянское хозяйство. К этому вела теория дифференциальных оптимумов Чаянова. Она давала объяснение того, какие стимулы могут толкать мелкое крестьянское хозяйство к укрупнению и объединению. Разные отрасли сельского хозяйства имеют различные оптимальные размеры предприятий, считал он. Поскольку крестьянское хозяйство многоотраслевое, оно может расщеплять свою деятельность и передавать те части, которые требуют более крупного размера, на уровень кооператива. Отсюда же его теория общественной агрономии, унаследованная от А.Ф. Фортунатова. Имелось в виду движение земских, то есть неправительственных, общественных агрономов, которые, помогая крестьянам техническими советами на местах, подталкивали их к кооперированию, выступали организаторами местных крестьянских кооперативов. И все это выстраивалось у Чаянова в единую концепцию: от теории крестьянского хозяйства до концепции аграрной политики, построенной на общественной агрономии. В этом видится его величина как ученого и лидера нового направления, в отличие от его коллег-современников, у которых не было столь масштабной и цельной картины.

Т. Шанин: Я вполне согласен с Вашей оценкой важности кооперативов и других элементов как единой системы. Это был план для понимания того, что есть крестьянское хозяйство как система и как оно вписывается в более широкий контекст. Но я в свое время занялся тем, что рассчитал те формулы Чаянова, которые он предложил для оценки динамики крестьянского хозяйства. Я вышел на результат, который показал, что это не срабатывает, и в этом смысле математизация теории Чаянова не удалась. Это было сорок лет тому назад, в то время я решил просто отложить это дело в сторону и не закончил. Так часто бывает, когда начинаешь работать над чем-то, что оказывается куда более тяжелым с точки зрения количества времени, которое требуется. Но у меня осталась оценка того, что математизация не давала результатов и что теорию Чаянова предпочтительно строить без этой математизации, и тогда ее внутренняя логика срабатывает вполне. Надо или ставить это вне математизации, или же построить другую математизацию.

Л.А. Овчинцева: Я хотела бы поддержать мысль Игоря Анатольевича о том, что теория крестьянского хозяйства очень тесно связана с теорией кооперации и теорией общественной агрономии. Кооперация и общественная агрономия ставят теорию крестьянского хозяйства на крепкие ноги экономической практики. Кооперация как форма оптимизации и прогресса крестьянского хозяйства, и все элементы, приемы общественной агрономии были ответом на вопросы: каким образом вовлечь в более крупные организационные формы массу крестьян, которые привыкли жить в соответствии с традициями земледелия, по своим привычкам, каким образом укрупнить производство продукции в крестьянском секторе, не нарушая заведенный порядок. Причем провести укрупнение эволюционным путем. Эту мысль А.В. Чаянов многократно развивает в своих работах по общественной агрономии.

Игорь Анатольевич также упомянул, что организационно-производственная школа опиралась на аграрную экономику как науку об организации крупного помещичьего хозяйства. Я совершенно согласна, на это нам указывают документы Московского общества сельского хозяйства, где велись дискуссии по вопросам эффективного ведения крупных помещичьих хозяйств. Московское общество сельского хозяйства начало свою работу в 1820 году, а выборные органы местного самоуправления, земства, были введены в 1864 году. И крестьяне были плательщиками налогов на содержание земства. Но платежеспособность их была очень низкой. Поэтому земства задумались над тем, как помочь крестьянам стать полноценными плательщиками земских сборов. Так к концу XIX века появился новый объект агрономического воздействия — крестьянские хозяйства, и возникла земская агрономия. Земских агрономов содержало за свой счет земство, они должны были работать именно с крестьянскими хозяйствами, консультировать, обучать, помогать вводить улучшенные способы земледелия, создавать земские склады сельскохозяйственной техники, держать опытные поля. При этом существовали и правительственные агрономы в губерниях, но они выполняли в большей степени административные функции, доводили директивы вышестоящих органов до мест, и также занимались обучением.

Хотела бы также заметить, что термин «общественная агрономия» указывает на то, что эти агрономы работали с крестьянскими общинами, «обществом». А правительственные агрономы в годы Столыпинской реформы работали с землеустроенными хозяйствами, с теми крестьянами, которые вышли на хутора и отруб. На это прямо указывают материалы съездов агрономической помощи населению, которые проходили в Москве и Киеве. Таким образом, мелкие крестьянские хозяйства стали объектом воздействия аграрной политики. И эта линия продолжается до сегодняшних дней. Отечественная статистика учитывает результат личных подсобных хозяйств населения в валовом сборе продукции сель-

ского хозяйства, нетоварные хозяйства включены в число объектов наблюдения сельскохозяйственной переписи. Временной интервал, отделяющий нас от Чаянова, расширяется, но его концепции продолжают сохранять свою актуальность для практики аграрного развития многих стран. С удивлением узнала о переиздании трудов Чаянова в Бразилии. Возможно, в скором времени возникнет интерес к нему, например, в Индии.

Т. Шанин: В Индии и во многих других странах к Чаянову уже давно существует систематический интерес.

А.В. Гордон: Игорь Анатольевич занялся тем, чем я собирался заняться лет двадцать тому назад, но перешел на другие сюжеты. То есть тем, что я для себя назвал «русской аграрной философией»: это действительно безбрежное море движения мысли, творческих поисков и этим заниматься очень продуктивно. Но вот в чем я не согласен с Игорем Анатольевичем: просто выводить Чаянова и вообще организационно-производственное направление из народничества нельзя. Почему нельзя? Действительно, вся наша аграрная наука и даже крестьяноведение имеет родимые пятна в народническом прошлом. И тем не менее Чаянов и сподвижники обособились. Обособились в каком смысле? Позволю себе такое личное воспоминание. Вы, конечно, помните Леонида Васильевича Милова. У нас с ним были в последние годы его жизни постоянные дискуссии. Он доказывал, как вы знаете, что Россия была обречена на экстенсивную форму хозяйствования. Доказывал очень рьяно, полемически. Ну, например, он говорил: «Вот у вас... (поскольку я занимался французским сельским хозяйством) У вас уже в XI веке были университеты. А у нас что? А почему? А потому, что был недостаточный прибавочный продукт. А почему? А потому, что русская земля и климат не могли позволить такое интенсивное хозяйствование, как во Франции». И понимаете, его точка зрения ведь имеет основания. Леонид Васильевич был великолепным знатоком быта русской деревни и самой техники хозяйствования на земле! Слышал, как Виола Линн говорила ему: «Я бы Вас слушала, и слушала, и слушала. Как сказку». Притом он был, прямо скажем, человек «идеологический». Хотел доказать, что в общем-то Россия обречена была не только на экстенсивное хозяйствование, но и вместе с ним на внеэкономическое принуждение, на деспотизм, поскольку объективной необходимостью оказывалась самая жесткая форма извлечения прибавочного продукта. Понимаете, в народничестве суть та же: главное — не производство, а распределение. Не важно, как хозяйствовать, было бы землицы побольше. А что это значило? Это значило расширение той же экстенсивной формы, только на более широкую площадь. И все! Что же касается организационно-производственного направления, ведь им же говорили: «Какое там хозяйствование? Деревня вымирает. Крестьянству некуда податься. А вы там что-то такое пытаетесь организовать». «Сколько на душу-то? Земельное утеснение. Да-

ещь помещичью землю!» Толстовцы, почвенники, социалисты — все в одну дуду. Земля — тем, кто ее обрабатывает! Получили «черный передел». А дальше? У нас коллективизацией сохранили экстенсивную форму хозяйствования, прибавив тракторизацию. А насчет культуры производства — минимум. Сельхознаука развивалась, семеноводство и т.п., но все на прикладном уровне. Леонид Васильевич съездил к себе на родину и говорит: «Надо же, пахут — ну против всяких правил, не поперек... Там спуск был к оврагу. Они не поперек, а прямо в овраг. Но что-то получается!» Трактора есть, и все, так сказать, идет на лад. Вы говорите «кооперация»? Ведь кооперация кооперации рознь. Коллективизация тоже кооперация. Но Чайанов как-то не слишком ее одобрял. Помните различие — вертикальная интеграция и горизонтальная интеграция. Он-то стоял за вертикальную. И вот эта идея, кстати, актуальна. Это показывает Франция, где серьезные позиции занимает фермерство и даже сохранилось что-то вроде ЛПХ, они же интегрированы через госкредиты и госконтроль, через партнерство с крупным агробизнесом в народно-хозяйственную систему.

Т. Шанин: Через систему кооперативов?

А.В. Гордон: В том числе через бытовую кооперацию, а на местном уровне и через трудовую взаимопомощь. Но главное с точки зрения актуальности идей ОПН — сохраняется первичная хозяйствующая ячейка в виде семейного хозяйства (иногда, правда, усеченного). Да, и еще этимологически хотел сказать о происхождении термина, что «крестьянское хозяйство» — это проекция «крепостного хозяйства», то есть вот в начале пореформенного периода была формулировка, которую, кажется, Петр Струве дал в своей докторской диссертации.

Т.А. Савинова: Парадигма, может быть.

А.В. Гордон: Нет, не парадигма, а формулировка, бином, что ли, соединение субъекта с хозяйством. Там субъект (агент или актор) был помещик, а здесь стал уже крестьянин. А вот схема перекочевала. Так мне кажется. Был ли Чайанов и его сподвижники общинниками? Кооперация — да. Но кооперация, по Чайанову, скорее была отрицанием патриархальной передельной общины.

И.А. Кузнецов: Есть что возразить.

А.В. Гордон: Да, пожалуйста.

И.А. Кузнецов: Когда я начал открывать для себя труды экономистов-народников, я был удивлен тем, как мало и плохо я знал их идеи раньше. Например, уже в заглавии книги Н.А. Каблукова 1899 года «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» речь идет не об умирающей деревне, не о деградации крестьянства, а именно о его развитии. И в ней уже был четко зафиксирован тезис об экономической специфике крестьянского хозяйства и о необходимости специальной теории крестьянского хозяйства.

Мне кажется, сердцевина идеологии народников — не община. Народники — это прежде всего социалисты. Они искали альтерна-

тиву капиталистическому развитию. Они искали ответ на вопрос: как России избежать тех «ужасов капитализма», через которые пришлось пройти западным странам? Им казалось, что социалистические теории, возникшие на Западе, то есть марксизм, дают ответы, как выйти из капитализма капиталистическим странам, но для России надо искать иной путь, чтобы не входить в капитализм. При этом сами они активно использовали категориальный аппарат политэкономии Маркса, в области экономической теории они свободно говорили на марксистском языке. Тот же Каблуков в своей книге ссылаясь на Маркса 46 раз. Причем только один раз в полемическом контексте, а 45 раз — в подтверждение собственных слов. И его книжку можно назвать квинтэссенцией народничества в области крестьянского хозяйства.

А.В. Гордон: То есть что: социализм — это квинтэссенция народничества?

И.А. Кузнецов: Народничество — это разновидность социализма. Аграрный социализм. И модель социалистической экономики народники видели в крестьянском хозяйстве.

А.В. Гордон: Однако для марксизма крестьянство — это класс, обреченный на уничтожение. Помните, да? То, что народники были разные — бесспорно. Ленин, кстати, дал такую замечательную характеристику, что народничество — это была полоса общественной мысли России. То есть все мыслили народнически. Даже Александр III мыслил как народник. Это ничего еще не говорит. Это безбрежное море народничества. Кстати, Каблуков в этом отношении просто не очень характерный народник. Были гораздо более одержимые идеей общины, требовали: даешь революцию, пока община окончательно не разложилась. Конечно, Чаянов и другие представители организационно-производственного направления встраиваются в некапитализм — да, у них были идеи особого пути, некапитализма, трудового крестьянского хозяйства и пр., которые носились в воздухе пореформенной жизни. Но главное — чем Чаянов выделился, чем это направление выделилось из предшествующей народнической мысли — упором на хозяйствующего субъекта. Субъект — крестьянин, индивидуальное крестьянское хозяйство. Семейное хозяйство — это биосоциальный организм, где сочетаются усилия по воспроизводству семьи и хозяйства. Не народническая это идея.

А.А. Куракин: Не будучи историком, я не хочу вступать в исторические дебаты, но скажу несколько слов о том, как мне видится место Чаянова и организационно-производственной школы в современном мире. Может быть, это прозвучит странно, но Россия является одной из наименее подходящих стран, где сейчас можно приложить чаяновскую теорию, потому что объект уже практически исчез, скоро можно будет крестьян, которых описывал Чаянов, заносить в Красную книгу и выставлять в зоопарке. Редкий представитель, вымирающий вид.

А.В. Гордон: Крестьянство все время «вымирает». Как община, которая всегда «разлагалась». Начиная с первобытнообщинного строя, вся наша история — это история «разложения общины». Как она сохранилась спустя тысячи лет — загадка.

А.А. Куракин: Точно так же как на уроках истории в школах «разлагается» Византийская империя. Она «разлагалась» так долго, что современным государствам можно пожелать прожить хотя бы половину этого срока.

Мне кажется, что наибольшее приложение теория организационно-производственной школы может найти в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки. Это как раз те страны, на которые направлен взгляд современных американских и европейских исследователей сельского хозяйства и сельских обществ. И здесь опять поднимаются те старые идеологические споры, которые были во времена Чаянова: и марксизм, и либерализм, и народничество. Но в новой форме. Только теперь уже место марксизма, доминировавшего во времена Советского Союза, занимает глобальная неолиберальная идеология, с которой антилиберально настроенные ученые-аграрники дружно борются, защищая местное сельское население, — по крайней мере, на страницах своих статей в журналах. Пишут, как бороться с глобальным капитализмом и что с ним можно сделать.

А.В. Гордон: Популизм. Сейчас как раз время глобального популизма.

А.А. Куракин: Ну популизм и народничество — это ведь калька.

А.В. Гордон: Да, да.

Т. Шанин: Есть и довольно серьезное международное политическое движение «Via Campesina» («Путь крестьянства») — мощное, неплохо организованное и довольно эффективное в нажимах на правительства некоторых стран.

А.А. Куракин: Скажем, глобальный ответ на глобалистское движение.

Т. Шанин: Да.

А.А. Куракин: Однако наша страна здесь не участвует вообще никак. Там страсти кипят, а у нас — тишина. Мы постепенно движемся в сторону крупнокапиталистического хозяйства. По последней переписи у нас количество того, что мы идентифицируем как крестьянско-фермерские хозяйства, снижается, а размер земли на одно хозяйство увеличивается. Следовательно, происходит укрупнение, и если дело пойдет таким образом (а кстати, не факт, что пойдет, могут быть разные зигзаги, и простая экстраполяция здесь невозможна), то мелкие фермеры, возникшие в 1990-х, тоже превратятся в нормальные, более-менее крупные капиталистические хозяйства.

А.В. Гордон: Ну вряд ли агрохолдинги позволят им выдвинуться.

А.А. Куракин: Здесь важно учитывать региональную дифференциацию. Где-то этих фермеров совсем нет, а где-то есть, и ча-

сто они работают в той же нише, что и агрохолдинги: зерно, подсолнечник и т.д. Здесь они вступают с ними в конкуренцию.

А.В. Гордон: Да и в животноводстве тоже.

А.А. Куракин: Тем не менее новый ренессанс чаяновских идей, скорее всего, можно ожидать в тех странах, где для этого есть социальная и практическая почва, те крестьяне, о которых писал Чайнов. Поэтому закономерен интерес к Чайнову в Бразилии, хотя там и так его знают, конечно, но, по-видимому, есть желание познакомиться с ним лучше.

В.Г. Виноградский: Мне приходится часто, практически несколько раз в год наблюдать то, как сейчас исчезают и появляются те самые зигзаги, о которых говорил Александр Куракин. Это все происходит очень странно, и здесь можно говорить скорее не о ренессансе крестьянских хозяйств, и вообще — возрождении деревни. Русская деревня исчезает и, скорее всего, в конечном счете в ее традиционном виде прекратит сколько-нибудь полноценное существование. Но не исчезнет то, что можно назвать сельским миром. Думаю, что произойдет не так называемый «деревенский ренессанс», не возрождение, а то, что я бы назвал «перерождением». Будет совершаться именно перерождение крестьянских занятий. Перерождение — это процесс, если так можно сказать, модификации крестьянского труда на неких неклассических основах. В глубинке, в тех социологических полях, где я довольно часто бываю, приходится все чаще наблюдать совершенно новое явление: люди, далекие от сельского хозяйства изначально — и по образованию, и по жизненному опыту, и по привычкам, и по судьбе, — люди, как правило, городские, начинают весьма увлеченно и очень продуктивно заниматься сельским хозяйством и делают свои хозяйства товарными, реконструируя, перерождая традиционные крестьянские производства на какой-то неведомой здешним людям, новой для этих мест, основе. Например, возьмем пчеловодов. Я знаю одного. У него традиционная русская пасека, несдвигаемая, стационарная. Она размещена на склоне горы, в редком лесу. Ульи там стоят, как пни, — как это можно видеть на картинах старых русских художников. И он производит мед натуральный, традиционный, но в самом конце этого процесса добавляет в него разные вкусовые наполнители, цветочные органические присадки. И у него до шестнадцати разновидностей меда, у каждого из которых свой потребитель есть на ярмарке в областном центре. В итоге некий кусок деревенского продуктивного пространства им освоен и продолжает осваиваться, но уже не как прогрессивное фермерство, а как традиционное, мелкоасштабное, семейное (ему помогает отец и жена) крестьянское производство, которое своеобразным и очень точным способом встроено в природные биоритмы. Он не возит ульи к медоносам, как это практикуют добычливые и расчетливые хозяева. Теперь — второй человек. Он пару десятков лет прожил в Испании, работал на уборке сначала апельсинов, мандаринов, виногра-

Круглый стол
«Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность»

да, потом устроился сантехником, затем монтировал солнечные батареи на общественных зданиях. Заработав кое-какие деньги, он вернулся, переехал в глубинную российскую деревню (полгода выбирал подходящее место), построил себе дом в европейском стиле, купил коз, сначала двух или трех, козла и теперь постепенно расширяет стадо, налаживает производство и производит сыр по старинным испанским рецептам, которые он подсмотрел, когда в Испании жил. Начал делать йогурт бесподобного вкуса. У него налажился сбыт, очень хороший, потому что друг по дружке пошла реклама. Поскольку он с виду весьма колоритен и говорлив, им заинтересовались телевизионщики. Уже вышли в эфир полдюжины сюжетов. И в моем полевом багаже еще есть несколько таких примеров. Может быть, здесь появляется ранее неведомая, какая-то специализированная социальная ниша? А может быть, это возникает какая-то неклассическая форма перерождения или возрождения чайновских схем, идей и так далее? И эти примеры все-таки надежду, поскольку очень уж заразительны эти вот первоначальные, базовые, увлеченно-азартные формы общения с природой.

Сейчас есть два отряда, два «ручейка» людей, которые переезжают в деревню. Во-первых, это дачники, которые летом занимаются огородом, развлекают и растят детей. Во-вторых, это переезжающие на постоянное место жительства горожане, разных профессий и мотивировок. И эти две группы людей по-своему еще удерживают нынешнюю деревню на плаву. Потому что вся остальная деревня — это пенсионеры, которые живут на пенсию, сажают крохотный огородик. Молодежи почти нет. Деревня начинает напоминать пустыню. Но островки какие-то, точки какие-то светящиеся — они есть. Это и на Кубани тоже наблюдается. Хотя на Кубани станицы пока многолюдные, но перерождение сельскохозяйственных практик там связано с обостряющейся экологической проблематикой. На Кубани плохая экология — очень много применяется удобрений, гербицидов и десикантов, поэтому люди начинают заниматься производством экологически чистой продукции с адресной продажей ее специальному, стремительно сформировавшемуся кругу потребителей. Это касается и козьего молока, и коровьего молока, и гусяного мяса, которое выращено на отборном зерне и никаких там биодобавок как на крупных птицефермах, нет. То есть вот какие-то процессы начались, идут, расширяются. И именно они, как мне кажется, позволяют удержаться традиционным крестьянским микропрактикам природопользования в их классическом обличии и общей исправности.

А.В. Петриков: Предваряя дискуссию, председатель напомнил, что в 2018 году отмечается не только чайновский юбилей, но и еще ряд памятных исторических дат, связанных с биографиями его выдающихся сподвижников, но, к сожалению, забыл, что в этом году исполняется 100 лет со дня рождения академика Александра Александровича Никонова — последнего Президента ВАСХНИЛ — че-

ловека, благодаря которому в июле 1986 года состоялась реабилитация А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова и других представителей организационно-производственной школы и их наследие стало в России общедоступным. Не заговорили об этой дате и остальные участники круглого стола. А ведь об этом надо помнить, и не только для того, чтобы воздать должное А.А. Никонову, его гражданскому и политическому мужеству (инициируя реабилитацию ученых-аграрников, А.А. Никонов многим рисковал, ведь широкая реабилитационная кампания в стране еще не началась). Помнить необходимо и по другой причине, а именно чтобы понять, что сделал для аграрно-экономической науки А.В. Чайнов и насколько современно его творчество.

Ведь что двигало Никоновым, начинавшим реабилитационное дело? Сужу об этом не понаслышке, а как сотрудник ВАСХНИЛ, помогавший вместе со своими коллегами Александру Александровичу готовить записку «наверх». Конечно, в известной степени им руководило стремление восстановить историческую правду: правду «маленькую», чтобы смыть с ученых клеймо «кулацких идеологов», и правду «большую», чтобы пересмотреть сложившиеся в советском обществе взгляды на сталинскую коллективизацию (в этом смысле вместе с идеологами крестьянства, реабилитировалось и само доколхозное крестьянство).

Но главный мотив Никонова состоял, на мой взгляд в другом: он считал, что изменение советских аграрных порядков, решение накопившихся в сельском хозяйстве проблем невозможно без научного наследия Чайнова и всей организационно-производственной школы.

И не вспоминая имя Никонова, мы забываем именно об этом. Реабилитация Чайнова явилась актом внутренней аграрной эволюции 1980-х годов и подготовки в стране земельной и аграрной реформы. Она не была привнесена из-за рубежа, ни западными, ни восточными крестьяноведами. Не была инициирована отечественными аграрными историками и историками экономических учений, хотя многие из них предоставили Никонову необходимые материалы. Она была выстрадана и осуществлена человеком, отвечавшим за научное обеспечение развития АПК, за разработку современной аграрной политики.

Мне странно слышать утверждения о том, что Чайнов — теоретик натурального (патриархального, нерыночного) сельского хозяйства, что его труды востребованы только в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки и не годятся для просвещенной Европы, Америки (для России годятся отчасти, лишь чтобы объяснить феномен существования «отсталых» личных подсобных хозяйств). С такими трактовками своей теории Чайнов сталкивался при жизни, полемизируя с С.Н. Прокоповичем, Л.Н. Литошенко, аграрниками-экономистами Германии и Швейцарии — представителями «Betriebslehre», живучи они и ныне.

Мы как бы забыли о главном в чаяновском наследии. Он теоретик семейной фермы — самой распространенной в мире формы сельскохозяйственного производства, которая является частью аграрной структуры всех без исключения стран, хотя ее исчезновение (как и крестьянства как такового) предрекали и предрекают многие. Но заметим — не только семейной фермы, но и сельскохозяйственного предприятия вообще, ибо и в семейной ферме проявляются черты, общие для любой сельскохозяйственной единицы (например, территориальная рассредоточенность производства, существенная (даже при современных технологиях) зависимость от природных условий и др.). Хотя, конечно, основное внимание Чаянов сосредоточил именно на семейной ферме, ибо экономика сельскохозяйственных предприятий (помещичьих и других частновладельческих хозяйств) в то время, да и сейчас, была исследована в большей степени, чем крестьянских.

Если говорить о предтечах Чаянова, то это в первую очередь А.И. Чупров. Краеугольным камнем аграрной теории Чупрова является теория устойчивости мелкого земледелия или семейного крестьянского хозяйства и его конкурентного превосходства перед крупным частновладельческим (помещичьим), с использованием наемного труда хозяйством.

К этому выводу Чупров пришел, исследуя пореформенное развитие России после отмены крепостного права, аграрный опыт западноевропейских стран, а также теоретическое наследие ведущих экономистов своего времени. В этом смысле взгляды Чупрова и других экономистов-народников составляют теоретическую альтернативу марксизму и взглядам русских социал-демократов во главе с Лениным. Интересно отметить, что Чупров и Ленин сделали противоположные выводы из анализа одних и тех же данных земской статистики. Правда, Чупров, в отличие от Ленина, не только их анализировал, но и организовывал земские статистические обследования: в 1883 году он стал председателем статистического отделения Московского юридического общества — центра земских статистиков. Но дело не только в этом. Ленин из факта дифференциации крестьянских хозяйств делал вывод об их неустойчивости, размывании среднего класса, превращении большинства крестьян в наемных работников, а немногочисленной группы — в сельскохозяйственных капиталистов. Чупров видел, что, наряду с обусловленной рынком дифференциацией хозяйств, происходит формирование институтов, укрепляющих их устойчивость. Ленин же в своих работах, и прежде всего в «Развитии капитализма в России», вообще не замечает этих институтов, главными из которых являются кооперация и агрономическая помощь крестьянству, говоря современным языком, сельскохозяйственное консультирование.

По существу, Чаянов — это Чупров первой трети XX века. К чупровской аргументации устойчивости мелкого земледелия он добавил свои доводы, оперируя методологией У.С. Джевонса (од-

ного из основоположников теории предельной полезности) и опираясь на бюджетные исследования крестьянских хозяйств. Отвечая на обвинения С.Н. Прокоповича в «евразийстве» (видимо, как синониме доморощенности чаяновской концепции), Чаянов писал ему (предположительно в 1923 году), что его формулировки — «теоретически... последовательное развитие положений Госсена-Джевонса» — лидеров европейской экономической мысли, но никак не евразийцев. Идеи Джевонса, как и теория Чаянова, не устарели до сих пор.

Новое звучание теория Чаянова об устойчивости семейной фермы приобретает в связи с современными представлениями о многофункциональности аграрной деятельности. Если традиционно сельское хозяйство сводили к производству продовольствия и сырья для промышленности, то теперь речь идет также о производстве общественных благ — обеспечении социального контроля над обширными территориями, воспроизводстве традиционной культуры, сохранении исторически сложившегося ландшафта и др. Как следствие, в результате сельскохозяйственной активности территория остается обжитой, укрепляется геополитическое положение страны, создаются условия для удовлетворения социально-духовных и рекреационных потребностей общества.

В контексте теории многофункциональности необходимо сравнивать и различные типы сельскохозяйственных фирм, одни из которых (аграрные предприятия) преимущественно ориентированы на производство сельскохозяйственной продукции, другие — на производство общественных благ (семейные хозяйства). Предприятия и хозяйства различаются по стимулу деятельности, размерам производства, уровню стандартизации, масштабам применения наемного труда, характеру технологии.

Двойственность полезного эффекта, получаемого обществом от сельского хозяйства, имеет важные последствия как для оценок динамики отрасли, так и для совершенствования аграрной политики. Притчей во языцех стало утверждение об отсталости нашего дореволюционного сельского хозяйства. Но когда говорят об этом, имеют в виду только производственные показатели: произведенную продукцию, урожайность, надои и т.д. Не учитываются вклад крестьян в колонизацию новых территорий и обеспечение социального контроля над этими территориями. А ведь именно благодаря этой крестьянской колонизации были существенно расширены границы российского государства.

Но оставим ретроспективные оценки, вот одно из характерных прогностических суждений. Утверждается, что личные подсобные и мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства бесперспективны, ибо на их долю приходится все меньше и меньше товарной продукции. Это, конечно, так, но как без мелких семейных ферм сохранить сельскую поселенческую сеть? Ведь в каждой деревне холдинг по определению не откроешь.

Т.А. Савинова: Я хотела вернуться к тому, что говорил Александр Владимирович Гордон. Я тоже не сторонница того, чтобы использовать термин «неонародники», и вообще чтобы вешать какие-либо ярлыки. Катя Бруиш их аграристами назвала³. Как писал Теодор в предисловии к английскому изданию 1987 года, Чайанов был интеллектуал высокого класса, высокообразованный человек, знающий три языка и видящий все гораздо шире, как бы смотрящий сверху на это все. И опускать его до народничества — значит делать его более примитивным, чем он был на самом деле. Желание сделать его пейзажистом «основано на слабой информированности и неверно»⁴. Да, они были учениками народников, в этом прав Игорь Анатольевич, но это были их учителя, а они были людьми уже другого поколения, и они жили в другое время и делали другое. Как писал Александр Владимирович, эта школа — это философия, это система взглядов.

Широта взглядов проявлялась у Чайанова и в личном плане. Чайанов и Кондратьев, как известно, между собой не ладили.

А.В. Гордон: Мягко говоря.

Т.А. Савинова: Но тем не менее Чайанов Кондратьеву все время помогал, несмотря на то что личные отношения у них были плохие. Сначала плановыми работами в Наркомате земледелия занимался Чайанов. И первый план сельского хозяйства был сделан Чайановым в 1921 году. Но когда он понял, что у Кондратьева это получается гораздо лучше, отошел от этого, не стал мешать ему. А, наоборот, только помогал. В этом проявлялась его мощная личность. Для него важнее было дело, а не какие-то личные взаимоотношения.

И.А. Кузнецов: Научное руководство плановыми работами в Наркомземе перешло к Кондратьеву, думаю, в связи с развитием НЭПа, рыночных отношений. Так называемая «пятилетка Кондратьева» строилась на рыночной основе, тогда как коммунистические идеи Чайанова о нерыночном учете потеряли уже актуальность. План Чайанова и план Кондратьева были не просто разные этапы одной работы, это были совершенно разные работы.

А.В. Гордон: Это серьезный вопрос об отношениях к рынку, потому что все-таки у Чайанова был пережиток того народнического взгляда, что рынок несет с собой уничтожение крестьянства, отрицание крестьянства. Что рынок чужд крестьянству. Идея трудопотребительского баланса — она ведь абсолютно нерыночная. В этом

3. *Бруиш К.* (2012). Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века / Пер. с англ. Б.А. Максимова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7 / Под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.: РАН-ХиГС. С. 142-158.

4. *Шанин Т.* (1989). Наследие Чайанова: положения теории, ошибочные толкования и современная «теория развития» // Вестник сельскохозяйственной науки. №2. С. 155-156.

отношении Литошенко прав. Но в целом все-таки, мне кажется, Литошенко не все учел. Понимаете, на самом деле интенсификация крестьянского хозяйства может быть только на основе рынка. Кстати, «зеленая революция» в упоминаемой здесь Юго-Восточной Азии это показала. Но то, что Александр Васильевич стоял за интенсификацию хозяйства, мне кажется, это не вызывает сомнения.

А.М. Никулин: Я не могу согласиться с тем, что Чаянов был против рынка и что идея его трудопотребительского баланса есть идея абсолютно нерыночная. Как упоминал сам Чаянов в 1920-е годы, подобного рода нерыночную ориентацию в организационно-производственном направлении можно обнаружить лишь в некоторых ранних работах Чаянова и его коллег.

Мне пришлось в последнее время достаточно много читать и перечитывать самые различные сочинения Чаянова и для себя я метафорически сформулировал два исторических образа Чаянова. Первый — ранний или «ветхозаветный» Чаянов — Чаянов в основном до 1917 года. Это Чаянов действительно преимущественно натурального хозяйства и трудопотребительского баланса. А второй — «новозаветный» Чаянов, после 1917 года. Это Чаянов многоукладной экономики, теорий некапиталистических систем хозяйства, междисциплинарного альтернативного мышления.

И, к сожалению, тут происходит путаница в восприятии мировоззрения Чаянова. Путаница происходила у Льва Литошенко — он страстно критиковал «ветхозаветного» Чаянова, утверждая, что его трудопотребительский баланс — это «каменный век», старое народничество под новой маской.

Но я должен предупредить, что и Чаянов, и все его коллеги по организационно-производственной школе в принципе никогда не выступали против рынка. Чаянов при этом подчеркивал, что существуют и другие, иные нерыночные экономические миры со своими экономическими закономерностями. И задача ученых — видеть это сложное сочетание различных экономических систем (смотри чаяновскую работу «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства»). Да, мы у Чаянова находим и утопические нерыночные допущения, например, работы об изолированном государстве-острове, статью про систему нерыночных трудовых эквивалентов без рынка — это в действительности его маржиналистские экономико-математические этюды абстрактных альтернативных экономик. Он был виртуозом моделирования иных альтернативных социально-экономических миров, здесь он был уникален в этом своем занятии. За свою жизнь он написал несколько оригинальнейших утопий, где упоминались или подразумевались нерыночные экономические системы. Но это не означает, что он лично был противником рынка, в отличие от большинства народников. Да, народники действительно в массе своей с большим недоверием относились к рынку и считали, что он в конце концов погубит крестьянство. Позиция Чаянова и его коллег была принципиально иная.

Они (дословно) говорили: давайте играть по правилам рынка, давайте играть в рыночной экономике, мы готовы доказать, что в рыночной экономике крестьянство вполне конкурентоспособно, если будет развиваться обосновывавшийся Чаяновым вертикальный тип крестьянской кооперации. Здесь, за нашим круглым столом, мне кажется, до сих пор прежде всего и в значительной степени имели в виду «ветхозаветного» Чаянова. «Ветхий завет» Чаянова — это натурально-хозяйственная демографическая циклическая эволюция крестьянского хозяйства. «Новый завет» Чаянова — это конгломератная и многоукладная, и рыночная и нерыночная революция мирового хозяйства, в котором именно крестьянству будет суждено еще сыграть исключительно важную и современную роль. «Новозаветный» Чаянов — это уже не только экономист аграрник, но также — социолог, культуролог, политолог.

Т. Шанин: И философ.

А.М. Никулин: Ну и в связи с его способностью работать в самых различных пространствах человеческого знания, объединяя их в универсальные познавательные модели, он, безусловно, философ. Так, например, чаяновская теория крестьянского хозяйства вполне вписывается в науковедческую концепцию социологических теорий среднего уровня Роберта Мертона. Меня вот что немножко раздражает: в этот юбилейный год будет опять серия чаяновских конференций, на трибуну будут выходить докладчики, часто твердя одно и то же: какой молодец Александр Васильевич, создал теорию трудового крестьянского хозяйства, теорию сельскохозяйственной кооперации, методы исчисления дифференциальных оптимумов. И вот эту триаду будут склонять на всех конференциях и в рамках этой триады и будут прежде всего мылить и обсуждать чаяновское наследие. Да послушайте! Есть же огромные пласты чаяновской мысли, которые нами еще не поняты, не подняты, ими-то и надо дальше заниматься! Ну, например, тема: Чаяновская школа в исследованиях колхозов и коллективных хозяйств. Обычно у нас и за рубежом говорят (фактически не задумываясь и повторяя мнение сталинских аграрников-марксистов), что организационно-производственное направление не занималось, не интересовалось экономикой коллективных хозяйств. Но это не так! Именно Чаянов и его коллеги были настоящими первопроходцами в познании и понимании феномена колхоза. Алексей Минин еще в 1913 году предлагал создавать сельскохозяйственные артели (фактически колхозы) для бедных крестьян, и для своего времени это было чрезвычайно конструктивное предложение. Я хочу сказать, что не было еще таких проницательных и серьезных критиков колхозной системы, как, например, Чаянов и Бруцкус, и одновременно не было таких специалистов, которые внесли столько ценных предложений по поводу того, как можно развивать и совершенствовать колхоз (Чаянов, Челинцев, Минин, Макаров). Такая критика колхозной системы со стороны организационно-производственного направления чрез-

вычайно конструктивна. Дальше. Скажем, сверхкрупное аграрное хозяйство — совхоз. Чайнов, Студенский здесь были одними из первых. Да, это не самая любимая тема Чайнова, но он занялся этим совхозом и дал целых два десятка блестящих статей с прогнозом того, каковы могут быть перспективы совхоза, какие его подстерегают системные опасности и что возможно с ними делать.

Особо мне хотелось бы подчеркнуть, что сама организационно-производственная школа, состоявшая прежде всего из великолепной семерки профессоров: Челинцев, Бруцкус, Рыбников, Макаров, Чайнов, Минин, Студенский, — идейно меж собой была не совсем однородна. Внутри нее возможно обнаружить более либерально рыночных и более народническо-социалистически ориентированных экономистов. И уникальность Чайнова среди этих своих коллег и единомышленников заключалась в том, что он находился в центре, он был именно центристом в самом продуктивном и объединительном значении этого слова. Он всегда стремился найти некоторую оптимальную точку зрения между конфликтами, интересами экономическими, теоретическими, политическими вообще и даже внутри собственно организационно-производственной школы. Ну опять, организационно-производственное направление можно понимать очень широко. Это, возможно, тысячи две агрономов-экономистов на местах в сельской России 1920-х годов, разделявших воззрения школы Чайнова, многие из которых также оказались репрессированными в годы коллективизации.

Но если брать организационно-производственное направление в узком смысле этого слова — то это великолепная семерка ученых, где на левом народническо-социалистическом фланге располагаются прежде всего Александр Челинцев и Алексей Минин. На правом фланге находятся Борис Бруцкус, Геннадий Студенский, Николай Макаров, в центре — Александр Чайнов и, пожалуй, Александр Рыбников. Причем главный «левофланговый» — Александр Челинцев, а главный «правофланговый» — Борис Бруцкус. Главный «центрист» — Чайнов. И тем не менее, несмотря на определенные внутренние политэкономические разногласия в понимании того, что происходит в сельской России и мире, это действительно единая команда, которая — это очевидно, придерживается единой исследовательской методологии, несмотря на то что Бруцкус — явно либерал, а Челинцев — это еще больший социалист, чем Чайнов. А Чайнов даже здесь, внутри школы, находится в центре, виртуозно балансируя между либерализмом и социализмом, он стремится отнюдь «не сидеть на двух стульях», но создавать в политэкономии и политологии единый союз, единый фронт либерализма и социализма. Актуально ли это в наше время? Безусловно. Вот недавно целый ряд европейских интеллектуалов — левых либералов и правых социалистов — издали новейший сборник политологических работ о том, как в современных условиях искать компромисс между либерализмом и социализмом. Чайнова они, ко-

нечно, не читали. Но если вдуматься, чем занимался Чайнов как социальный философ и политолог, окажется, что занимался именно этой проблематикой, которая совершенно необходима в современную эпоху. Далее. Меня всегда удивляла уникальная способность Чайнова продуктивно балансировать между анархизмом и этатизмом. Самая первая его работа, еще студенческая, опубликованная в провинциальной газете «Вятская жизнь», это обзор классического труда Эльцбахера «Анархизм». Чайнов, по нему это видно, всегда с симпатией относился к анархизму вообще, и к анархизму Петра Алексеевича Кропоткина в особенности. С другой стороны, Чайнов — это государственный. В 1917 году он выступает за национализацию земли. А в работе В.П. Данилова «Чаянов и Русская революция» очень точно подмечено, что в решающие политические моменты Александр Васильевич Чайнов всегда становился на последовательно государственническую точку зрения. Как удавалось этому человеку, придерживавшемуся в политэкономии принципов анархизма, в политике подчеркивать необходимость сильного государства? В изучении наследия Чайнова-политолога нас будет ожидать еще много сюрпризов.

Наконец, мы должны помнить и осознавать еще один из важнейших заветов «новозаветного» экономиста-культуролога Чайнова: в социальных реформах культурные реформы важнее и труднее, чем реформы экономические. Об этом Чайнов писал в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и не только. Приоритет культуры над экономикой продемонстрировал свою актуальность уже в XX веке и является настоящим вызовом веку XXI.

Вновь возвращаясь к мировоззренческим ценностям «ветхозаветного» Чайнова, я предлагаю обратить внимание на его понимание изначальной мощи и значения натурально-хозяйственных, дорыночных стихий в экономике. Чайнов подчеркивал, что этот изначальный натурально-хозяйственный базис всегда существует и будет существовать, о нем надо помнить, его надо изучать, несмотря на все могучие и сложнейшие надстройки рынка, государства и всех прочих социально-экономических институтов.

Что меня в творчестве Чайнова смущало и смущает... Великий энциклопедист А.В. Чайнов, живший в «золотой век» российских крестьяноведческих исследований, не только социально-экономических, но также антропологических, литературных, во всем своем многообразном творчестве не оставил ни одного социально-психологического образа конкретной личности крестьянина. У Чайнова возможно обнаружить различные глубокие психологические портреты реальных и вымышленных интеллигентов, но не крестьян...

Т. Шанин: Я бы хотел продолжить ту линию дискуссии, по которой пошел Александр Никулин. Я думаю, что самое важное в Чайнове, что определяет Чайнова в моих глазах — это не то, что Чайнов

говорил, хотя он говорил очень много ценного, но кем Чайнов был. Я думаю, что он сумел доказать всей своей жизнью свою фундаментальную, если хотите, либеральность по отношению к другим ученым. Он вел институт, в котором действовали марксисты, не-марксисты и антимарксисты — все. И он сумел не только работать с ними, он сумел добиться того, что они работали вместе. И продолжали спорить. Беспредостанно спорили. Но работали вместе. И институт Чайнова был ведущей научной структурой. И если бы она удержалась, я надеюсь, коллективизации бы не было. Потому что он нес в себе способность слышать всех, организовать свое мышление — не через агрессию против тех, с кем он не соглашался, но на базе объединения. Я думаю, что это особо ценно в России, потому что даже теперь, тридцать лет после того, как я начал жить и работать в России, меня раз за разом выводит из себя, когда я слышу, как агрессивно спорят русские, даже интеллектуалы. Чайнов умел слышать других, и он интересовался другими. В спорах, в которых он участвовал, его интересовало этот спор, его не интересовало выиграть этот спор. Очень часто он стремился вводить, интегрировать элементы этого спора в свое мышление. Его институт совершенно точно и четко шел в эту сторону в своей работе и в своих предложениях правительству, ведь он был также готов работать со всеми. С правительством большевиков? А почему нет? С врагами большевиков? А почему нет? Если говорят дело. Почему нет? Наоборот, очень важно иметь их, потому что не удержать их — это потеря для страны. Поэтому я стопроцентно согласен с тем, что сказал Саша. Я счастлив, что мы вышли на этап, на котором понимание Чайнова углубляется. Мы уважаем его. Мы рады, что он был. Мы учимся у него. Это же надо сказать и о Марксе, и о Вебере, и о целой серии ученых и мыслителей. Чайнов был человеком, который объединял. Он был цивилизованным мыслителем. Вся его биография говорит об этом. Я бы сказал, он символизирует своей жизнью, какой следовало быть русской интеллигенции. Вот то, что я хотел добавить о Чайнове.

А.В. Гордон: Экономисты уже давно пришли к выводу, что экономика сама по себе не проблемна, а проблемны, так сказать, ее предпосылки, и прежде всего культура, характер культуры, уровень культуры. То, что Теодор говорил насчет моногизма русской культуры, — это верно. Я помню, когда Вы, Теодор, только появились у нас, меня поразил Ваш стиль речи. Потом стал прислушиваться к англоязычной речи. Не «это так», а «I think» — я думаю. Или probably — «вероятно так». Да, кстати, и у французов то же самое: Je pens'que — «Я думаю, что». Такая вот форма, предполагающая взаимоуважительный диалог. У нас же в значительной степени ушла эта деликатность. Наверное, с пореформенного периода, с разночинцев. Был такой классический русский либерал Борис Николаевич Чичерин. Когда ему предложили стать цензором, он сказал: «Русской прессе нужен не цензор, а палач». Так что призыв к уважительности я приветствую.

Л.А. Овчинцева: Хотела бы поделиться своими соображениями о том, почему Чайнов нигде не рассматривает конкретного крестьянина. Ответ дает его система мировоззрения. Мне кажется, мы должны вспомнить о том, что в основе его воззрений была определенная философия и определенный способ мышления. Как ученый он стоял на позициях эволюционного развития. Его очень занимала идея внесения культуры в крестьянские массы, причем культуры не только агрономической и сельскохозяйственной, но в самом широком смысле этого слова. Вспомните образ сельской ярмарки из его утопии, когда крестьянские бабы с увлечением рассматривают образцы изысканной северной вышивки, а крестьянские парни прицениваются к антикварной мебели и скупают брошюры о западноевропейской живописи. Этот образ он вынес из практики дореволюционной кооперации, когда на средства кооперативов открывались в сельской глубинке народные театры и содержался в Москве университет им. А.Л. Шанявского. Поэтому ему и не был присущ взгляд современного этнографа или социолога, который стремится запечатлеть образ исчезающего крестьянства. Что лучше, современный ему крестьянин, запутавшийся в сетях трехполья и чересполосицы, или культурный кооперированный крестьянин? Конечно, его больше привлекал образ крестьянина лучшего будущего, нежели подлежащего улучшению настоящего.

Также ему, как мне кажется, доставляла большое удовольствие концептуализация, рефлексия, построение моделей. Не количественных, а именно качественных. Все, что попадало в поле его зрения, он старался превратить в теорию. Он не мог быть просто наблюдателем, который что-то фиксирует. И это, с одной стороны, делало его интегратором идей, организатором, а с другой, может быть, придавало некоторую идеальность его научным теориям, потому что он всех превращал в такие красивые гармоничные модели. Это свойство личности, свойство мышления, присущее, возможно, ему лично.

Не соглашусь с высказанной оценкой о том, что Чайнов в своем раннем периоде, когда он изучал крестьянское хозяйство, был не рыночник, а народник. Принять эту оценку — означало бы полностью отрицать Чайнова как деятеля кооперации, а ведь именно кооперация и вводит крестьянское хозяйство в рынок. Чайнов работал в кооперации еще будучи студентом, поэтому такая оценка противоречит фактам.

А.А. Куракин: Комментарий по поводу тезиса о «новозаветном» и «ветхозаветном». Если здесь «новозаветный» означает преодоление «ветхозаветного», мне кажется, вряд ли это так. Для меня то, что было названо «ветхозаветным», представляется ценным в чисто позитивном ключе. Не нормативно, не в смысле, что натуральное хозяйство — хорошо, а в плане описания действительности, того, как это было в жизни. Сама по себе чайновская модель крестьянского хозяйства красивая, и действительно на определенном этапе она работает. И это самое ценное, а все эти наши оценки (хорошо крестьянское хозяйство или плохо) — это уже вторично.

А.М. Никулин: Дорогие коллеги, мне кажется, мы сами не ожидали, сколько в результате нашего обсуждения будет сформулировано интересных тем и упомянуто замечательных имен, связанных с наследием Чайнова и всего организационно-производственного направления. Я благодарю всех участников за эту живую и продуктивную дискуссию, еще раз доказывающую актуальность школы Чайнова в контексте российской и всемирной аграрной мысли. Будем же продолжать изучать и развивать идеи организационно-производственного направления дальше.

Round table “Organization-production school in the Russian agrarian-economic thought: History and the present time”

Valery Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Alexander Gordon, DSc (History), Head of the East and South-East Asia Branch, Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at the School of Public Policy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

Alexander Kurakin, Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, 101100, Moscow, Myasnitskaya, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Lyubov Ovchintseva, PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Sustainable Rural Development and Rural Cooperation, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru.

Alexander Petrikov, DSc (Economics), Academician of RAS, Head of the Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. In 2007–2016 — Deputy Minister of agriculture. E-mail: apetrikov@viapi.ru

Tatiana Savinova, PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economy; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex. Ru

Teodor Shanin, Professor, President of the Moscow School of Social and Economics Sciences, chairman of the Advisory Board of the journal “Russian Peasant Studies”. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: shanin@universitas.ru

The round table “Organization-production school in the Russian agrarian-economic thought: History and the present state” at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration gathered his-

torians, sociologists, economists, and culturologists for an interdisciplinary discussion of the relevance of the scientific legacy of A.V. Chayanov and his colleagues not only for agrarian science, but also social sciences and humanities on the eve of the anniversaries of the organization-production school representatives. The participants of the round table focused on the genesis and historical prerequisites of the organization-production school, and on the ideas of the Chayanov's school as influencing the rural development of Russia and the world in the past and present. The participants of the round table were particularly interested in the recently discovered unique archival papers, such as the responses of A.V. Chayanov and N.P. Makarov to criticism of L.N. Litoshenko and A.A. Manuylov considering the theoretical-methodological foundations of the organization-production school's idea of peasant economy; and the Chayanov's texts for the German, French and American journals comprehensively describing features of the Russian and Soviet agrarian-economic science development. The intellectual legacy of A.V. Chayanov and his colleagues A.A. Rybnikov, A.N. Chelintsev, B.D. Brutskus, N.P. Makarov, A.N. Minin, and G.A. Studentsky was considered from the perspective of populist, socialist and liberal traditions in the development of Russian and international peasant studies. The participants of the round table also mentioned theories of other remarkable agrarians that can be called predecessors and followers of the organization-production school.

Keywords: peasant studies; interdisciplinary studies; organization-production school; theory of peasant economy; populism; socialism; liberalism; rural development.

Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case

A.Nikulin, I.Trotsuk, S.Wegren

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Stephen Wegren, Professor of Political Science, Southern Methodist University, Dallas, Texas, USA. E-mail: swegren@smu.edu

The article considers economic successes of the Belgorod region as significantly determined by the governor Yevgeny Savchenko' agrarian policies, which compensate for the region's small size and modest human capital. In 2017, the authors published an article describing economic policies and social programs of regional authorities; now the authors focus on the leadership by Yevgeny Savchenko, and his rather paradoxical personal and management views. First, according to Max Weber's typology of authority, Savchenko is a charismatic leader with strong personality traits and careful political behavior, who benefits from the traditional Slavophile populism and institutional design of the gubernatorial powers that has allowed governors to become more powerful compared to other regional actors during 2002–2012. Second, the Belgorod governor's project has quite traditional Russian roots in the spirit of A.V. Chayanov's novel "My brother Alexey's journey to the land of peasant utopia", which allowed the Belgorod modernization project to successfully cope with unpredictable challenges from the Russian oligarchy and global economy, and to use competitive standards of consumer society as the grounds for conservative modernization and solidary society development. The Belgorod governor implements his own model of new economy consisting of the extensive development of solidarity and cooperation; ideals of healthy lifestyle; and freedom in choosing ways to work and to rest (regional authorities support corporate, family and individual strategies of life). Third, Savchenko has publicly articulated his personal political-economic theory reflecting a conglomerate of conservative, socialist and populist ideas, and combining anti-liberalism and statist philosophy as the basis for the revival of the Russian state, which the governor sees as an engine of social progress.

Keywords: Belgorod region; governor; leadership; regional authorities; regional development; ideological roots; philosophical foundations

DOL: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-99-116

The Belgorod region is one of the most economically successful regions of the Russian Federation. This rather small region is located in the central black-earth zone of Russia and borders on Ukraine. It occupies an area approximately equal to the Crimean peninsula (about 27 thousand square kilometers), and has population of 1.5 million people. The urban share of the population is 70 percent, while 30 percent are rural, and the capital city Belgorod has 350 thousand inhabitants. The region has distinct economic and geographical advantages for it possesses the world's largest iron ore deposits and agricultural lands located in the centre of the vast Russian-Ukrainian black soils. Moreover, the region boasts weather and natural resources favorable for agricultural production, and has been very successful in fulfilling its objectives for the development of agriculture. Belgorod is well known for housing largest and successful agrohholdings, and for ranking among the leaders in agricultural production, especially of pork and poultry.

Savchenko's agrarian policies have been called the "Belgorod Miracle," referring to the region's achievements as a major Russian agricultural producer (see, e.g.: Reiting, 2016) although Belgorod was not among agricultural leaders in the late Soviet or early post-Soviet periods, i.e. before Savchenko became governor (Ioffe, Nefedova, 2000: 299). The Belgorod region's high ranking in agricultural production is even more impressive for in 2014 it ranked 67th in territorial size, 22rd in the size of agricultural workforce, and 30th in the size of population. Belgorod has become one of the strongest agricultural producers in the country, ranking in the top five in terms of ruble value of agricultural production since 2008, and ranking 3rd in 2014 and 2015 and 4th in 2016. In 2016, the region produced almost 6% of the nation's total meat output (Kulistikova, 2017). Moreover, during 2005–2010 the nominal ruble value of agricultural output in the Belgorod region tripled (for comparison: in the Krasnodar region the output doubled, the national agricultural sector grew by 87% (Rosstat, 2015: 641-642); for animal husbandry, the growth rate was nearly three times as high as in the Krasnodar region and the rest of the country (Fadeeva, 2013: 423)).

Savchenko's policies compensate for Belgorod's small size and modest human capital by the significant modernization (mechanization) of agricultural production, promotion of agrohholdings that use technologically advanced methods of production, and regional projects for the development of agriculture. Thus, the region has the smallest amount of land that is unclaimed in the Central Federal district; in the last decade, the region has shown very strong growth in pork and poultry production, making the sector competitive with Western European and American companies; the region consistently ranks among national leaders in crop production and grain yields, and so on.

Certainly, such an economic success was determined by the general revival of the Russian agricultural sector since 2004. For instance, the value of national agricultural production increased from 1.3 trillion Rubles in 2004 to 5.6 trillion Rubles in 2016 under the state financial support and wide-ranging state programs for agricultural development (Wegren, Nilssen, Elevastad, 2016). Since 2014, the agricultural sector has grown so fast that Russia regained the position of the world leading wheat exporter in 2015-2017. By the way, Savchenko was among the politicians who claimed that Russia has the potential to produce enough grain, meat, milk and other products not only to be self-sufficient but to feed half a billion people (see, e.g.: Dyatlovskaya, 2016; Evgeniy Savchenko: Rossiya mozhет, 2014; O merakh, 2016: 8; Rossiya prokormit, 2016).

We believe that the Belgorod region is economically successful today because of the leadership by governor Yevgeny Savchenko despite his rather paradoxical personal and management views. Thus, on the one hand, he is a staunch statist and supporter of the Kremlin general economic and political lines; on the other hand, he is a welfare state oriented leader and a consistent critic of the post-Soviet market reforms implementation. On the one hand, he skillfully maneuvers between comprehensive support of agroholdings and intensification of large-scale industrial agricultural production; on the other hand, the region aims at strengthening family production and development of organic farming as competitive advantages at the domestic food market. On the one hand, the governor declaratively ensures market economic reforms and supports democratic institutions at the local level; on the other hand, there are few measures to develop civil society, and the governor certainly prefers authoritarian style and patrimonial hierarchical social control.

Leadership features of Yevgeny Savchenko¹

Yevgeny Savchenko was born on April 8, 1950 in the village Red Yaruga in the Belgorod region. In 1976, he graduated from the Moscow Agricultural Academy and started his career in agricultural production, first as the chief agronomist of the collective farm Rakityansky, then as the head of the Rakityansky district agricultural department, and then as the director of an elite seed-production state farm. In 1980, he began a political career, first as the first deputy head of the executive committee of the Rakityansky district Council, then as the first secretary of the Shebekinsky City Committee of the Communist Party for the Belgorod region, and then as an instructor for the Central Committee of the CPSU. In 1988, he graduated

1. Basic biographical facts may be found at: <http://www.savchenko.ru/info>; and <http://perebezhchik.ru/person/savchenko-evgeniy-stepanovich>.

from the Rostov Higher Party School and received a doctorate in economics. During 1990-1993 Savchenko was a consultant for the Ministry of Agriculture and Food, a general director of the company Russian Seeds, and a deputy chief of the Department of Crop Production in the Ministry of Agriculture and Food. In October 1993, President Boris Yeltsin appointed Savchenko as the head of the regional administration in Belgorod, and then in December 1995 Savchenko was elected governor. In 1996-2001, he also headed the committee for agrarian policy in the Federation Council, and made a reputation as a leading advocate for agrarian interests. In May 1999, he was reelected as governor, and again in May 2003. In June 2007, his authority as a governor was continued by the reappointment by President Vladimir Putin. In October 2012, he was reelected again, and then again in November 2017, thus holding the record for the longest tenure among Russian governors. Under the new law on gubernatorial term adopted in 2012, Savchenko may theoretically continue to govern into 2022.

According to Max Weber's typology of authority (Weber, 1978: 215-216), Savchenko is a charismatic leader with strong personality traits who benefits from the traditional Slavophile populism. According to the on-going debates on the relationship of Russian federalism and the powers of regional leaders, Savchenko is an example of the importance of the personality under the strengthening institutional power, i.e. his leader personality at the institutional position with a certain degree of the legislative power played a significant role in regional development despite the fact that since 2000 there has been a purposeful, and largely successful, effort by the federal executive branch to restrain regional elites. There was "a concerted attack on the powers of regions and localities, and a recentralization of economic and political power in the hands of the Kremlin... to bring an end to the 'negotiated federalism' of the Yeltsin era" (Ross, 2009: 20). Several political reforms were introduced to change the power relationship of the federal center with regions (Petrov, Slider, 2016: 68-77), to intimidate recalcitrant regional leaders and to enforce loyalty, and the only exception from these restrictive measures was the law that allowed governors to run for a third or even fourth term, which benefited Savchenko. Besides, he also benefited from the institutional design of the gubernatorial powers that has allowed governors to become more powerful compared to other regional actors during 2002-2012: "in the first half of the 2000s, the consolidation of gubernatorial power enabled most of the regional chief executives to control the legislative agendas of their regions" (Golosov, Konstantinova, 2016: 244).

However, Savchenko is not a governor quietly enjoying his institutional position and avoiding political conflicts that can affect his reputation. He is famous for his careful political behaviour, but he never stayed out of the fights that he considered principal. Thus,

when in 1999 Vladimir Zhirinovskiy announced his candidacy for governor of the Belgorod region, Savchenko and his political team spoke mockingly about Zhirinovskiy and called his Liberal Democratic Party “the party of clowns” (Pyrma, 2000). Another example is Savchenko’s conflict with the political heavyweight Yuri Luzhkov, or more specifically, with his wife, Yelena Baturina as the head of the Moscow holding company Inteko that was engaged in construction and agribusiness in urban and rural areas of the Belgorod region. At first, the company’s projects in the region were growing rapidly, but soon stalled in disputes and scandals with the local communities and authorities primarily over the speculative land purchases, which was one of the first large-scale examples of land-grabbing in rural Russia. Savchenko criticized Inteko for firing too many agricultural workers and not fulfilling its social obligations in rural areas, and Inteko was expelled from the Belgorod region, which once again showed that Savchenko controls his region strictly and effectively. Savchenko’s victories in these political fights were determined by his stable relationship with the Kremlin and the United Russia: the governor has always remained loyal to the Putin’s rule and consistently ensured 52%-54% of the vote for the United Russia in elections to the State Duma.

We believe that the economic success of the Belgorod region is due largely to the personality and leadership of Yevgeny Savchenko. Certainly, strong governors exert significant influence over the policies of their regions in ways that go beyond legislation. However, in the Belgorod case this influence is determined not only by the economic policies, which we have already discussed (Nikulin, Trotsuk, Wegren, 2017), but also by ideology and philosophy of the regional leader.

*A.Nikulin,
I.Trotsuk,
S.Wegren*
Ideology and
philosophy of the
successful regional
development...

A.V. Chayanov’s ideas as roots of the Belgorod Miracle

The Belgorod governor’s project has traditional Russian roots in the spirit of Chayanov’s novel “My brother Alexey’s journey to the land of peasant utopia”, which are: (1) the contradiction between urban and rural ways of life can be resolved based on the village and rural perspective as a priority; (2) a mixed economy can combine both capitalist and state economies provided it is managed in the interests of cooperative and family economies; (3) national culture can survive under the global trends provided the careful and curious study and adaptation of the global cultural experience. In all his utopias, Chayanov developed an original model of social development to find an optimal balance and resolve contradictions between the town and village, industry and agriculture, peasantry and the capitalist state. One of the most underestimated features of the Chayanov’s thinking were his original forecasts of future scenarios for both agricultural and social development under various possible political and economic

conditions. His predictions highlight some of the key problems of contemporary Russia. For instance, the state has often underestimated the role, potential and needs of small farms and peasant economy preferring large entrepreneurs or 'agroholdings'; there is no social or economic equilibrium in the Russian society, and crises have become an intrinsic part of everyday life; there is a widening gap between political, economic and social decision-makers and population.

Chayanov's novel "My brother Alexey's journey to the land of peasant utopia" presents his most important social-economic and philosophical-aesthetic views (Chayanov, 1989). In this novel, the utopian Moscow and the Moscow region turned into a garden-city, in which cozy and low-rise buildings are interspersed with extensive gardens and parks. The economy of this country is mixed-market, it combines state, cooperative and capitalist economic forms that are carefully monitored and subjected to increased taxation, yet not destroyed as providing incentives for individual entrepreneurship and national economic competition. However, at the core of this system lies individual peasant economy with various forms of cooperation with other economic and cultural modes of life.

Certainly, today Russia is not a self-governing peasant paradise with a mixed economy, rather a bureaucratic authoritarian state with the predominance of large industrial farms. However, Chayanov noted the importance of the deliberate rural-urban cultural policy of the oligarchic leadership in regional development, which has strengthened in the post-Soviet period. The key political prophecy of his utopia is the critical importance of the economic and cultural pressure of the utopian ideology implemented by a team of oligarchs. Today the agrarian oligarchy plays a significant and controversial role in the development of agriculture. On the one hand, oligarchs concentrate substantial resources to implement ambitious rural development projects. On the other hand, these resources are not controlled by the state or rural communities, which leads to corruption scandals and conflicts between agrarian-oligarchic corporations over the redistribution of land and property, and between the capital and the provinces.

In recent decades, the Belgorod modernization project has successfully coped with unpredictable challenges from the Russian oligarchy and global economy, and today it pursues a paradoxical goal — to use the competitive standards of consumer society as the grounds for conservative modernization and solidary society development. The current political and ideological debates focus on the possibility of conservative modernization and its consequences. The Belgorod region is an example of the generally positive systemic effect of the specific type of conservative modernization that has been implemented by Savchenko, who paradoxically combines the roles of a supporter of market economy, a statesman, a conservative and an innovator.

The Belgorod region shows the fantastic pace of agricultural growth, especially in pig and poultry production, which is the result of the sustainable and dynamic development not only of its agricultural sector, but of social infrastructure in rural areas. In the early 2000s, the region attracted investments to support large agricultural enterprises. According to Chayanov, these agrohholdings represent the “new ways in which capitalism penetrates agriculture. These ways convert the farmer into a labor force working with other people’s means of production. They convert agriculture, despite the evident scattered and independent nature of the small commodity producers into an economic system concentrated in a series of the largest undertakings and, through them, entering the sphere controlled by the most advanced forms of finance capitalism” (Chayanov, 1966: 202). In Belgorod agrohholdings are carefully monitored and controlled by the regional authorities, which claim that the excessive reliance on huge agrohholdings can be dangerous for other economic forms in the countryside. Therefore, Belgorod supports peasant farms and all forms of cooperation at the local level by regional programs of economic, social and cultural development. Certainly, there is poverty in the Belgorod region, but, if we may so, it is more decent than in other rural areas of Russia. Perhaps, the most impressive regional program is “Family Farms of Belogorie”. It aims at providing farmers with everything for agricultural production to exclude any side occupations; at making farm products competitive, meeting the high quality standards, and available to consumers; and at developing rural cooperatives and rural social infrastructure.

The regional agrarian reforms proved to be successful due to the combination of the authorities’ strict control of land planning and use, development of a mixed agrarian economy, and ensuring a fair price chain between producers, processors and sellers. The Belgorod mixed economy takes advantages of both large and small agricultural production. The rapid growth of powerful agrohholdings increases rural unemployment, and special regional programs support family farms in milk production, breeding of small animals and birds (goats, geese), beekeeping, mushroom farms, rural tourism and crafts. The regional authorities implement a wide range of social programs to create ‘social agricultural clusters’ and prevent the outflow of population from rural areas. As a result, today Belgorod is not only a leader of the agricultural production, but also a territory of the stable demographic growth, educational development, and so on. For instance, in the post-Soviet period the former little-known provincial higher education institutions of the region turned into important national scientific-educational centers. In general, the Belgorod authorities demonstrate a skillful state dirigisme to ensure public support and stimulate local communities’ self-organization. The key elements of this dirigisme are housing policy (the region has no equal in Russia in the pace of building private houses with standard

smallholdings of 0.15 hectares) and a program to support family estates, which aim to overcome the Soviet legacy of the excessive multi-storey, multi-family urbanization, and to revive the traditional neighbor-related lifestyle in the countryside.

The Belgorod governor implements his own model of new economy consisting of the extensive development of solidarity and cooperation, ideals of healthy lifestyle (special environmental programs, the fight against smoking, etc.), and freedom in choosing ways to work and to rest (regional authorities support corporate, family and individual strategies of life). Since 2010, one can see on the billboards of the Belgorod social advertising the call of the Russian religious philosopher Nikolai Fyodorov “To live neither for ourselves or for others, but with all and for the sake of all” as a motto of the new economy leading to the future solidary society. However, today Belgorod rather witnesses a bourgeois neo-NEP although the expansion of capitalist economy is successfully restrained by the regional support of family, cooperative and community economies. To develop the desired solidary society, the authorities promote traditional national values such as orthodoxy, patriotism, and humanistic culture of the old and Soviet Russia, which were impressively described in the Chayanov’s utopian novel.

Savchenko’s philosophical foundations

Savchenko is probably the only Russian governor who has publicly articulated his personal political-economic theory. He has repeatedly expressed his ideas in both public statements and published articles over the years. His thinking reflects a conglomerate of conservative, socialist and populist ideas combining anti-liberalism and statist philosophy as the basis for the revival of the Russian state, which he sees as an engine of progress. According to the governor, “the essence of the Belgorod strategy of social and economic modernization is to help our active, cohesive, purposeful, i.e. solidary, society to accelerate the advent of the new type of economy” (Savchenko, 2012: 9).

A central treatise of Savchenko’s thinking was an article titled “A task of Stolypin’s scale” that appeared on the anniversary of Pyotr Stolypin in the ideological journal of Russian conservatives “Nash Sovremennik” (Our Contemporary) (Savchenko, 2012). Savchenko considers Stolypin’s reforms to be more effective and less bloody compared with other famous Russian reformers such as Peter the Great or Joseph Stalin. The Stolypin’s reforms are best known for breaking up the communal *mir* and introducing private ownership of land in the run-up to World War I (Stolypin himself was assassinated in September 1911), though his reforms were much broader and encompassed many other spheres of the economy and social life. In his article, Savchenko identifies several

policy directions and reforms for Russia that he argues Stolypin would certainly have implemented if he were still alive. We review the main points in his thinking and then show linkages to actual policy in the Belgorod region.

The Savchenko's ideas reflect strong elements of statism that shape his worldview. His philosophical foundation is summarized by the following quote: "State power always has to solve a lot of current and strategic tasks, however, statesmen at all levels must never forget about the mission of the state — to reveal the spiritual, moral, intellectual, creative potential of the people, which constantly requires fresh, thought-out, uniting ideas and, most importantly, effective actions to implement them. The soul of the Russian people yearned for a great common task on a Stolypin scale!" (Savchenko, 2012: 11). While Savchenko is undoubtedly a statist, he is also pragmatic and has worked to encourage small enterprises and the private economic sector in agricultural and non-agricultural spheres.

In the article, Savchenko argues for social justice and reducing inequality. He maintains that in contemporary Russia the majority of national income is expropriated by the owners of capital in the form of business income, dividends, foreign accounts, and corruption schemes. Only one-third of national income goes to the state through taxes, fees and fines. He is opposed to the unequal distribution of income and existing disparities in wealth.

Savchenko claims that the mileage of Russian railways has remained virtually unchanged since the Stolypin reforms. The highway system that was initially designed for the width of two horse drawn carts has basically stayed the same. As a result, Russia loses several trillion rubles a year due to its lack of roads; and bad quality roads are the cause of up to 40 thousand deaths and hundreds of thousands of injuries per year.

Savchenko argues that regional demographic problems and outmigration may be addressed through housing reform, reform of the communal service sector, and improvement in the educational system. Savchenko believes in a strong state-led education system and criticizes the today's system that "creates the rules in its own interests". The commercialization of education practically excludes the state and the employer. The vocational training system has been simplified to the level of primitivism whereby education is little more than an exchange: the institution is interested in receiving money, and the student is interested in getting a diploma. As a result, graduates receive poor quality training and are not well-prepared with skills required by the labor market.

Savchenko considers Russian health care to be ineffective, costly, cumbersome, and corrupt despite recent significant improvement in funding. Savchenko criticizes the health care system for failure to provide high-quality services; and patients for their unwillingness to live a healthy lifestyle.

A.Nikulin,

I.Trotsuk,

S.Wegren

Ideology and
philosophy of the
successful regional
development...

Finally, Savchenko is an advocate for the development of an innovative economy: he favors shifting responsibility for funding research from the state to corporations as is the practice in many developed nations.

Savchenko favors the active participation of the state, which he believes will inevitably lead Russia to a spiritual-moral revolution. He argues that “the moral degradation of society in recent years has gone so far that it threatens the very existence of the state” (Savchenko, 2012: 11). The driving forces of this new revolution are state power, traditional religion, and the intelligentsia. Savchenko developed a road map for the moral recovery of the society, consisting of: (1) an enhanced role of traditional religion, primarily of the Russian Orthodox Church; (2) strengthening the idea of the paramount importance of the Russian ethos as a foundation of the state; (3) control over mass media and the Internet; (4) development and support for all public forms of local self-government; (5) state funding of schools at the level so that teacher’s salary would be twice the average in the economy, thus contributing to the prestige of the school teacher profession; (6) strengthening the family as an institution and a ban on abortion except for medical reasons; (7) tougher administrative penalties for violation of ethical norms (intolerance, bad language, etc.).

Below we link the ideas articulated in “A task of Stolypin’s scale” to policies Savchenko has advocated for the nation or implemented in the Belgorod region. The ideas are important because they show a wide-ranging concern for development of the region in many different spheres. Although Savchenko is a strong advocate for agrarian interests, his leadership concerns extend beyond the agricultural sector. Savchenko’s ideas are simultaneously far-reaching and yet sometimes his statism resembles policy outcomes that one would expect in a planned economy of the interventionist and regulatory state.

Social justice: Savchenko insists on state intervention in the redistribution of national income through legislation. Wage workers receive about 20% of revenues, which Savchenko considers absolutely unfair. He suggests redistribution of income between the owners-employers and employees in favor of the latter because “labor as an economic category stands above capital” (Savchenko, 2012: 5). Further, he has called for transferring one-third of property assets of commercial enterprises, regardless of its ownership, to labor collectives. As a result, the share of the workers in the enterprise’s income would increase through wages and dividends; economic and financial activities of the enterprises would become transparent; and the distribution of one-third of the capital among employees would lead to the capitalization of labor collective. Thus, there would appear new incentives for improving labor discipline, building careers, developing professional skills, and promoting efficiency and competitiveness of the enterprise. According to Savchenko, “such historic decisions

reveal a new conflict-free perspective of social-political development” (Savchenko, 2012: 6).

Rural infrastructure and roads: Savchenko calls for the connection of all regional and district centres of Russia with modern, high-speed, four-lane highways by building and reconstructing 100 thousand kilometers of roads. This task requires a huge sum of money (about \$240 billion), which Savchenko has suggested to raise through a special tax policy. Savchenko’s commitment to roads and infrastructure is seen by the fact that Belgorod ranked 1st in the Central Federal district in 2015 in kilometers of hard paved roads on a standardized basis of per 1,000 square kilometers of territory (excluding Moscow).

Demography and migration: Savchenko proposes to address demographic problems through assistance for housing and the acquisition of land. He has suggested that all citizens who want to live in their own houses may receive a state loan for up to 25 years and acquire a plot of land up to one hectare with infrastructure, including roads. According to Savchenko, loan terms as well as the size and conditions for receiving a plot of land should differ depending on the region. In Siberia and the Far East with low population density and a high migratory outflow, loan terms should be favorable and the land plot should be granted free of charge. In the Moscow metropolitan area and fertile southern regions with a high population density, no credit should be provided and land should not be distributed free of charge to stimulate outflow of population to other regions where land is free. Throughout Russia, the construction of individual houses should number no fewer than 500 thousand houses per year; the source of financing would come from loans by the Central Bank of Russia and cost about \$24 billion dollars a year. If Russia were to undertake such a program, Savchenko believes that, “in the next twenty years about 50 million Russians would have moved to their own houses; depopulation in the Slavic ethnic group would have stopped, and the physical and moral state of the society would have strengthened. Together with the road construction, these changes will lead to tremendous economic growth, the spiritual unity of the nation, the emancipation of the creative potential of the people, i.e. to solving the main task of modernization... This is where we have to invest oil revenues today to turn our perishable wealth into imperishable national wealth” (Savchenko, 2012: 7).

The Belgorod region is demographically unique among regions in the Central Federal district in two ways. First, in contrast to other regions, Belgorod’s population has been increasing since 1991. All regions in the Central Federal district have experienced a decline in population during 1991-2016 due to both outmigration and a negative natural increase. The only exceptions are the Moscow region, which is truly an outlier not only in the Central Federal district but also for all of Russia in terms of investment, economic activity, income levels,

Table 1. **Population and migration in the Belgorod region, 1991–2015**

СОБРЕМЕННОСТЬ

Year	Total population, in millions	Net population change from previous year	Net migration	% of population of pension age
1991	1.399	+8,000	+9,506	22.9
1996	1.467	+11,000	+18,233	23.3
2000	1.495	+5,000	+14,901	23.4
2005	1.512	no change	+10,133	22.8
2010	1.532	+6,000	+5,975	24.1
2011	1.536	+4,000	+8,350	24.5
2012	1.541	+5,000	+4,059	25.0
2013	1.544	+3,000	+6,566	25.5
2014	1.548	+4,000	+7,591	26.1
2015	1.550	+2,000	+5,918	26.6

Sources: Goskomstat RSFSR, 1991: 78; Goskomstat Rossii, 2001: 21; Goskomstat Rossii, 1997: 25, 512, 518; Rosstat, 2015: 37, 45; Rosstat, 2016: 49; Chislennost i migratsiya naseleniya Rossiiskoi Federatsii (Moscow: Rosstat), various years; and authors' calculations.

and opportunity; and the Belgorod region. The second way the region is unique is that it experiences net in-migration: the natural increase is negative — the death rate exceeds the birth rate, but positive net migration compensates and the population continues to grow, albeit slowly. This trend is shown in Table 1.

Education: Savchenko proposes free education and to transfer the expenses to the state budget and employers (50/50 split). According to his plan, an employer could pay its share in a year after checking the graduate's qualification and skills at work based on the joint evaluation by a special commission comprised of representatives of the educational institution, employer, and the state. Therefore, the graduate would get a diploma only after a year of work. Savchenko also argues that regional and federal authorities should require all educational institutions, state and private, to create a long-term plan for training specialists (seven to ten years). This plan should be based on employers' requests and forecasts of national economic and social development, which would make educational institutions responsible for the quality of training. State educational institutions would have to produce a required number and quality of specialists, a situation would guarantee employment to all graduates and could lead to closing unneeded or low quality educational institutions.

Health care: Savchenko proposes to change the model of financing health services by introducing a personal account for every citizen, to be replenished annually by about \$250 dollars (the amount would depend on the age of the recipient). If the cost of medical services

exceeds personal funds, relatives and friends would be responsible for adding money from their personal accounts or funds. A person would be able to spent money from his personal account only on health care purposes; however, at the end of the year unused funds could be used to pay for activities related to health improvement (e.g., fitness, sports), or to carryover for medical services in the next year. According to Savchenko, this reform would stimulate real competition among medical institutions, although the number of providers would decrease. Moreover, health care personnel would get decent salaries for good work. At the same time, a person would be motivated to monitor one's health, and the family would strengthen control over the lifestyle of its members to prevent unhealthy lifestyles (smoking, drinking), which would result in strengthening the family institution in general.

Innovation in the economy: Savchenko has introduced policies that favor the development of small enterprises. In 2014, excluding the city of Moscow, Belgorod ranked 1st in the Central Federal district in number of small enterprises (agricultural and non-agricultural). Nationwide, excluding the cities of Moscow and Saint Petersburg, Belgorod ranked 22nd in number of small enterprises. On a standardized scale, Belgorod ranked 17th in number of small enterprises per 1,000 people (excluding Moscow and Saint Petersburg). Belgorod also ranked 26th in trade turnover by small enterprises (Rosstat, 2015: 556-557). Savchenko proposes legislation to obligate enterprises to allocate at least 5% of their net profit to innovative research programs, either their own or in cooperation with scientific institutions and universities. Savchenko believes that this measure would increase the annual funding of corporate research and development up to \$8 billion, which is several times higher than the current level of state funding. If implemented, this policy would lead to an increase in demand for talent, in competitiveness and capitalization of business, in demand for innovative domestic products, and in competition between educational institutions for innovative corporate orders. Further, Belgorod is a leader in other innovative indicators. For instance, regional authorities established a Council on Innovative Policies and adopted a long-term program called "The Development of Nanotechnology Industry in Belgorod region." This program opened a business incubator, started the construction of the "North" industrial park, created innovative regional economic clusters in agrofood, mining-metallurgy and construction, and cooperated with the largest private companies in funding and research work.

Going forward, the importance of Belgorod is likely to increase due to the importance that the government is placing on organic agriculture. Toward this end, a law on organic agriculture was adopted in early 2018, and cooperation with Germany to develop organics was announced in late 2017. Belgorod is likely to emerge as a leading organic producer as Russia strives to become a major

international player in organic food. Second, the new version of the food security doctrine approved by the Ministry of Agriculture in February 2018 places emphasis on food exports that will benefit the economy in Belgorod.

Conclusion

Today in Russia, the gubernatorial power is enhanced by both institutional design of the authority distribution and the personal leadership. As the Belgorod case shows, a governor can remain very powerful within his region, even beyond the political power granted by his institutional position. Thus, there are many governors in Russia with the same or even better requisites that cannot compete with the Belgorod region's economic and social achievements. The 'Belgorod Miracle' is attributable to Savchenko's policies favoring a mixed economy and state-guided capitalism, whereby the state guides private actors and the market through support for specific industries and businesses, expansion of employment, modernization of services, and support for welfare of the population.

Certainly, the situation is not ideal, and the Belgorod region faces many challenges as the rest of Russia, but the Belgorod authorities often manage to cope with difficulties effectively and socially responsible. For instance, during his first term as a governor (1999-2003) Savchenko began to introduce agrarian reforms that attracted significant investments in agriculture and supported emerging agroholdings. Belgorod was among the first regions to create large agroholdings, which have become the engines of agricultural growth in the region and nationally (Uzun, 2008). As the number of agroholdings rapidly grew, the "red landlords" of the 1990s were attacked by the "white oligarchs" of the 2000s. Financial and other companies rushed into agriculture, engaged in land grabbing, and became large capitalist corporations resembling uncontrolled giant latifundia that support the corrupt state bureaucracy and exploit powerless agricultural workers. By 2009, about two-thirds of all agricultural enterprises in the Belgorod region belonged to agroholdings that produced 90% of the region's total agricultural output, farmed two-thirds of its land, and employed 72% of the agricultural workforce (Epshtein, Hahlbrock, Wandel, 2013). Further, agroholdings use generous regional subsidies to become substantial food producers, and the region is home to some of the largest and financially strongest agroholdings in the country: Miratorg, Efko, Prom-Agro, and Agro-Belogorye. There are often close ties between the governor's office and agroholdings (not only in the Belgorod region). For instance, Savchenko helped Genandiy Bobritskiy to establish the poultry holding company Prioskolye, and Vladimir Zotov to establish Agro-Belogorye, and provided support to make them successful (Volkov, 2016). Moreover, the regional

government, as in some other regions, has imposed restrictions on livestock meat production by smallholders, which the agroholdings have actively lobbied for to wipe out the competition of cheap meat from the smallholders under the banner of sanitary measures (e.g.: Visser et al, 2015).

The Krasnodar region became the center of land grabbing in Russia over the last two decades due to the domination of agroholdings actively pushing smallholders from financially attractive spheres of agriculture, and affiliating with local political elites. The Belgorod authorities force and persuade (albeit not always successfully) huge agroholdings to meet expectations of the regional government and local communities regarding social obligations. It means that agroholdings at least imitate corporate social activities and position themselves as socially responsible businesses. The regional authorities also support family farms against the aggressive accumulation by agroholdings, while in other regions the authorities prefer to collaborate with agroholdings, which negatively affects smallholders and family farmers. Thus, in addition to various agricultural programs, Savchenko's policies support agrarian development in three basic directions: (1) a mixed economy, consisting of agroholdings, cooperatives and family farms; (2) rural social clusters that develop both agricultural production and rural social infrastructure; (3) a symbiotic relationship between agriculture and sustainability.

As a result, in the Belgorod region, agroholdings dominate in terms of output, value of production, financing, and cultivated land, while the number of private farms has declined, but the number of registered household gardens has increased though not substantially. Many rural regions in the Central Federal district, and throughout Russia, have experienced significant depopulation due to outmigration during the past 40-50 years, while the Belgorod region's population has increased since 1991 and remain a net recipient of migrants. Savchenko recognizes the inherent link between rural social conditions, agricultural production and demographic trends (Savchenko, 2009: 9). Therefore, he has implemented a wide range of social programs to create 'social agricultural clusters', which make the region a territory with social stability in rural areas.

Thus, the Belgorod development model implies a wide range of local resources and diversification of economic activities; the regional authorities revive the 'collectivist' model of rural life by combining federal support of the agrarian sector (primarily agroholdings) with regional and local initiatives aimed at harmonizing interests of different economic and social actors (by assigning agroholdings some social and ecological obligations, by attracting large and medium-scale business to the 'paternalistic' participation in social projects in the countryside). Such a variety of regional authorities' priorities corresponds to the Chayanov's notion of diversity given the social-economic, historical and cultural conditions of rural-urban

A.Nikulin,

I.Trotsuk,

S.Wegren

*Ideology and
philosophy of the
successful regional
development...*

lifestyles reciprocity. It also leaves no doubts that the governor's anti-crisis program (Savchenko, 2015), presenting an ambitious plan for achieving further economic growth despite a macro-environment of resource constraints, is realistic given the governor's active and assertive leadership style based on a combination of statism and market capitalism.

References

- Chayanov A.V. (1966) *The Theory of Peasant Economy*. Ed. by D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith. Homewood, Illinois: Richard Irwin for the American Economic Association.
- Chayanov A.V. (1989) Puteshestvie moego brata Alekseja v stranu krestjanskoj utopii [My brother Alexey's journey to the land of peasant utopia]. *Venetsianskoe zerkalo: Povesi*. Moscow: Sovremennik.
- Dyatlovskaya E. (2016) Tkachev: Rossiya obespechit sebya produktami cherez sem let [Tkachev: Russia will supply itself with food products in seven years]. <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/25260-tkachev-rossiya-obespechit-sebya-produktami-cherez-sem-let>.
- Epshtein D., Hahlbrock K., Wandel J. (2013) Why are agrohholdings so pervasive in Russia's Belgorod Oblast? Evidence from case studies and farm-level data. *Post-Communist Economies*. No. 25.
- Evgeniy Savchenko: Rossiya mozhet prokormit 500 millionov chelovek [Evgeny Savchenko: Russia can feed 500 million people] (2014). <https://www.semplot.ru/suverenitet/1184-evgenij-savchenko-rossiya-mozhet-prokormit-500-millionov-chelovek>.
- Fadeeva O.P. (2013). Socioeconomic potential of multipattern rural economic systems (the case study of Belgorod Oblast). *Regional Research of Russia*. No. 3.
- Golosov G., Konstantinova M. (2016) Gubernatorial powers in Russia: The transformation of regional institutions under the centralizing control of the federal authorities. *Problems of Post-Communism*. No. 63.
- Goskomstat Rossii (1997) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic Yearbook of Russia]. Moscow: Goskomstat.
- Goskomstat RSFSR (1991) *Narodnoye khozyaystvo RSFSR v 1990 g.* [National Economy of the RSFSR in 1990]. Moscow: Goskomstat RSFSR.
- Ioffe G., Nefedova T. (2000) Areas of crisis in Russian agriculture: A geographic perspective. *Post-Soviet Geography and Economics*. No. 41.
- Kulistikova T. (2017) Na top-10 regionov prishlos 40% proizvodstva selkhozproduktii v strane [Top 10 regions accounted for 40% of the agricultural production in the country]. <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/26303-na-top-10-regionov-prishlos-40-proizvodstva>.
- Nikulin A.M., Trotsuk I., Wegren S.K. (2017) The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 58. No. 3.
- O merakh po uskorennomu razvitiyu podotrasley selskogo khozyaystva [On measures to accelerate development of sub-branches of agriculture] (2016). *Selskaya Zhizn*. July 7-13.
- Petrov N., Slider D. (2016) Regional politics. *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. Ed. by S.K. Wegren. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Pyrra R. (2000) Agrariy (Nabrosok politicheskogo portreta Yevgeniya Savchenko) [An agrarian (A sketch of Yevgeny Savchenko's political portrait)]. *Pro et Contra*. No. 5.
- Reiting effektivnosti gubernatorov [Ranking of gubernatorial effectiveness] (2016). <https://civilfund.ru/mat/101>.

- Ross C. (2009) *Local Politics and Democratization in Russia*. London: Routledge.
- Rossiia prokormit polmilliarda chelovek, pomogut kolkhozy — mnenie [Russia can feed half a billion people, with the help of collective farms] (2016). <https://social.pravda.ru/blog/43437883754/Rossiia-prokormit-polmilliarda-chelovek,-pomogut-kolhozyi—mnen?page=2#42074990347>.
- Rosstat (2015) *Regiony Rossii: sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli* [Regions of Russia: Socioeconomic Indicators]. Moscow: Rosstat.
- Rosstat (2016) *Regiony Rossii: sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli* [Regions of Russia: Socioeconomic Indicators]. Moscow: Rosstat.
- Savchenko E. (2015) Antikrizisnaya programma Belgorodskoy oblasti [The anticrisis program of Belgorod region]. *APK: ekonomika, upravleniye*. No. 5.
- Savchenko E. (2009) Strategiya razvitiya agrarnogo sektora i selskikh territoriy Belgorodskoy oblasti [The strategy for development of the agrarian sector and rural territories of Belgorod region]. *APK: ekonomika, upravleniye*. No. 12.
- Savchenko E.S. (2012) Delo Stolypinskogo masshtaba [A task of Stolypin's scale]. *Nash Sovremennik*. No. 4.
- Uzun V. (2008) Large and small business in Russian agriculture. *Russia's Agriculture in Transition: Market Factors and Constraints on Growth*. Ed. by Z. Lerman. Lanham: Lexington Books.
- Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A. (2015) "Quiet food sovereignty" as food sovereignty without a movement? Insights from post-socialist Russia. *Globalizations*. Vol. 12. No. 4.
- Volkov A. (2016) Trevozhnyy znak dlya "politicheskogo tyazhelovesa" [A disturbing sign for a "political heavyweight"]. <https://versia.ru/korruptsionnye-skandaly-poshatnuli-rejting-gubernatora-belgorodskoj-oblasti-evgeniya-savchenko>.
- Weber M. (1978) *Economy and Society*. Vol. 1. Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press.
- Wegren S.K., Nilssen F., Elvestad C. (2016) The impact of Russian food security policy on the performance of the food system. *Eurasian Geography and Economics*. No. 57.

Идеология и философия успешного регионального развития в современной России: белгородский кейс

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

Стивен Вегрен, профессор политологии, Южный методистский университет Далласа (Техас, США). E-mail: swegren@smu.edu.

Экономические успехи Белгородской области представлены в статье как в значительной степени результат аграрных реформ губернатора Евгения Степановича Савченко, которые компенсируют небольшой размер региона и его скромный человеческий капитал. В 2017 году авторы опубликовали статью, в которой подробно описаны экономические и социальные программы регионального правительства, сейчас акцент сделан на лидерском стиле

губернатора и его весьма парадоксальных личных и управленческих взглядах. Во-первых, согласно типологии Макса Вебера, Е.С. Савченко — харизматический лидер с сильным характером и осторожный политик, который успешно использует традиционные идеи славянофильства и нынешний институциональный формат губернаторской власти, предоставляющий губернаторам больше полномочий, чем в 2002-2012 годы. Во-вторых, проекты белгородского губернатора вполне соответствуют духу известной работы А.В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», что позволило области успешно противостоять давлению российских олигархов и глобальной экономики, используя стандарты конкуренции общества потребления как фундамент для консервативной модернизации и солидарного общества. Белгородский губернатор последовательно реализует собственную экономическую модель, сочетающую широкое развитие солидарности и кооперации, идеалы здорового образа жизни и гарантии свободы в выборе способов занятости и отдыха. В-третьих, губернатор публично озвучивает свои политэкономические взгляды, представляющие конгломерат консервативных, социалистических и народнических идей и сочетающие антилиберализм и государственничество как основу возрождения российского государства в качестве двигателя общественного прогресса.

Ключевые слова: Белгородская область; губернатор; лидерство; региональные власти; региональное развитие; идеологические истоки; философские основания.

Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде¹

Т.Г. Нефедова

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный переулок, д. 29. E-mail: trene12@igras.ru

В статье рассматривается специфика современных российских хозяйств населения в условиях концентрации производства на крупных предприятиях и поляризации сельского пространства. Проводятся исторические параллели с крестьянскими хозяйствами начала и середины XX века. Показано, что многие факторы, определявшие нерыночность хозяйств населения более 100 лет тому назад, влияют на них и в настоящее время. Исследуются специфика современных личных подсобных и фермерских хозяйств, их основные типы. Выявляются их вариации в нечерноземных, южных и восточных регионах, в пригородах и на периферии. Среди факторов, влияющих на активность населения в своем хозяйстве, рассмотрены степень депопуляции сельского населения, его этнический состав. Показаны тесная связь активности хозяйств населения со специализацией крупных сельскохозяйственных предприятий и характер их взаимодействия. На территориях, откуда уходят неэффективные предприятия, они не замещаются мелкими хозяйствами. В целом постепенно снижается сельскохозяйственная активность хозяйств населения. Их землепользование отличается значительной долей неиспользуемых земель, за исключением некоторых южных районов и республик. Это говорит о том, что земельный фактор не самый главный в повышении активности мелких хозяйств. При этом интенсивность сельскохозяйственного землепользования горожан-дачников на своих участках в садовых товариществах высока, кроме пригородов Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее активными остаются либо хозяйства с повышенной товарностью, включая личные подсобные, но по сути теневые фермерские, либо совсем нетоварные, для которых важны крестьянские традиции и частичное самообеспечение.

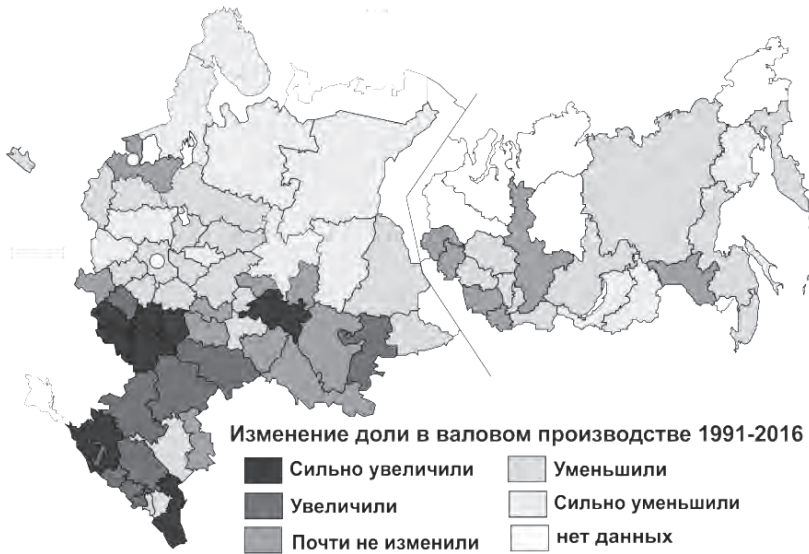
Ключевые слова: крестьянское хозяйство, предприятия, агрохолдинги, фермеры, личные подсобные хозяйства, горожане-дачники, землепользование, скот

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-117-140

Постсоветские годы характеризуются двумя важными для сельского хозяйства и сельской местности тенденциями. Первая связана с усилением в новых рыночных условиях дифференциации бывших советских предприятий, что привело к закрытию недееспособных

1. Статья написана по проекту РФФИ № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации/дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)»

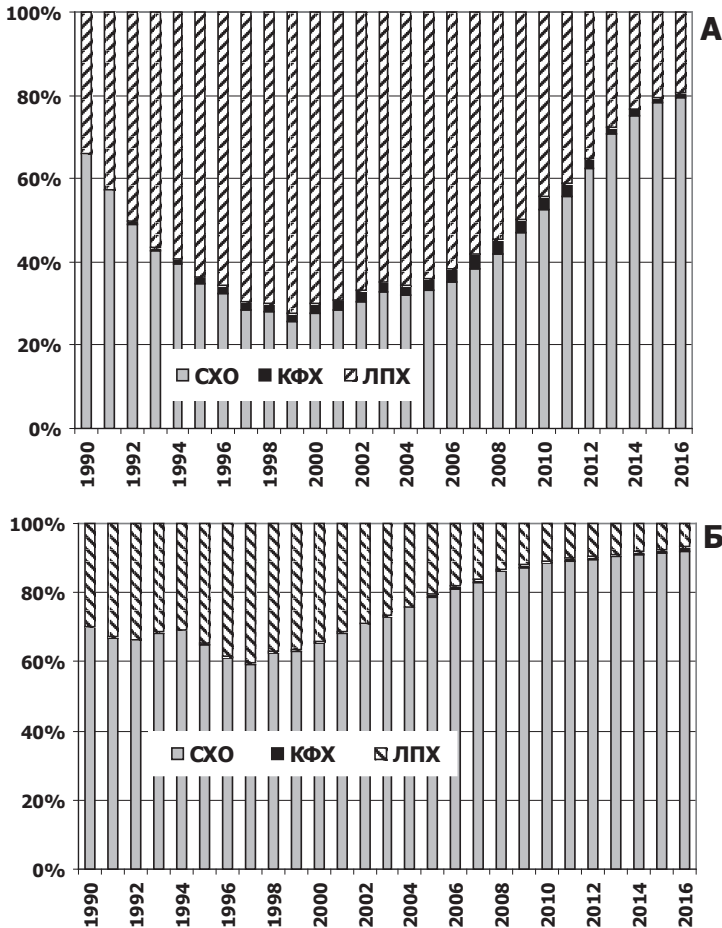
Рис. 1. Изменение вклада регионов в сельскохозяйственное производство в 2016 г. по сравнению с 1990 г. Источник: данные Росстата

предприятий, долгие годы сидящих на больших дотациях, и стимулировало более эффективные, правда, часто с изменением специализации. Это усилило поляризацию сельского пространства: сельское хозяйство «сдвинулось» в районы, где производство более эффективно и обеспечено природными и трудовыми ресурсами (рис. 1). Вторая тенденция связана с модернизацией выживших предприятий и появлением агрохолдингов, формирующихся не «снизу» от производителей, а преимущественно «сверху» — от пищевых предприятий, финансовых, государственных структур и т.п. (Нефедова, 2014). Объем инвестиций в отечественное агропроизводство стал расти после дефолта 1998 года, когда резко подорожал импорт и сравнительно небольшие вложения в сельское хозяйство, особенно растениеводство, свиноводство, птицеводство, давали прибыль с относительно коротким оборотом инвестиций (Никулин, 2005; Барсукова, 2016; Фадеева, 2015; Шагайда, Узун, 2015). Агрохолдинги, особенно занимающиеся птицеводством и свиноводством, и другие крупные сельскохозяйственные предприятия в последние годы вытесняют как малых производителей (рис. 2), так и предприятия среднего звена (в том числе птицефабрики) и, главное, не взаимодействуют с ними (Нефедова, 2017). В этом принципиальное отличие организации российского сельского хозяйства от европейских стран и США, где небольшие хозяйства встроены в работу крупных агрохолдингов (Наумов, 2014).

Благодаря лучшему техническому вооружению и индустриализации предприятий произошло повышение производительности

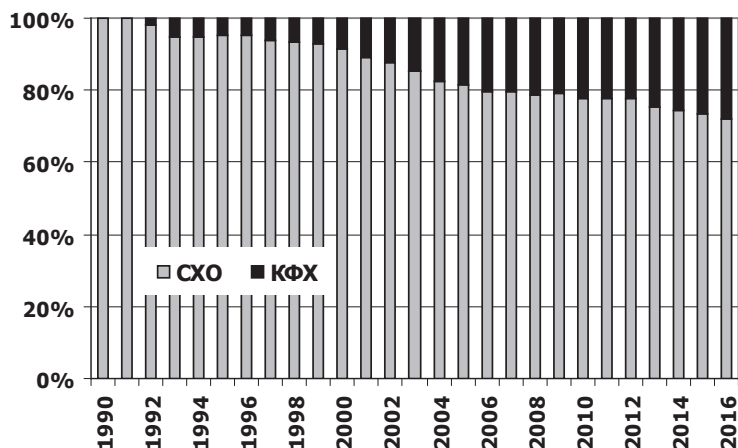
Рис. 2. Изменение структуры производства мяса по укладам с 1990 по 2016 год, % А — свинины, Б — птицы. СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата

Т.Г. Нефедова
Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде

сти труда, частичное возвратное вовлечение в использование заброшенных в 1990-х годах сельскохозяйственных земель, увеличились урожайность культур и продуктивность скота. Россия выбилась в заметные экспортеры зерна после десятилетий его импорта, правда, за счет резкого уменьшения потребности в кормах из-за продолжающегося падения поголовья скота на предприятиях и неразвитости переработки сырья. Успешные сельскохозяйственные предприятия и агрохолдинги создают рабочие места со сравнительно неплохой для сельской местности зарплатой, но при этом им требуется гораздо меньше работников, чем советским колхозам.

Рис. 3. Изменение структуры производства зерна по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата

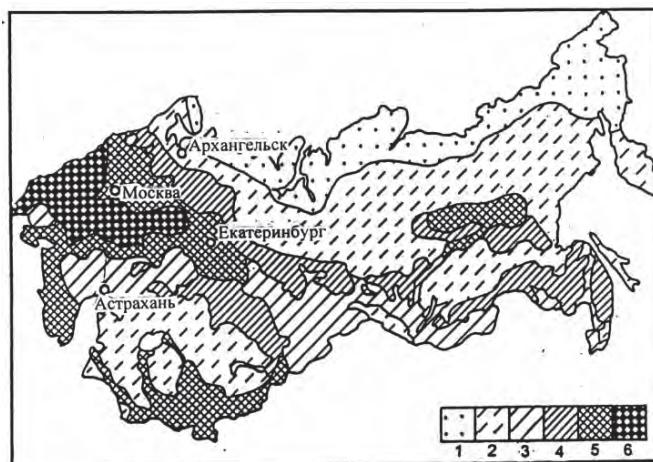

Бурный рост агрохолдингов в 2000-х годах привел к сильной зависимости ряда районов от одного-двух крупных предприятий. При этом экономическая поляризация усилилась: гигантские успешные предприятия сосуществуют рядом с порой убогими для самопрокорма хозяйствами населения, оставшегося без работы. Городские менеджеры агрохолдингов, как правило, не заинтересованы в развитии сельской местности и поддержке хозяйств населения, в отличие от бывших председателей колхозов (Нефедова, Пэллот, 2006). Роль нового для России фермерского хозяйства наиболее заметна в растениеводстве, особенно в производстве зерна, подсолнечника, сои, причем тоже на обширных площадях, что приближает наиболее успешные фермерские хозяйства с такой специализацией к крупным предприятиям (рис. 3).

Так или иначе, крупные производства все больше вытесняют сельские домохозяйства и небольшие хозяйства фермеров с рынка сельскохозяйственной продукции. В этой системе взаимоотношений невольно встает вопрос об изменении роли крестьянского хозяйства в современной России и его перспективах. При этом огромная территория и разнообразие условий ведения сельского хозяйства делают необходимым рассмотрение разных географических вариаций природных, экономических, социально-демографических, этнических предпосылок сохранения крестьянских хозяйств.

Статья основывается на данных Росстата, сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов, а также на некоторых опросах сельского населения, проведенных НИУ ВШЭ и Институтом со-

Рис. 4. Заселение в начале XX века: 1 — отсутствие населения; 2 — промышленно-промысловое редкое заселение; 3 — обжитая зона с неплотным заселением; 4 — массовое заселение; 5 — сбалансированное заселение; 6 — избыточное заселение (Рыбников, 1928)

циологии (Муханова, Жвитиашвили, Бессокирная, 2013). Не менее важны собственные обследования автором сельской местности во многих регионах России (Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013; Потенциал Ближнего Севера, 2014).

От крестьянских хозяйств начала XX века до современных фермеров и хозяйств населения

Александр Васильевич Чаянов был не только ярким представителем известной на весь мир российской аграрной школы начала XX века, но и писателем. В своей научно-фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» он описывает Россию в далеком тогда 1984 году. Сельское хозяйство будущего в его представлении основано на крестьянских хозяйствах с небольшими наделами в 3-4 десятины, где огромные «урожаи, дающие 500 пудов с десятины (нынешние 80 ц/га), достигаются чуть ли не индивидуализацией труда за каждым колосом», притом что в стране развиты наука и техника и у людей много свободного времени. В его утопическом государстве большая часть населения живет в сельской местности, в Москве всего 100 тыс. жителей, но при этом построено гостиниц на 4 млн человек. Все города небольшие, расположены недалеко друг от друга и доступны. Часть промышленности принадлежит кооперации, а в монополии государства находятся лишь лесная, нефтяная и каменноугольная индустрия.

Основу этой утопии составляли представления А.В. Чаянова об идеальном сельском хозяйстве в условиях (и это главное!) аграрного перенаселения в начале XX века, когда 85% населения жили в сельской местности. Особенно это касалось Центральной России (рис. 4). Нельзя забывать также, что на рубеже XX века 59% предприятий обрабатывающей промышленности и 61% рабочих также размещались в сельской местности» (Миронов, 2014: 829).

Самим крестьянам важнее прибыльности хозяйства, которая весьма неустойчива, были стабильность существования, удовлетворение минимальных потребностей и занятость трудоспособных членов семьи. Подсчеты А.В. Чаянова показывали, что около трети населения российской деревни — это лишние руки даже с учетом отходничества, которое занимало в разных районах от 4 до 20% трудоспособных (Чаянов, 1924). Занять и прокормить большие крестьянские семьи было главной заботой как главы семьи, так и сельской общины. И даже постепенное превращение натуральных хозяйств в товарные не направляло их массово по капиталистическому пути, в том числе с применением наемного труда, как в европейских странах. В 1909–1913 годах мелкие хозяйства давали 88% всего зерна и 78% товарного. Слабое развитие капитализма в России подчеркивает и Б.Н. Миронов: «Крестьянство до 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и лишь имело зачатки так называемого буржуазного расслоения» (Миронов, 1999: 125-128).

Для сохранения крестьянских хозяйств в первой половине XX века в стране сложились весьма неблагоприятные внутренние и внешние условия.

Внутренние причины были связаны с сутью российского крестьянского нерыночного хозяйства и его зависимостью от общины. Югославский экономист Р. Бичанич (Bicanic, 1972) еще в 1970-х годах сформулировал теорию поворотных пунктов в развитии сельскохозяйственного производства. На первой стадии при господстве натурального хозяйства и росте числа аграриев труд дает мало товарной продукции. Не столько доход и повышение производительности труда, сколько увеличение объема продукции является основной целью хозяйства. На второй стадии при сокращении аграриев в процессе урбанизации и уменьшении угодий из-за вывода труднодоступных и неплодородных земель начинается приток капиталов. На третьей стадии сокращение занятых идет активнее, а уровень интенсивности сельского хозяйства повышается. Усиливаются роль капитала, земля превращается в товар. А.В. Чаянов описывал общество, находящееся на излете первой стадии, тогда как США, Швеция и другие страны уже подходили к третьей.

Возможно, Россия постепенно прошла бы все стадии, но на это ушло бы на порядок больше времени. Ведь английским ферме-

рам после аграрного переворота потребовалось не одно столетие, чтобы стать такими, какие они есть сейчас. К тому же роль общины в сельской России была очень велика, что тормозило развитие капиталистических отношений, причем ее влияние после революции 1917 года только усилилось. Даже рабочие коллективы, во многом состоящие из крестьян, воспроизводили крестьянский уравнилительный менталитет и элементы сельской общины (Мионов, 1999: 344).

Внешним по отношению к крестьянству вызовом была задача новой власти провести форсированную индустриализацию. В аграрной стране власти могли быстро получить средства только путем ограбления деревни, как финансово-экономически — путем образования колхозов и их полного контролирования, а также выкачиванием трудовых ресурсов по оргнабору на предприятия в сочетании с новым закрепощением крестьян. Несмотря на отсутствие паспортов, люди находили пути бегства из деревни помимо оргнабора: через армию, обучение, неформальную занятость. Все вместе это только усилило урбанизацию, превратив многие перенаселенные в начале XX века староосвоенные сельские районы к концу XX века почти в социальную пустыню.

Как известно, во время коллективизации, ставшей жестоко-карикатурным воплощением общины, товарное частное хозяйство было практически истреблено. Тем не менее и советское сельское хозяйство на протяжении всей своей истории совмещало колхозно-совхозные и мелкие личные подсобные хозяйства. Последние требовались населению советской России хотя бы для элементарного выживания — как в период становления социализма в первой половине XX столетия, так и в период его увядания и распада к концу прошлого века. Практически воплотилось то, что в теории называется биполярным эволюционизмом (Redfield, 1973: 140-142; Муханова и др., 2013: 39), когда развитие происходило не как переход от одной стадии к другой, а системы, свойственные каждой стадии, сосуществовали одновременно.

Еще в 1928 году 96% посевных площадей использовали единоличные крестьянские хозяйства. К 1940 году, по статистике, у них осталось 4%, к 1958-му — 2% (Народное хозяйство, 1959: 225). Однако эти цифры всегда вызывали у исследователей недоумение, поскольку не вязались с другими. В том же 1940 году колхозы и совхозы произвели лишь 35% мяса и 30% молока, остальное дал частный скот населения. Роль личного подсобного хозяйства в питании в советский период была очень важной не только из-за дефицита продовольствия в деревне, но и из-за тесных связей горожан с сельской родней, снабжавшей их продуктами.

Опросы населения показывают, что ужасы коллективизации забываются, а позднесоветская система с максимальным субсидированием сельского хозяйства, сравнительно высокими зарплатами, на которые можно было съездить в город за продуктами, и личным

подсобным хозяйством, из сегодняшнего дня многими считается «золотым веком». По сравнению с резким повышением цен в 1990-х, закрытием местообразующих предприятий на селе, безработицей и неуверенностью в завтрашнем дне этот период действительно выигрывал и воспринимается как эра социальной справедливости (Нефедова, 2013; Хамфри, 2010: 178).

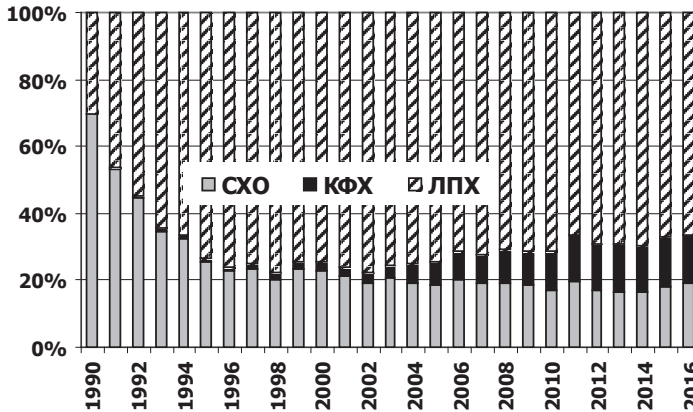
Постсоветские хозяйства населения и их географические вариации

В 1990-е годы доля индивидуальных хозяйств в производстве товарной сельхозпродукции увеличилась с 25 до 50%, а в некоторых регионах и до 70–80%². Однако это связано не столько с ростом производства индивидуального сектора, сколько с сокращением производства на крупных и средних предприятиях. Абсолютный рост производства в хозяйствах населения (до 120 % к уровню 1990 года) имел место лишь в 1991–1992 годы и был вызван дефицитом продовольствия. Особенно велика доля хозяйств населения в производстве картофеля и овощей в связи с тем, что их производство резко уменьшилось на предприятиях (рис. 5).

Если относиться к сельскохозяйственным предприятиям только с точки зрения экономики, то существование многих из них в 1990-х годах в состоянии фактического банкротства трудно объяснить. При этом люди ходили на работу, когда им месяцами не платили зарплату. Причина была в сложившемся еще в советское время симбиозе коллективного и индивидуального секторов. Натуроплата за работу и земельные паи удерживали население на предприятиях, которые оказывали и много иных услуг, поддерживающих своих работников: продажа некоторых продуктов и молодняка скота по сниженным ценам, ветеринарные услуги, предоставление техники за небольшую плату. Относительно оборота предприятий эти затраты, по оценкам их руководителей, могут составлять от 3 до 40% всех затрат предприятий в зависимости от его состояния (Нефедова, Пэллот, 2006). Вместе с привычной возможностью почти или совсем бесплатно пользоваться колхозным имуществом и частью продукции, натуроплата стимулировала индивидуальное животноводство (корма в счет зарплаты, заготовка сена с помощью предприятий) и картофелеводство (использование техники предприятий). Во многих местах, особенно на юге европейской части страны, в Поволжье и Сибири эти отрасли стали товарными в мелких хо-

2. Эта доля, возможно, завышена. Если в советское время предприятия стремились улучшить свою отчетность, то в 1990–2000 гг. и крупные предприятия, и фермеры, стараясь уйти от налогов, всячески уменьшают объемы производимой продукции.

Рис. 5. Изменение структуры производства овощей по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата

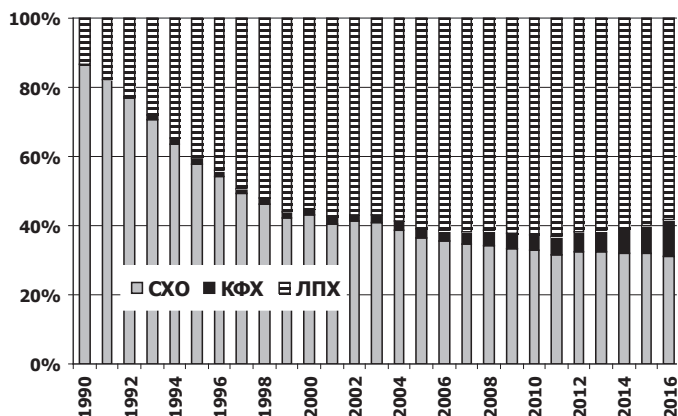
зяйствах, превратившись зачастую в единственный источник реальных денежных доходов жителей.

Крупный рогатый скот при продолжающемся сокращении поголовья в меньшей степени, чем свиньи и птицы, концентрируется на крупных предприятиях и все еще играет важную роль для сельского населения (рис. 6). До 2005 года они производили более половины мяса. К 2017 году с восстановлением птицеводства и свиноводства в агрохолдингах доля хозяйств населения, по данным Росстата, упала до 24%. Однако они все еще, по данным Росстата, держат 43% всего поголовья КРС, в большей степени для производства молока и молокопродуктов (44% всего производства).

При низких зарплатах в сельской местности и повышенной безработице сельского населения самообеспечение населения продовольствием, казалось бы, должно играть большую роль там, где более существенен кризис сельского хозяйства, то есть в районах Нечерноземья. Однако в регионах, откуда ушли сельскохозяйственные предприятия, хозяйства населения отказываются от животноводства, несмотря на увеличение кормовой базы для выпаса скота на заброшенных сельскохозяйственных землях (рис. 7). Местные бабушки часто вспоминают, как во времена их молодости они боролись за каждый квадратный метр покоса для своих коров, а теперь и травы полно, но никому она не нужна, хотя населения в трудоспособном возрасте немало.

Процесс сокращения поголовья продолжается. За последние 11-12 лет многие хозяйства населения уменьшили поголовье напоявину и более (рис. 8). То же происходит и с поголовьем свиней в хозяйствах населения (рис. 9). Более того, при появлении в районе крупного производителя населению часто запрещают держать

Рис. 6. Изменение структуры производства мяса говядины по укладам с 1990 по 2016 год, % СХО — сельскохозяйственные организации, включая агрохолдинги, КФХ — крестьянские фермерские хозяйства, ЛПХ — хозяйства населения. Источник: данные Росстата

в своих хозяйствах свиней из опасения распространения заболеваний животных.

Столь явные географические различия при одних и тех же институциональных и макроэкономических условиях можно объяснить несколькими факторами.

Главный фактор, ограничивающий потенциал современных хозяйств населения в староосвоенных регионах Центральной России, — степень депопуляции сельского населения, влияющая не только на количество, но и на качество человеческого капитала, зависящего от демографической структуры, активности сельских жителей, социальной среды. При прочих равных условиях длительный отток молодой и наиболее активной части населения нечерноземных староосвоенных регионов в города (рис. 10) привел к увеличению доли старшего поколения, снижению мотивации труда при обилии земли, появлению социальных патологий, включая алкоголизм. Особенно сложная ситуация на периферии регионов. Хозяйства населения ограничиваются здесь минимальным самообеспечением картошкой и овощами и тесной связью с детьми в городах при их помощи и поставках им части продукции. И даже сильное уменьшение рабочих мест в сельской местности из-за закрытия многих сельскохозяйственных предприятий и стертывания бюджетной сферы при объединении поселений не стимулируют местное население к активизации своего хозяйства. Опросы на периферии Костромской области показали, что лишь 14% домохозяйств готовы увеличить производство на своем участке, даже если получат беспроцентные кредиты или иное денежное вспоможение (Потенциал, 2014: 62). Товарные хозяйства в таких районах

Рис. 7. **Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017. Источник: данные Росстата**

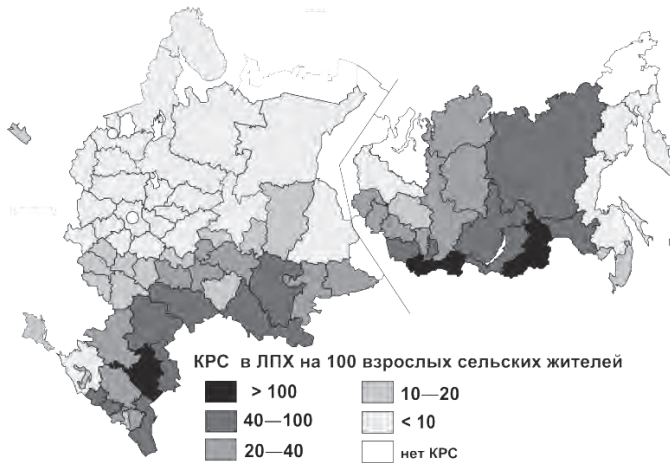
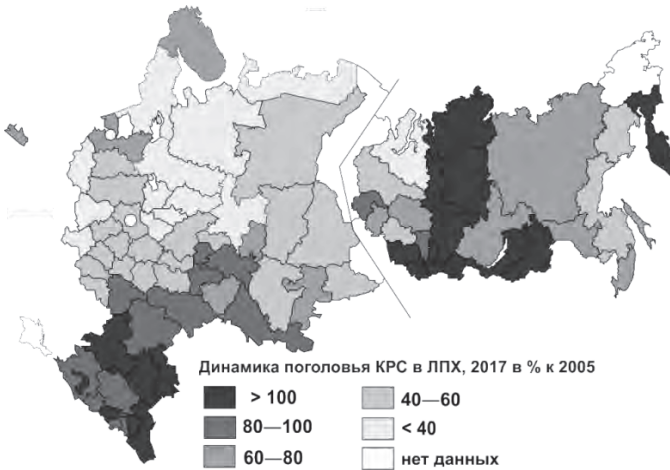

Рис. 8. **Динамика поголовья крупного рогатого скота в хозяйствах населения, 2017 год, % к 2005 году. Источник: данные Росстата**

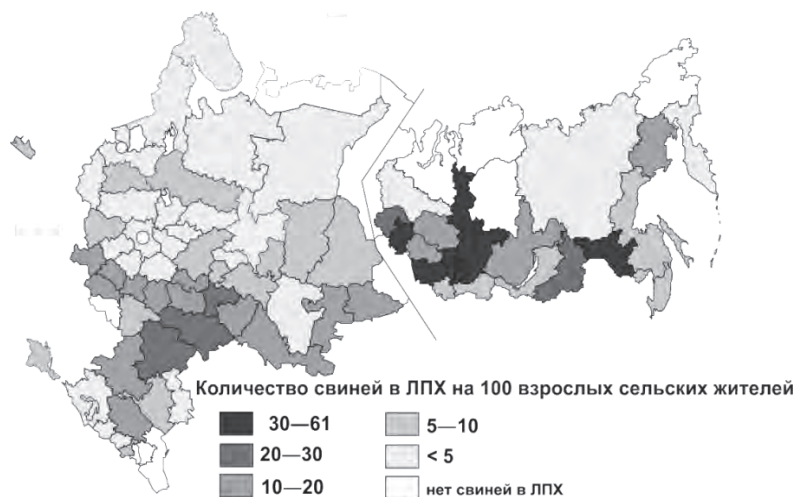

организуют преимущественно приезжие. Оставшееся в меньшинстве реально работоспособное население предпочитает трудиться на отходе или уезжает в города, в том числе убегая от деградировавшей социальной среды.

При отсутствии капитала и кредитов мелким хозяйствам своеобразным капиталом для них и в постсоветское время оставались ресурсы сельскохозяйственных организаций. Особенно это характерно для южных зерновых регионов, куда сдвигается основная

Т.Г. Нефедова
Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде

Рис. 9. **Поголовье свиней в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017. Источник: данные Росстата**

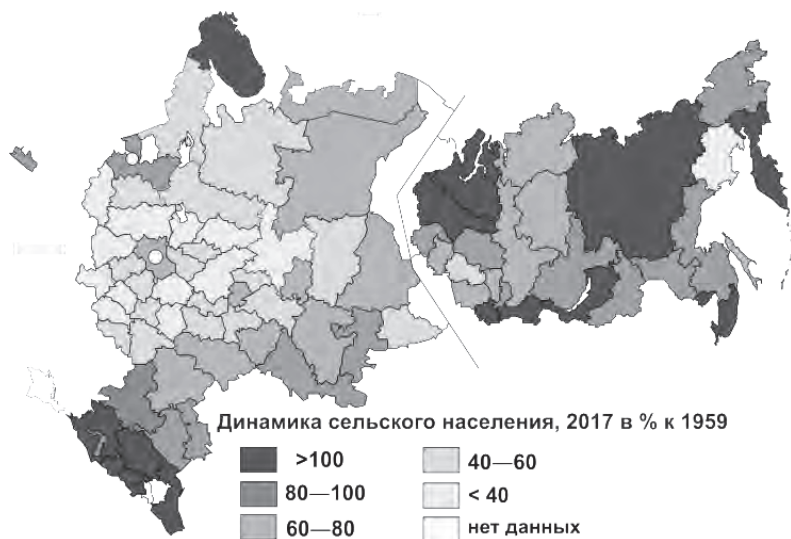

сельскохозяйственная зона России и где работают самые разные производители, включая крупные предприятия, агрохолдинги, фермерские хозяйства. Южные регионы потеряли гораздо меньше сельского населения и продолжают привлекать мигрантов, что также влияет на трудовую мотивацию в своем хозяйстве, которое кроме самообеспечения может давать доход, сопоставимый с зарплатой. Главным ограничителем товарности хозяйств населения, в том числе животноводства, на юге европейской России служит борьба за землю. Поэтому в менее населенных засушливых зерновых регионах на юго-востоке, где возможен и выпас скота, население держит больше крупного рогатого скота, особенно овец.

Помимо трудовых, природных ресурсов и помощи агропредприятий на развитие животноводства в хозяйствах населения влияют также национальные традиции — животноводческое направление характерно для многих южных и восточных регионов, особенно республик (см. рис. 8).

В России долгие годы шла борьба за изменение законодательства и наделение сельских жителей землей с целью активизации товарности их личных хозяйств. Приведенные примеры показывают, что сама по себе земля не является ключевым фактором без сочетания с другими факторами. При резком уменьшении площади используемых земель предприятиями хозяйства населения формально продолжают использовать очень мало земли (рис. 11).

На самом деле они используют гораздо больше земель, чем за ними числятся. Более того, последняя сельскохозяйственная перепись показала значительную долю неиспользуемых земель, перешедших к населению, включая земельные паи (Узун, 2017).

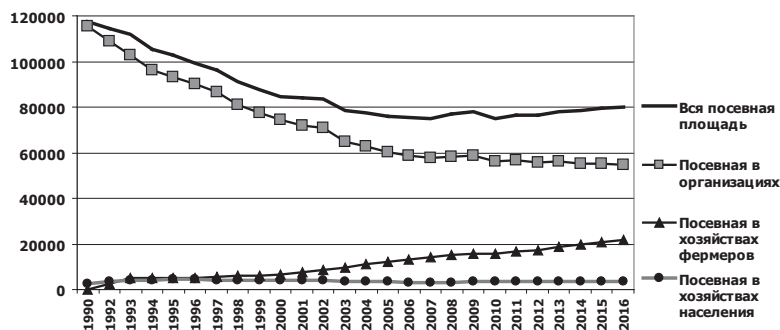

Реально население обычно использует три вида только пашни: земли при усадьбе, т. е. вокруг дома (в собственности), за околицей села — под огороды (чаще арендованные) и в поле (обычно земли, выделяемые во временное пользование предприятиями или заброшенные ими). Кроме того, они выпасают свой скот на землях поселений или предприятий (Нефедова, Пэллот, 2006). Если принимать во внимание натуроплату и плату за земельные доли в некоторых районах, расчеты площади, которой косвенно пользуется население, должны включать и часть площадей предприятий, где выращивается зерно или сено для скота жителей. Географические различия здесь тоже важны. Земельные проблемы чаще возникают в южных и пригородных районах с высокой плотностью сельского населения, где встречается и насильственный отъем привычного землепользования застройщиками или агрохолдингами.

Гораздо более важное ограничение для развития хозяйств населения — отсутствие внимания властей к стимулированию организации сбыта продукции после исчезновения потребкооперации и системы сдачи части продукции колхозам и местным пищевым предприятиям.

Помимо общих закономерностей для России характерно формирование отдельных очагов товарного частного хозяйства, многие из которых имеют исторические корни, что говорит все-таки о живучести классического крестьянского хозяйства. Сохранились даже бренды таких районов: Ростовский лук в Ярославской области, Луховицкие огурцы в Подмосковье, Рязанская квашеная капуста, Кинель-Черкасские помидоры в Самарской области и дру-

Рис. 11. Посевная площадь с 1990 по 2016 год в России в целом и в разных категориях хозяйств, тыс. га. Источник: данные Росстата

гие. Их примеры подробно рассматривались нами (см.: Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013). Однако былого размаха не наблюдается даже в них.

Современные фермеры — кто они?

Когда в России начинались реформы, у многих были иллюзии, что стоит ввести рыночные отношения и дать крестьянам свободу выбора, колхозы исчезнут и все станут вести крестьянское фермерское хозяйство. Однако уже через 10 лет после начала реформ, опросы показывали, что даже после тяжелого кризиса коллективных предприятий 80% их работников по-прежнему ориентированы на наемный труд на предприятиях (Калугина, 2001: 57), предпочитая сочетать, как и раньше, работу в колхозе со своим личным подворьем. Нишу, которая предназначалась реформаторами для специализированного фермерства, заняли хозяйства населения, в том числе товарные.

Современные российские фермеры настолько различаются по размеру хозяйств, их организации и результатам, что отличить их от других производителей в реальной жизни уже сложно. Ясно только, что надежда на их ведущую роль, как на Западе, не оправдалась.

При появлении массы льгот фермерским хозяйствам в начале 1990-х годов их численность выросла очень быстро, причем не только за счет сельских жителей, решившихся начать или расширить свое товарное хозяйство, но и городских романтиков, спекулянтов и т.п. Ведь получить землю из фонда перераспределения горожанам было даже легче, чем местным жителям «выцарапать» свой пай из колхоза. Максимальной численность фермерских хозяйств в России была в 1995 году (280 тыс.), с тех пор она постепенно уменьшалась, а последняя сельскохозяйственная перепись 2016

года показала, что в России всего 137 тыс. хозяйств. Еще 38 тыс. индивидуальных предпринимателей (ИП). Сельскохозяйственную деятельность осуществляют только 2/3 и тех и других, что очень мало при 17,5 млн личных подсобных хозяйств населения (Все-российская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1). При этом площадь земель, используемых фермерами и ИП, занимающимися сельским хозяйством, все время возрастала, достигнув в 2016 году 43 млн га, в том числе 27 млн га пашни и 22 млн га посевных площадей (рис. 11).

В южных зерновых районах, особенно в засушливых, где слабее предприятия, резко усилилась роль фермеров. Они стали реальными конкурентами сельскохозяйственных организаций, причем не только как производители, но и в борьбе за аренду земельных паев населения. При ослаблении роли крупных предприятий повысилась роль фермеров и как организаторов местной жизни.

Доля фермерского скота в общем поголовье скота и доля фермеров в производстве животноводческой продукции мала (см. табл. 2) — подавляющая часть частного скота концентрируется в хозяйствах населения. Зато участие фермеров в производстве зерна существенно — 28% в среднем по России и до 40–50% в некоторых регионах южного Поволжья и Сибири. Еще выше их доля в производстве подсолнечника. Фермеры как типично рыночные производители занимаются наиболее прибыльными культурами, 67% всех фермерских посевных площадей засеяны зерновыми, причем средний размер посевной площади фермерского хозяйства составляет более 313 га. Опросы общественного мнения в сельской местности еще в 1980-х годах показывали, что вести самостоятельное хозяйство хотели бы только 10–15% сельских жителей. Эти 10% — в основном бригадиры, агрономы и даже бывшие председатели колхозов, т. е. люди, уже имеющие опыт организационной работы, и составили костяк фермерских хозяйств. Подавляющая же часть сельских жителей оказалась не готова к экономическим рискам и самостоятельности.

Среди реально работающих фермерских хозяйств также можно выделить разные типы (Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013):

1. Фермы-колхозы, с похожей управленческой структурой, сравнительно большим числом занятых и площадью обрабатываемых земель, не уступающие некоторым средним и крупным сельскохозяйственным организациям. Их организуют обычно бывшие руководители колхозно-совхозной администрации, приватизировавшие часть колхозной техники и помещений.

2. Фермы с работниками (обычно с 10–20) представляют новый тип хозяйств. Их земли (от нескольких сотен до тысячи гектар) взяты в аренду у населения и менее успешных фермеров, частично из фонда перераспределения земель. Чаще всего такие хозяйства формируют бригадиры или сельские специалисты.

3. Мелкие фермерские хозяйства без постоянных работников или с одним-двумя работниками, которые обычно занимаются ово-

щеводством или скотоводством. Их больше по числу, но их вклад в производство фермерской продукции невелик. Среди них много мнимых фермеров — хозяйств, которые либо сдали свою землю в аренду, либо ведут типичное подсобное малотоварное хозяйство и не отчитываются. Резкое уменьшение числа фермерских хозяйств почти на 100 тысяч между сельскохозяйственными переписями связано скорее всего с тем, что часть таких хозяйств Перепись 2016 года перестала учитывать как фермерские.

Как и для сельскохозяйственных организаций, для фермерских хозяйств характерны процессы концентрации земель и поляризации хозяйств. Кооперация фермеров развита слабо, хотя в каждом районе обычно есть Ассоциация фермерских хозяйств. Возможности и желание кооперироваться зависят от некоторого уровня критической массы реально работающих фермеров. В тех районах, где их много, например, в Поволжье, на юге Сибири, наблюдаются ростки снабженческо-сбытовой и финансовой кооперации.

Отчасти небольшое число реально работающих фермерских хозяйств можно объяснить их принципиально иной по сравнению с хозяйствами населения мотивацией. Главными мотивами у фермеров являются «стремление к независимости, самостоятельности в хозяйственных делах, возможность реализации собственных планов, карьерные устремления» (Калугина, 2003), что далеко от типичных для российских крестьянских хозяйств мотивов выживания и даже стремления улучшить свое экономическое положение.

Одна из основных причин экономической пассивности сельских производителей — институционально-психологическая, которая и прежде и теперь воспроизводит определенный тип сельского работника с ориентацией на самодостаточность, адаптивность, с боязнью рисковать. К. Хамфри считает, что причина состоит в характере отношений работников с находящимися «над ними» структурами (прежде общиной, потом колхозом, государством): они чувствуют себя несамостоятельными хозяйственными единицами, формируются отношения патронажа (Хамфри, 2010: 195). Но психология зависимости и выживания не предполагает свободы действий, а следовательно, не ведет к развитию (Сен, 2004). Переход от личного подсобного хозяйства к фермерству — это не только проблема земли, собственности и т.п. Это смена поведения от приспособительно-пассивного к активно-рыночному, шаг от несвободы к свободе (Нефедова, 2013: 141).

Города и хозяйства населения

В России при сравнительно слабой освоенности пространства города, особенно крупные, оказывают огромное влияние на сельскую местность. Пригородно-периферийные различия внутри регио-

нов в Нечерноземье и на востоке страны сильнее межрегиональных (Нефедова, 2012). В европейской части России в пригородах, то есть на удалении 30–40 км от города, живут 15% сельского населения, а в Нечерноземье — 27%³. Еще четверть живет в районах-соседях второго порядка (до 60 км) от большого города. Вместе эти районы составляют всего 10–15% территории регионов. Остальные жители рассредоточены на большой территории с пониженной плотностью и оттоком сельского населения в города, особенно молодежи (Карачурина, Мкртчян, 2016). В южных регионах с более плотным сельским расселением пригородно-периферийные различия не так велики, хотя и там пригороды концентрируют 12% населения на 6% территории. Для более молодого и активного населения вблизи городов характерны и более рыночные хозяйства, тем более что рядом городские рынки. Здесь, несмотря на тесноту землепользования, больше фермеров, индивидуальных предпринимателей. Сюда же идут инвестиции из городов в крупные предприятия, включая агрохолдинги.

Но главное влияние городов на сельскую местность связано с выездом горожан на дачи. Число участков в садоводческих, дачных, огородных товариществах достигает 12,8 млн. К ним добавляется еще 6 млн участков при индивидуальном жилищном строительстве (ИЖС), в т.ч. в коттеджных поселках горожан, и участки тех горожан, которые вышли из СНТ и ДНТ (Все-российская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1). Это сопоставимо и даже превышает число личных подсобных хозяйств сельских жителей (17,6 млн). Если в ЛПХ, по данным переписи, сельскохозяйственную деятельность осуществляет 79% владельцев участков, то в садоводческих товариществах сельским хозяйством занимаются 91%, в дачных товариществах и на индивидуальных участках — около 70%. Однако все зависит от местоположения региона и величины города. В Московской области доля сельскохозяйственных культур невелика не только в СНТ и ДНТ, но и в личных подсобных хозяйствах (табл. 1), что говорит о том, что владельцы значительной части деревенских участков и домов реально дачники или они работают в Москве, отказываясь от сельского хозяйства. А южнее, начиная с Центрального Черноземья, население использует свои участки гораздо интенсивнее как для выращивания культур, так и для заготовки сена и выпаса скота. Но есть два факта, на которые следует обратить внимание. Первый — это гораздо более интенсивное использование земель горожанами под посевы культур и многолетники в садоводческих товариществах, чем сельскими жителями своих участков. Это связано, в частности, с гораздо меньшей общей площадью земель в ЛПХ и СНТ, различающейся на порядок (12 млн и 1,2 млн га).

3. В Московской области к пригородным отнесены муниципальные районы 1-3-го порядка соседства со столицей.

Таблица 1. **Структура использования земельной площади гражданами в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) и в садоводческих товариществах (СНТ) по федеральным округам в 2016 г.**

Федеральные округа	Постройки, газоны и цветы		Посевы культур и многолетники		Сенокосы и пастбища		Неиспользуемые земли	
	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ	ЛПХ	СНТ
Центральный	10,7	48,3	32,6	43,6	10,7		43,1	8,0
в т.ч. Нечерноземье без Московской области	9,7	33,9	10,8	54,4	13,5		57,2	11,7
Московская область	34,1	68,7	16,3	23,8	2,8		42,0	6,5
Центральное Черноземье	9,0	16,3	56,7	80,6	4,3		24,3	3,1
Северо-Западный	9,8	55,7	10,4	36,5	25,1		52,9	7,8
в т.ч. Ленинградская обл.	37,7	66,6	20,8	27,8	5,7		32,2	5,5
Южный	5,4	33,0	13,9	55,6	53,8		21,7	11,5
Сев.-Кавказский	6,7	27,2	42,4	61,2	41,8		7,4	11,4
Приволжский	5,7	32,5	21,7	59,4	32,1		38,8	8,1
Уральский	8,0	30,9	42,6	60,3	26,5		20,4	8,8
Сибирский	2,8	29,0	7,3	62,8	62,3		26,8	8,2
Дальневосточный	8,4	34,1	12,8	57,9	66,5		10,1	8,0
Россия в среднем	5,9	39,2	19,3	52,4	41,9		30,7	8,4

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 2

Второй — большая доля неиспользуемых сельскими жителями земель, особенно в Нечерноземье, но также и в других регионах, кроме Северного Кавказа. Это лишний раз указывает на то, что земельные проблемы отнюдь не главные в повышении активности хозяйств населения.

Таким образом, крестьянские корни все еще сильны даже в городских жителях, что же говорить о сельских.

Кого в России можно считать крестьянами?

Опубликованные итоги сельскохозяйственной переписи 2016 года позволяют сравнить разные уклады (табл. 2) и понять, кто является реальным сельскохозяйственным производителем: крупные предприятия — наследники колхозов и совхозов (в эту же группу статистика и перепись включает сельскохозяйственные подразделения агрохолдингов), новый вид частных хозяйств (фермеры и индивиду-

Таблица 2. **Некоторые показатели разных типов сельскохозяйственных производителей, включая сельских и городских жителей**

	Крупные и сред- ние пред- приятия	Малые пред- прия- тия	КФХ	ИП	ЛПХ	ИЖС и гра- жда- не	Това- рище- ства: СНТ, ДНТ, огоро- ды
Число вла- дельцев зе- мель, тысяч	7,6	24,3	136,7	38,1	17 553,3	5 942,8	12 785,8
в т.ч. осуще- ствляющие с-х деятель- ность, %	79	76	66	67	79	76	89
Число ра- ботников, тыс.,	1007,7	378,8	301,5	76,4			
в т.ч. наемных	873,1	359,8	82,1	13,7			
Площадь зе- мель, тыс. га	200 925	80 922	37 878	5434	12 017	1083	1152
в т.ч. пашни, тыс. га	34 142	29 625	23 645	3201	2412	273	202
посевной, тыс. га	29 448	24 394	19 344	2657	2159	228	202
Поголовье КРС, тыс. гол.	5564	2923	2276	288	7462	622	2,5
свиней, тыс. гол.	17 460	1330	403	92	3557	253	2,4
овец и коз, тыс. гол.	1344	3526	9237	537	10 749	1099	9,2

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017, т. 1

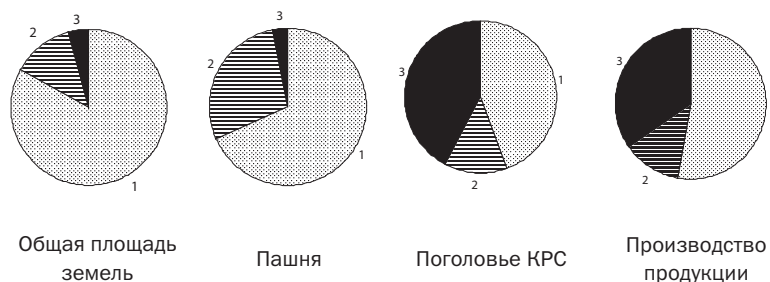
альные предприниматели) или мелкие хозяйства населения — пре-
емники крестьянских хозяйств начала века.

Рисунок 12 позволяет сравнить их землепользование и вклад
в производство, сгруппировав в три основные группы: 1 — СХО
(крупные, средние и малые предприятия), 2 — фермеры и индиви-
дуальные предприниматели, 3 — население (ЛПХ, индивидуальные
участки граждан, садоводческие, дачные и огородные объедине-
ния). Он показывает, что наиболее землерасточительными остают-
ся сельскохозяйственные организации, которые до сих пор держат
в 3 раза больше земель, чем составляют их реальные сельскохозяй-

Т.Г. Нефедова

Современное кре-
стьянское хозяй-
ство в сельско-го-
родской среде

Рис. 12. Доля разных производителей сельскохозяйственной продукции: 1 — СХО (крупных, средних и малых предприятий), 2 — фермеров и индивидуальных предпринимателей, 3 — населения (ЛПХ, ИЖС и граждан, садоводческих, дачных и огородных объединений). Рассчитано по: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017

ственные угодья. По площади пашни с ними уже начинают конкурировать фермеры, занимающиеся растениеводством, особенно в юго-восточных регионах. Такие землеемкие фермеры с наемными работниками, ставшие за постсоветские годы хорошими менеджерами, олицетворяют уже западный капиталистический тип хозяйства. Но мелкотоварный крестьянский тип хозяйства еще жив, что хорошо видно и по доле скота у населения, и по его вкладу в общее производство. При этом пространственная поляризация по всем этим показателям усиливается.

В начале 2000-х годов мы пытались с помощью опросов населения в разных регионах России понять мотивацию его сельскохозяйственной деятельности (Нефедова, Пэллот, 2006). В наших анкетах был и такой вопрос: «Как бы вы вели свое хозяйство, если бы зарплату или пенсию вам повысили в 5 раз?». Именно такой гипотетический доход можно было считать сносным для жителей деревни. Если люди ведут свое хозяйство в целях выживания, то при подобных доходах они должны были бы его свернуть. Самыми устойчивыми оказались два типа хозяйств населения: с повышенной товарностью, особенно специализированные, и абсолютно нетоварные хозяйства. И те и другие в большинстве своем сохранили бы ту же специализацию. Владельцы первых — потому что, по сути, являются неформальными фермерскими хозяйствами, хотя и «окуклившимися» в приусадебном пространстве, и потому, что для них это основная работа. Владельцы вторых — потому что традиционно привыкли использовать землю для собственного пропитания: так надежнее. Тот факт, что в последние годы быстрее всего снижалось производство именно в средних хозяйствах населения, подтверждают и другие опросы (Муханова и др., 2013: 195-199). Таким образом, мотивация сельскохозяйственной деятельности населения, не только сельского, но и городского, носит двойкий характер. Она лишь отчасти связана со стремлением

улучшить свое материальное положение. Все еще велика роль традиций и социальных эстафет, хотя очевидно, что роль этих факторов постепенно убывает.

Библиография

- Барсукова С.Ю. (2016). Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 63–74.
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (2017). Том 1. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. (2017). Том 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».
- Калугина З.И. (2001). Парадоксы Аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
- Калугина З.И. (2003). Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // *Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Известия РАН. Серия География*. С. 46–59.
- Миронов Б.Н. (1999). Социальная история России. Т. 1. С.-Петербург, ДББ.
- Миронов Б.Н. (2014) *Российская империя: от традиции к модерну*. В трех томах. Т. 1. Санкт-Петербург: С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский институт истории РАН.
- Муханова М.Н., Жвиташвили А.Ш., Бессокирная Г.П. (2013). *Российское село. Социально-структурные процессы от прошлого к будущему* М.: URSS.
- Народное хозяйство РСФСР в 1958 году: Статистический ежегодник (1959). М.: Государственное статистическое издательство.
- Наумов А.С. (2014). Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земельных ресурсов // *Вестник РУДН. Серия Экономика*. № 3. С. 63–74.
- Нефедова Т. Пэллот Дж. (2006). *Неизвестное сельское хозяйство России*. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т.Г. (2012). Основные тенденции изменения сельского пространства России // *Известия РАН. Серия География*. № 3. С. 7–23.
- Нефедова Т.Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS.
- Нефедова Т.Г. (2014). Агропромышленная концентрация в российских регионах // *ЭКО. Всероссийский экономический журнал*. № 4 (478). С. 64–83.
- Нефедова Т.Г. (2017). Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // *Известия РАН. Серия География*. № 5. С. 7–18.
- Никулин А.М. (2005). Новейшая гигантомания // *Политический журнал*. № 12 (63). С. 7–12.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта (2014) / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос.
- Рыбников А.А. (1929). Перенаселение и борьба с ним // Морозов М., Юньев И. (ред.) *Хрестоматии «Экономическая география»*. Т. II. СССР. М.: Издательство коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова. С. 60–111.
- Сен А. (2004). *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство.

- Узун В.Я. (2017). «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг. № 21 (59). С. 14–21.
- Фадеева О.П. (2015). Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Хамфри К. (2010). Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Издательство «НАТАЛИС».
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2015). Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы М.: ИД «Дело», 2015.
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Bicanic R. (1972). *Turning Points in Economic Development*. The Hague. Paris: Mouton.
- Redfield R. (1973). *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago & London: The university of Chicago press.

Contemporary peasant economy in the rural-urban environment

Tatyana Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; 119017, Moscow, Staromonetny Per., 29. E-mail: tren12@igras.ru

The article considers features of contemporary Russian households under the concentration of large enterprises and polarization of the countryside. The author compares farms at the beginning and in the middle of the twentieth century to show that many factors determining the households' life a century ago are still active. The article describes features of today's small households and farmers and their main types; identifies their variety in the Non-Black Earth, southern and eastern regions, in the suburbs and on the periphery. Among the factors affecting activities of population in households, the author focuses on the degree of rural depopulation, rural ethnic composition, and interaction between households and large agricultural enterprises. Thus, inefficient enterprises were not replaced by small farms due to the gradual decrease of agricultural activities of rural population. There is a significant share of the unused land with an exception of some southern regions, which proves that land is not the key factor in enhancing agricultural activities of small farms. However, the agricultural land use of gardeners is very intensive except for the suburbs of Moscow and Saint Petersburg. The greatest activity is typical for farms with high marketability, including "shadow farms", and for subsistence households following peasant traditions and partially self-sufficient.

Keywords: peasant farm; agricultural enterprises; farmers; household plots; gardeners; land use; livestock.

References

- Barsukova S.Ju. (2016) Dilemma "fermery–agroholdingi" v kontekste importozameshhenija [The dilemma "farmers–agroholdings" under the import substitution]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 5, pp. 63–74.
- Bicanic R. (1972) *Turning Points in Economic Development*. Paris: Mouton.
- Chayanov A.V. (1989) *Krestjanskoe khozjajstvo* [Peasant Economy]. Moscow: Ekonomika.
- Fadeeva O.P. (2015) *Selskie soobshhestva i hozjajstvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Humphry C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoj chasti Rossii* [Post-Soviet Transformations in the Asian Part of Russia]. Moscow: Izdatelstvo "NATALIS".

- Kalugina Z.I. (2004) *Paradoksy agrarnoj reformy v Rossii: Sociologicheskij analiz transformacionnyh protsessov* [Paradoxes of the Agrarian Reform in Russia: A Sociological Analysis of Transformation Processes]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Kalugina Z.I. (2003) *Selskoe predprinimatelstvo v sovremennoj Rossii: institucionalnye osnovy i socialnye praktiki* [Rural entrepreneurship in contemporary Russia: Institutional framework and social practices]. *Rossija, kotoruju my obretaem: Issledovanija Novosibirskoj ekonomiko-sociologicheskoy shkoly*. Novosibirsk: Nauka.
- Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. (2016) Rol migratsii v usilenii kontrastov rasselenija na munitsipalnom urovne v Rossii [The role of migration in aggravating contrasts of resettlement at the municipal level in Russia]. *Izvestija RAN. Serija Geografija*, pp. 46–59.
- Mironov B.N. (1999) *Socialnaja istorija Rossii* [Social History of Russia], vol. 1. Saint Petersburg: DBB.
- Mironov B.N. (2014) *Rossijskaja imperija: ot traditsii k modern* [Russian Empire: From Traditions to Modernity], vol. 1. Saint Petersburg: SPmGU, SPbII RAN.
- Mukhanova M.N., Zhvitiashvili A.Sh., Bessokirnaya G.P. (2013) *Rossijskoe selo. Socialno-strukturnye processy ot proshlogo k budushhemu* [Russian Village. Social-Structural Processes from Past to Future]. Moscow: URSS.
- Narodnoe hozjajstvo RSFSR v 1958 godu: Statisticheskij ezhegodnik [National Economy of the RSFSR in 1958: Statistical Yearbook] (1959). Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatelstvo.
- Naumov A.S. (2014) Regionalnoe razvitie selskogo hozjajstva v evropejskikh stranah i v Rossii v uslovijah globalnoj prodovolstvennoj vzaimozavisimosti i defitsita zemljanyh resursov [Regional development of agriculture in European countries and Russia under the global food interdependence and shortage of land]. *Vestnik RUDN. Serija Ekonomika*, no 3, pp. 63–74.
- Nefedova T. Pallot J. (2006) *Neizvestnoe selskoe hozjajstvo Rossii* [Russia's Unknown Agriculture]. Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T.G. (2012) Osnovnye tendentsii izmenenija selskogo prostranstva Rossii [The main trends in the transformation of the rural space of Russia]. *Izvestija RAN. Serija Geografija*, no 3, pp. 7–23.
- Nefedova T.G. (2013) *Desjat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow: URSS.
- Nefedova T.G. (2014) Agropromyshlennaja kontsentratsija v rossijskikh regionah [Agro-industrial concentration in Russian regions]. *EKO*, no 4, pp. 64–83.
- Nefedova T.G. (2017) Dvadtsat pjat let postsovetskomu selskomu hozjajstvu Rossii: geograficheskie tendentsii i protivorechija [Twenty-five years of the post-Soviet agriculture in Russia: Geographical trends and contradictions]. *Izvestija RAN. Serija Geografija*, no 5, pp. 7–18.
- Nikulin A.M. (2005) Novejšhaja gigantomanija [The newest gigantomania]. *Politicheskij Zhurnal*, no 12, pp. 7–12.
- Potencial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologija, selskie poselenija. K 15-letiju Ugorskogo proekta* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, and Rural Settlements. To the 15th anniversary of the Ugric Project] (2014). Pod red. N.E. Pokrovskogo, T.G. Nefedovoy. Moscow: Logos.
- Redfield R. (1973) *The Little Community and Peasant Society and Culture*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Rybnikov A.A. (1929) Perenaselenie i borba s nim [Overpopulation and the fight against it]. Morozov M., Juniev I. (red.) *Hrestomatiya "Eekonomicheskaja geografija"*, vol. II. SSSR. Moscow: Izdatelstvo kommunisticheskogo un-ta im. Ja.M. Sverdlova, pp. 60–111.
- Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

- Shagaida N.I., Uzun V.Ja. (2015) *Prodovolstvennaja bezopasnost v Rossii: monitoring, tendentsii i ugrozy* [Food Security in Russia: Monitoring, Trends, and Threats]. Moscow: Izdatelskiy Dom "Delo".
- Uzun V.Ja. (2017) "Belye pjatna" i neispolzuemye selhozugodja: chto pokazala sel'skohoz'jajstvennaja perepis 2016 g. ["White spots" and unused farmlands: What the agricultural census of 2016 showed]. *Monitoring*, no 21, pp. 14–21.
- Vserossijskaja sel'skohoz'jajstvennaja perepis 2016 goda. (2017) Predvaritelnye itogi Vserossijskoj sel'skohoz'jajstvennoj perepisi 2016 goda po Rossijskoj Federatsii [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Russian Federation]. Moscow: IIC "Statistika Rossii", vol. 1.
- Vserossijskaja sel'skohoz'jajstvennaja perepis 2016 goda. (2017). Predvaritelnye itogi Vserossijskoj sel'skohoz'jajstvennoj perepisi 2016 goda po sub'ektam Rossijskoj Federatsii [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Subjects of the Russian Federation]. Moscow: IIC "Statistika Rossii", vol. 2.

Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра¹

О.П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

В статье исследуется широкий круг проблем, связанных с практической реализацией «фермерского проекта» в России. Опираясь на исходные посылки теории семейно-трудового хозяйства А.В. Чаянова, автор рассматривает объективные сложности и результаты становления фермерства в России. На основе данных государственной статистики и двух Всероссийских сельскохозяйственных переписей отмечаются основные тенденции в развитии крестьянских (фермерских) хозяйств на фоне других субъектов хозяйствования. Основным источником информации являются глубинные интервью с фермерами, руководителями предприятий и представителями местной власти одного из сельских районов Алтайского края, собранные в течение 2013–2017 годов.

Результаты полевых исследований представлены в виде «Кулундинского кейса», в котором обобщены несколько типичных историй успеха/неудач. Рассмотренные фермерские истории, по мнению автора, показывают, что семейно-потребительская ориентация в деятельности фермерских хозяйств ограничивает возможности развития и во многих случаях приводит к прекращению их деятельности. В то же время в историях успешных фермеров преобладают предпринимательская, созидательная и отчасти творческая мотивация. Успешные семейно-трудовые хозяйства постепенно трансформируются в семейно-предпринимательские, в которых используются наемные работники. В таких хозяйствах аккумулируются и передаются наследникам не только материальные, но и нематериальные активы — прежде всего в виде уникального накопленного локального знания, обладание которым и является главным фактором, обеспечивающим устойчивость семейного бизнеса и потенциал для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: фермерский проект, аграрная реформа в России, фермерские истории, Алтайский край

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-141-173

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00464)

Во введении к одной из самых известных своих работ «Организация крестьянского хозяйства» А.В. Чаянов следующим образом формулирует исходную посылку своей теории крестьянского хозяйства: «...мотивацию хозяйственной деятельности мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы» (Чаянов, 1993: 17). В этой цитате не только квинтэссенция подхода Чаянова, позволяющего рассматривать семейное крестьянское хозяйство как универсальную производственную единицу, способную существовать в разных экономических системах — от крепостничества до товарной рыночной экономики, но одновременно и подсказка к объяснению многих сложностей движения постсоветской России по фермерскому пути.

Преобразование аграрной сферы экономики России за счет создания благоприятных условий для развития фермерских хозяйств начиналось как амбициозный и в известном смысле «идеологический» проект, инициированный желанием реформаторов быстро и наглядно продемонстрировать преимущество «частного» (небольшого, гибкого) над «государственным» (коллективным, большим, неэффективным). Насыщение изрядно опустевших в начале 1990-х прилавков продовольственных магазинов рассматривалось как важный, но все-таки побочный результат реформирования. Институциональные ограничения: отставание и непоследовательность земельной реформы; живучесть советских практик хозяйствования на земле; исторически сложившийся еще в советские времена и постоянно воспроизводимый в дальнейшем диспаритет цен на аграрное сырье и промышленные товары (топливо, техника), необходимые для работы на земле, а также действие других, специфических для каждого региона причин привели к тому, что реальные результаты проекта заметно разошлись с ожиданиями (Узун, Шагайда, 2015; Калугина, 2015; Фадеева, Нефёдкин, 2017).

Симптоматична эволюция самого понятия «крестьянское фермерское хозяйство», введенного в юридический оборот еще в 1990 году. В соответствии с принятым тогда законом² крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ) определялось как самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического

2. Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс] <http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-22111990-n-348-1-0/>

лица, который на основе использования отдельным гражданином, семьей или группой граждан земли и имущества, находящихся в их собственности или в аренде, осуществляет производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции. По сути, речь шла о семейных производственных кооперативах с долями участия работоспособных членов семьи. Представление о фермерском хозяйстве как о небольшом семейном бизнесе, не использующем наемный труд, вполне соответствовало духу того времени.

Как показала практика, объединение земельных и имущественных паев членов семьи, полученных ими в ходе акционирования колхозов и совхозов, без кооперации между разными КФХ не позволяет создавать небольшие, но конкурентоспособные в условиях рынка хозяйства. Фермерская волна 1993 года, инициированная началом земельной реформы и масштабной программой субсидирования кредитов сельским товаропроизводителям, быстро пошла на спад.

В дальнейшем организационно-правовой статус КФХ как семейного хозяйства, занимающегося производством, постепенно размывался. В Федеральном законе от 2003 года³ отношения «родства» между членами КФХ были дополнены отношениями «свойства», т. е. возможностью включения в его состав граждан, не состоящих в родстве с главой хозяйства. Сферы деятельности КФХ расширялись и более не ограничивались производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственных продуктов. Был включен пункт о том, что КФХ осуществляет свою деятельность без образования юридического лица (на основе соглашения). В Федеральном законе 2012 года была введена норма, в соответствии с которой главой КФХ может быть гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. Главы хозяйств из руководителей, уполномоченных другими пайщиками «семейного кооператива», стали превращаться в индивидуальных предпринимателей (ИП), несущих полную юридическую, в том числе материальную, ответственность за результаты деятельности.

Каковы же практические итоги осуществления «фермерского проекта»? По данным Госкомстата, производство в фермерских хозяйствах (КФХ и индивидуальные предприниматели) с 1998 по 2017 год (в сопоставимых ценах) выросло более чем в 11 раз, а его доля в общем объеме продукции сельского хозяйства в целом по стране увеличилась с 2,4 до 12,7%. За тот же период объемы производства в сельскохозяйственных организациях (СХО) увеличились в 2,5 раза, а доля последних в общем производстве выросла с 40,4 до 52,7%.

3. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс] <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11062003-n-74-fz-0/>

Таблица 1. **Количество хозяйствующих субъектов и площадь пашни на одного субъекта**

	2006		2016	
	СХО	КФХ и ИП	СХО	КФХ и ИП
<i>Российская Федерация</i>				
Количество хозяйств. субъектов, ед.	59 200	285 100	36 075	174 773
Пашня в среднем на одного субъекта, га	1389	59	1798	154
<i>Сибирский федеральный округ</i>				
Количество хозяйств. субъектов, ед.	9000	31 400	4481	22 343
Пашня в среднем на одного субъекта, га	1767	111	2538	270
<i>Алтайский край</i>				
Количество хозяйств. субъектов, ед.	1811	5525	1087	3469
Пашня в среднем на одного субъекта, га	2492	258	3380	697

Рассчитано по: Основные, 2008а: 12-13; Основные, 2008б: 498-499, 530-531; Предварительные, 2017: 14-15, 152-179.

Данные Всероссийских сельскохозяйственных переписей, приведенные в таблице 1, показывают существенные изменения в количестве и средних показателях земли на одно хозяйство, произошедшие за последние годы (2006–2016 гг.). Количество КФХ (включая ИП) в целом по стране сократилось на 38,7% — с 285,1 до 174,8 тыс. В то же время средний размер пашни в расчете на одно хозяйство, напротив, увеличился в 2,6 раза — с 59 до 154 га. Происходит очевидная концентрация и укрупнение внутри фермерского сектора. При очевидных общих тенденциях существуют и региональные различия. Так, по Сибирскому федеральному округу (СФО) количество КФХ и ИП сокращалось заметно медленнее, чем по стране в целом. Однако во входящем в состав СФО Алтайском крае, один из сельских районов которого стал объектом нашего исследования, динамика показателей практически не отличается от среднероссийской.

Можно ли на основании приведенных данных делать вывод о том, что «фермерский проект» провалился или, напротив, развивается очень успешно? На наш взгляд, ни для первого, ни для второго вывода нет серьезных оснований. При довольно впечатляющем росте доли фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве ожидания начала 1990-х и связанные с ними представления

о превращении «фермерского класса» в главного кормильца страны не оправдались. Фермерство не стало, да и по многим причинам не могло стать серьезной альтернативой крупным сельхозпредприятиям.

Во второй половине 2000-х годов масштабная государственная поддержка сельского хозяйства в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК» (Барсукова, 2016: 13-26) привела к изменению ситуации в отрасли, обусловив повышение ее инвестиционной привлекательности прежде всего для крупных игроков. Это, в свою очередь, способствовало ускоренному развитию агрохолдингов, растущих как за счет создания новых, так и за счет поглощения уже действующих производств. В результате во многих регионах страны увеличилась конкуренция как на рынке факторов производства (труд, рабочая сила), так и на рынках сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки. В отдельных сельских районах при поддержке местных администраций производственные подразделения агрохолдингов стали фактическими монополистами в производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции. Это серьезно ограничило возможности развития как для предприятий, сохранивших самостоятельность, так и для фермеров, стремящихся к расширению производства.

Описанные события дали повод для нового витка дискуссий о том, что эффективнее — крупные сельхозпредприятия или фермерские хозяйства. По нашему мнению, эти дискуссии в отрыве от контекста, образуемого специфическими условиями конкретного времени и места, являются не слишком содержательными и часто контрпродуктивными в отношении практических выводов. Нам представляется, что для понимания того, что действительно происходит с КФХ, какие причины сдерживают, а какие — напротив, способствуют их развитию, каким образом активно формирующийся фермерский уклад встраивается в деятельность сельских сообществ, важно исследовать индивидуальные истории успеха (неудачи) фермерских хозяйств в разных регионах страны, в том числе в районах «сельской глубинки», на основе информации, получаемой от непосредственных участников фермерского проекта.

«Кулундинский кейс»

Попробуем посмотреть на фермерский проект более пристально, переключив фокус нашего внимания на локальный кейс⁴, который дает возможность сравнить диаметрально разные по результатам

4. Часть эмпирических материалов была собрана автором в рамках Немецко-русского проекта «КУЛУНДА. Как предотвратить глобальный синдром “Dust Bowl” — пыльных бурь?», 2013–2015 годы.

истории. Речь идет о сельском районе Алтайского края, который расположен в 200 км от столицы края (г. Барнаул) в степной Кулундинской зоне, отличающейся засушливым климатом и довольно сложными условиями для земледелия. Рассматриваемый район относится к числу высокоразвитых аграрных территорий, где в равной степени представлены растениеводство и животноводство. Мы наблюдали за происходящими здесь процессами в течение последних пяти лет. На это время пришлось основные изменения в условиях предоставления государственной поддержки, заметно вырос интерес местных аграриев к новым способам обработки почвы и, в частности, к беспашотной («нулевой») технологии⁵, споры об эффективности и экологичности которой продолжаются до сих пор (Виноградская, Никулин, 2013: 302-324), стали широко внедряться новые культуры и принципы севооборота. Нами было проведено 25 углубленных интервью с местными фермерами, специалистами районной и сельских администраций, руководителями сельскохозяйственных предприятий.

Особенностью района является то, что в нем сосуществуют разные по величине и специализации сельхозпроизводители. Корпоративный сектор образуют шесть сельскохозяйственных предприятий из числа бывших колхозов и совхозов, которые за последнюю четверть века прошли несколько этапов реорганизации и не раз меняли свой юридический статус. На четырех предприятиях в последние годы появились новые инвесторы, инициировавшие серьезную модернизацию и расширение производства. Помимо крупных предприятий в районе в разные годы работали от 60 до 70 фермерских хозяйств, появившихся, как правило, в результате ликвидации крупных предприятий: на месте одного обанкротившегося колхоза или совхоза возникало 5–8 фермерских хозяйств. Производство мясной и молочной продукции в основном сконцентрировано в корпоративном секторе, тогда как большинство фермерских хозяйств специализируются на земледелии.

Стоит отметить специфичность каждого из пяти сельскохозяйственных сезонов, попавших в период наблюдения, с точки зрения погодных условий. За катастрофической засухой 2012 года в следующем году последовали дожди, пришедшиеся на период уборки урожая, что привело к снижению качества зерна и закупочных цен. При заметном росте объемов производства крестьяне вновь недосчитались значительной части своих доходов. Выпавший в сентябре 2014 года снег уничтожил часть посевов, но ситуацию смягчило то, что ряду хозяйств удалось

5. Современная система земледелия, при которой верхний слой почвы не рыхлится, а укрывается специально измельченными остатками растений — мульчей. Она особенно подходит для условий засушливой зоны, поскольку предотвращает водную и ветровую эрозию почвы, а также улучшает сохранность влаги.

Таблица 2. **Распределение фермерских хозяйств по площади обрабатываемых земель**

Группы фермерских хозяйств	2013	2016
Крупные хозяйства — площадь пашни свыше 1500 га		
Количество хозяйств, ед.	12	17
Площадь пашни в среднем на 1 хозяйство, га	3394	3128
Средние хозяйства — площадь пашни от 500 до 1500 га		
Количество хозяйств, ед.	27	21
Площадь пашни в среднем на 1 хозяйство, га	985	881
Мелкие хозяйства — площадь пашни до 500 га		
Количество хозяйств, ед.	24	33
Площадь пашни в среднем на 1 хозяйство, га	226	207

получить компенсации из федерального бюджета. В последнем пятилетнем цикле, как с точки зрения полученных урожаев, так и благоприятной конъюнктуры рынка наиболее удачными оказались 2015 и 2016 годы. В то же время 2017-й вошел в историю как год большого урожая, собранного в тяжелых условиях чрезвычайно влажной осени. Из-за падения рынка зерна (закупочные цены упали в 2 и более раз) — вследствие избытка переходящих запасов и отсутствия зерновых интервенций — часть хозяйств оказалась на грани банкротства.

Фермерский сектор отличается особой «аритмичной пульсацией» — за пять последних лет закрылось 17 и вновь образовалось 21 хозяйство, т. е. за это время фермерский корпус обновился примерно на треть. Часть крупных фермерских хозяйств сменили организационно-правовую форму и стали ООО (общество с ограниченной ответственностью), перенесли в свое название метку о своей фермерской принадлежности (ООО «КФХ такого-то»).

Количественное преобладание фермерских хозяйств отражается в распределении обрабатываемой земли. На начало 2013 года на долю фермеров приходилось 58%. К началу 2017 года доля фермерских хозяйств увеличилась до 62%. В то же время по количеству занятых наблюдается обратная картина — на долю сельхозпредприятий приходится 70% работающих в отрасли, у фермеров, согласно их декларациям, — только 30%. Вместе с тем усиливается неравномерность распределения земли между фермерами в разрезе трех подгрупп — крупных хозяйств, обрабатывающих от 1500 га и больше пашни, средних хозяйств (от 500 до 1500 га) и мелких (до 500 га). Такое деление позволяет отразить специфику хозяйствования на сибирских просторах, отличающихся большими размерами доступных для обработки

Таблица 3. **Финансово-экономические характеристики деятельности фермерских хозяйств (в расчете на 1 хозяйство каждой группы), 2015 год**

Группы хозяйств	Финансовый результат, тыс. руб.	Субсидии и дотации, тыс. руб.	Налоги начислено, тыс. руб.	Налоги уплачено, тыс. руб.	Численность работников, чел.	Средне-месячная зарплата, руб.
Крупные	12 620	2445	869	650	13,2	8948
Средние	1236	577	222	163	2,8	8392
Мелкие	277	100	48	35	0,7	3607

сельскохозяйственных угодий и умеренными показателями урожайности зерновых и других культур, чувствительных к погодным аномалиям. Недостаток земли в средних и особенно в мелких хозяйствах является серьезным ограничением для роста масштабов и прибыльности производства. Эти хозяйства не могут позволить себе закупки техники, удобрений и средств защиты растений, необходимых для применения современных агротехнологий, что в конечном счете закрепляет критическую для финансовых результатов зависимость урожая и экономики хозяйств от ежегодных погодных флуктуаций.

Как видно из таблицы 2, за рассматриваемый период расслоение между тремя группами фермерских хозяйств усилилось: сократилась средняя прослойка, выросло количество крупных и особенно мелких хозяйств. Рост группы крупных землепользователей произошел за счет перехода в нее представителей средней группы. При этом значительно выросла верхняя граница этой группы: если в 2013 году самое крупное фермерское хозяйство обрабатывало порядка 6,5 тыс. га пашни, то к началу 2017 года площадь возделываемой им земли увеличилась почти на 2000 га (до 8,4 тыс. га). Фермеры-новобранцы в основном пополнили группу мелких землепользователей, в том числе среди них оказались несколько хозяйств, выделившихся из более крупных вследствие происходивших «родственных» переделов.

В таблице 3 представлены удельные финансово-экономические показатели за 2015 год в разрезе уже описанных групп, взятые нами из аналитических материалов районной администрации. В выборку ведомственной статистики вошли только те, кто получал в 2015 году государственную поддержку и предоставил в администрацию все запрашиваемые документы. В силу этих причин из списка выпали около 40% мелких хозяйств. Но даже по имеющимся данным можно

сделать вывод о снижающейся эффективности хозяйствования по мере сокращения используемых земельных площадей.

Годовой финансовый результат (прибыль) в расчете на одно крупное фермерское хозяйство в 10 раз превысил показатели средних и в 45 — мелких хозяйств. При этом различия в средней площади пашни в этих группах были не столь существенны и составили 3,6 и 14 раз соответственно. Объемы государственной поддержки, основным компонентом которой являлось так называемое «несвязанное» (погектарное) финансирование, естественным образом ранжировались в зависимости от площади обрабатываемых земель⁶. В расчете на 1 гектар пашни величины субсидий и дотаций по трем группам хозяйств составили 696, 541 и 393 рубля соответственно. Относительно более низкие объемы господдержки у мелких хозяйств указывают на то, что крупные и средние хозяйства чаще участвовали в разных государственных программах (помимо земельных дотаций получали кредиты с субсидируемыми процентными ставками, компенсацию затрат на закупку элитных семян и др.). Важно и то, что отдача от выделяемых государством средств по рассматриваемым хозяйствам заметно дифференцирована. В группе крупных землепользователей в среднем на каждый рубль дотаций в 2015 году было получено 5 руб. прибыли, в группе средних — 2, мелких — 2,8 руб.

Подобные различия можно было бы объяснить эффектом масштаба, но применительно к фермерским хозяйствам этот аргумент требует специальных пояснений. С одной стороны, за более высокими показателями некоторых крупных хозяйств⁷ стоят не только более внушительные масштабы производства

О.П. Фадеева
Штрихи
к фермерскому
проекту: алтайская
палитра

6. Впервые земельные выплаты были введены в 2013 году и распределялись поровну между всеми земледельцами района — примерно по 300 руб. на гектар посевных площадей (обработка паров в эти расчеты не входила). В 2014 году при назначении субсидий стали действовать повышающие и понижающие коэффициенты: разброс составил от 120 до 333 руб. на гектар. К числу факторов, увеличивающих выплату на землю, относились наличие животноводства, превышающие средний уровень района показатели урожайности и среднегодовой зарплаты. Также наряду с общей ставкой для всех сельхозкультур были введены повышающие коэффициенты при выращивании сахарной свеклы, картофеля и кормовых культур на орошении. Земельные выплаты не получали хозяйства, которые имели задолженности по налогам и выплатам в пенсионный и другие социальные фонды.

7. Из нашей выборки только половина крупных хозяйств получили в 2015 году весомый финансовый результат — их прибыль варьировалась в пределах от 9,5 до 65 млн руб. У другой половины успехи оказались на порядок ниже — чистый доход составил от 150 тыс. руб. до 3 млн руб. 46% средних и мелких фермеров сумели закончить 2015 год с прибылью до 300 тыс. руб., у половины из них финансовый результат не превысил 100 тыс. руб. в год, что сложно признать нормальным доходом сложившегося бизнеса. Скорее это признаки малодоходной «промысловой» деятельности.

и высокий технологический уровень, но и квалификация, бизнес-интуиция и организаторские способности их руководителей, вполне адаптированных к работе в рыночных условиях. С другой стороны, часть средних и большинство мелких хозяйств, которые порой плохо технически вооружены⁸, функционируют в так называемой «серой зоне»: *«Они не показывают всю урожайность, не показывают валовой сбор, продают продукцию перекупщикам без документов, потом наличными деньгами рассчитываются с неоформленными у них работниками»* (из интервью со специалистом районной администрации).

Подобное поведение вполне объяснимо. Сегодня тем, кто работает на земле, сложно строить планы, точно угадывать рыночные тренды и структуру посевов, чтобы создать устойчиво работающий бизнес. Даже внутри одного сельскохозяйственного цикла перепады в закупочных ценах могут составлять от полутора до двух раз, между годами размах «ценовых ножиц» может быть еще сильнее. Фермер должен быть готов к тому, чтобы «придержать» продажи своей продукции и иметь запас ликвидности, дождавшись более выгодных предложений от зернотрейдеров⁹. Это не всегда получается у небольших хозяйств, которым необходимо погасить кредиты, взятые на пополнение оборотных средств, как раз в конце уборки, когда растут объемы продаж и падают цены. При выборе структуры посевов основная масса производителей ориентируется на цены прошлого года, но не всегда эти расчеты оправдываются: *«Один год цена на гречиху была 40 рублей за килограмм, на следующий год ее все засеяли, цена упала до 7 рублей. Пошел подсолнух в цене, засеяли — опять «дикий рынок» все уронил»* (из интервью с руководителем районного комитета сельского хозяйства).

Данные таблицы 3 можно было бы интерпретировать так, что средние и особенно мелкие хозяйства или освоили безлюдные технологии, или же, в точном соответствии с классическим представлением о фермерском хозяйстве, используют в основном труд членов семьи. В 53% хозяйств, где обрабатывалось до 500 га земли, наемный труд не использовался, в других хозяйствах этой группы число работников не превышало двух человек. В половине крупных хозяйств количество работников колебалось от 1 до 4 человек,

8. *«Часто у такого фермера есть один трактор ДТ-75, который по возрасту старше его самого. И культиватор, который достался ему при выходе из колхоза: он его попросил, ему из металлолома его вытащили, он к нему что-то прилепил и столько лет с ним отработал»* (из интервью со специалистом районной администрации).

9. Из интервью с крупным фермером: *«В начале уборки цена более-менее подходящая. Когда начинается уборка, пошел намолот, цена падает. Предложений много, заготовителям можно покуражиться. Они начинают демпинговать. Мне это неинтересно. Поэтому я весь урожай отгружаю в свой склад на хранение».*

при этом у этих же хозяйств отмечены минимальные показатели прибыли.

О природе наблюдаемого статистического феномена размышляет руководитель районного комитета сельского хозяйства: *«Тут арифметика такая получается. Всего в сельскохозяйственных организациях имеется 555 работающих и обрабатывается 52 тыс. га пашни. То есть нагрузка на одного работника составляет 94 га. С учетом животноводства все нормально. В фермерских хозяйствах всего 227 работников и обрабатывают они 70,4 тыс. га. На каждого работника приходится 310 га. Какими высокоорганизованными и высокотехнологичными выглядят у нас фермерские хозяйства! Но если учесть, что в семи крупных фермерских хозяйствах, в которых и удобрения применяются, и технологии более-менее соблюдаются, занят 121 работник, то 106 работников числятся в остальных хозяйствах. Получается, что у сильных фермеров, где используется мощная современная техника, нагрузка на 1 человека составляет 226 га, а у тех, у кого старая разбитая техника, нагрузка на 1 работника, согласно цифрам их отчетности, 665 га. Им сразу нужно присваивать звание дважды Героя капиталистического труда! Но так же не может быть?!»*

Статистические данные в данном случае позволяют нам говорить только о том, что за весьма условным понятием «крестьянское (фермерское) хозяйство» скрывается ряд разнообразных явлений, для описания которых недостаточно стандартной официальной статистики. Более того, использование только статистических данных может привести к выводам, плохо согласующимся с реальным положением дел.

Совокупность всех фермерских хозяйств в районе можно представить в виде двухслойного пирога. Верхний слой — это полноценный частный бизнес с хорошо подобранной командой исполнителей, отлаженными агротехнологиями и поддерживающими их бизнес-процессами. Главы хозяйств из верхнего слоя заинтересованы в том, чтобы их деятельность была более или менее открыта, а внешняя отчетность относительно достоверна. Это нужно в первую очередь для того, чтобы иметь возможность пользоваться кредитными ресурсами и разнообразными видами государственной поддержки. Устойчивые урожаи и большие объемы производства позволяют таким хозяйствам занимать лучшие позиции на рынке. Сильный фермер, как правило, осознает зависимость результатов от качества наемных работников и стремится не только материально поощрять их в моменты пиковой сезонной нагрузки, но и закрепить их в хозяйстве, сохраняя их в штате и зимой, когда работы значительно меньше. Чтобы работник не погнался «за длинным рублем» на вахту, фермер обеспечивает ему фронт работы в его личном подсобном хозяйстве — на льготных условиях выделяет

О.П. Фадеева
Штрихи
к фермерскому
проекту: алтайская
палитра

корма и другие ресурсы для выращивания бычков, откорма поросят, производства молочной продукции (Фадеева, 2013: 29-47).

В нижнем слое находятся фермеры, которые не смогли или не захотели построить устойчиво развивающийся и прозрачный бизнес. Они из года в год одним и тем же способом выращивают привычные культуры и в тяжелые времена прикрываются «лукавыми» цифрами статистических налоговых отчетов, а иногда и не выполняют обязательства в отношении неофициально нанятых работников¹⁰. Но подобная «оптимизация» хозяйственного поведения не добавляет стабильности, а порождает дополнительные риски и зачастую приводит не только к номинальным, но и к реальным банкротствам, вынуждает аутсайдеров покидать сферу сельскохозяйственного производства.

Большая доля неформальных транзакций в фермерском секторе ослабляет и без того скудные возможности развития сельских территорий, так как в этом случае в местные бюджеты не поступают налоги, не создаются рабочие места, недофинансируется социальная сфера: *«Полгода такой фермер работает, полгода — на печи лежит. Людей у него по ведомости нет. Зарплату не начисляет, НДФЛ не отчисляет. Но все хотят жить в хорошем благополучном районе — чтобы были не просто школы, но и музыкальные, и спортивные школы, ФАПы, библиотеки, дома культуры. А вот кто и на какие деньги все это будет содержать — их это не волнует»*. На взгляд главы районного комитета сельского хозяйства, существующие меры поддержки зачастую продлевают агонию мелких хозяйств, которые за счет государства худо-бедно проводят посевную кампанию, но без всяких гарантий конечного результата. По мнению сельского чиновника, без укрупнения землепользователей и технико-технологического обновления зерновых хозяйств, без поддержки региональными и местными администрациями локальных новаций и инициатив устойчивое сельское хозяйство невозможно: *«Все равно будущее — за крупными производителями! Именно они сегодня звучат — и по показателям продуктивности, и по технологиям. Нужно выделять средства тому, у кого действительно есть перспектива развития, у кого хватает интеллекта, образования и стремления. На земле должен работать специалист!»* Извечная дилемма эффективность/право на выживание для всех, кто решился обрабатывать землю (как проявление социальной справедливости), в этой формулировке звучит жестко: если мелкие фермеры хотят сохраниться, им нужно

10. *«Вот я открываю сайт в Интернете, а там такой фермер верхом на слоне где-то сидит среди нашей зимы. Я ему потом говорю: “Ты совесть имей, хоть людей в своей деревне не дразни, которым ты зарплату недоплачиваешь или задерживаешь”»* (из интервью со специалистом районной администрации).

объединяться и работать на земле профессионально, с заметным эффектом: *«Не должно быть упрощенного севооборота, который практикуют некоторые фермеры. Это ведет к снижению потенциальной продуктивности поля и плодородию почв. Не все могут самостоятельно хозяйствовать! Все равно максимум через пять лет в районе произойдет перелом в землепользовании. Такого количества фермеров уже не будет!»*

О.П. Фадеева
Штрихи
к фермерскому
проекту: алтайская
палитра

Фермерские истории

Приведем несколько реальных и в то же время типичных фермерских историй, из которых можно вычленив причины разной степени жизнеспособности хозяйств, факторы их успеха и неудач.

Как правило, траектория развития хозяйства закладывается в самом начале и связана с мотивами, которыми руководствовались будущие фермеры, их квалификацией и опытом работы в сельском хозяйстве, имеющейся технической базой, площадью и качеством (в том числе местоположением) выделенных им на первых порах земель. Дальнейшая «раскрутка» бизнеса определялась способностью фермеров правильно ориентироваться во внешних условиях, изменять при необходимости специализацию хозяйства и структуру использования земли, совершенствовать применяемые технологии. Фермеров можно разделить на тех, кто склонен к инерционному пути с рутинным воспроизводством уже сложившихся агротехнологий и способов хозяйствования; и тех, кого можно назвать «новаторами». Последние озабочены поисками рычагов управления ситуацией, в том числе за счет изменений в организации производства и его технико-технологическом оснащении.

Уходящие натуры

Чтобы разобраться в том, что мешает фермерскому движению, кратко опишем историю двух хозяйств, с главами которых удалось побеседовать в 2013 году. Оба хозяйства образовались почти одновременно (1993 и 1994 год). К моменту нашего знакомства они обрабатывали примерно равные площади земли (400 и 500 гектаров), но к 2017 году прекратили свое существование.

В первом хозяйстве-«старожиле» треть пашни из-за дефицита земли арендовалась в соседнем районе. Севооборот поддерживался только двумя культурами — пшеницей и подсолнечником, что, по мнению фермера, было вполне достаточно с учетом количества и качества его земли. За весь период деятельности глава хозяйства не достиг больших успехов на сельской ниве: *«У нас высокой урожайности и не было никогда, потому что земли, которые нам*

дали, десятки лет были залежными. Мы их долго разрабатывали. Нам специально отвели бросовые земли на границе с сосновым бором». Чтобы как-то исправить ситуацию, в 2012 году хозяйство закупило элитные семена, но жестокая засуха перечеркнула планы — высокий урожай так и остался в прожектах.

Изначально фермер не планировал хозяйствовать автономно. В середине 1990-х годов в кооперации с ним работали еще пять фермерских хозяйств, выделившихся из состава бывшего сельхозпредприятия. Со временем новоиспеченные «кооператоры» перессорились и прекратили деловые и даже личные взаимоотношения, что, по сути, и подорвало перспективы дальнейшего развития. Финансовые возможности малоземельного хозяйства не позволяли обзавестись полной линейкой производительной техники, эффективность применения которой напрямую зависела бы от размера обрабатываемых участков и гипотетически позволяла нагружать необходимую для рентабельности производства технику на одну трактор или комбайн. Консолидация земель нескольких хозяйств могла бы оптимизировать затраты на технику, однако она же могла привести к плохо разрешаемой проблеме совместного использования ресурсов участниками фермерского пула (в какой очередности использовать общую технику для обработки полей разных хозяйств, как обеспечить ее бережную эксплуатацию и пр.).

Неудачная попытка кооперации, описанная выше, случилась на заре фермерского движения, когда еще была сильна предубежденность к коллективному труду и совместному использованию производственных ресурсов. Это привело к тому, что в локальном сообществе доверие к межфермерскому сотрудничеству было надолго подорвано и желающих попробовать еще раз или же искать другие способы партнерства так и не нашлось. В результате наш фермер в основном был вынужден работать в одиночку, иногда привлекая в сезон наемных работников, в пиковые моменты к нему на помощь приезжал из города сын. На серьезную техническую модернизацию он так и не решился. Брать крупные кредиты на долгий срок фермер опасался. Незначительность имеющейся залоговой базы крайне затрудняла поиски банка, который мог бы профинансировать его хозяйство. Поэтому наш респондент довольствовался в основном «короткими займами» на закупку ГСМ.

Не способствовали успеху и специфические местные условия, в изобилии воспроизводящие классические кейсы для учебников по институциональной экономике. В частности, во время проведения интервью глава хозяйства был сильно озабочен потравами его полей, расположенных невдалеке от деревни. Дело в том, что пасти частный скот в поселении в последние годы оказалось некому, непьющего пастуха владельцам животных найти не удалось, а организовывать своими силами «дежурство» они

отказались. В результате безнадзорные животные отправлялись гулять по фермерским полям. То, что из-за этого фермер терпел немалые убытки, мало кого волновало: *«У меня подсолнечник положили почти весь. Стадо на поле зайдет — и все. Уже два года подряд это продолжается. Сами ездим, собираем этот скот, выгоняем опять в деревню».*

Нерешаемые годами и постепенно усугубляющиеся внутренние экономические и финансовые проблемы вкупе с уже упомянутыми природно-климатическими и рыночными колебаниями закономерно привели к ликвидации данного фермерского хозяйства, просуществовавшего более двадцати лет. На наш взгляд, подошли к концу жизненные силы главного героя. Искляки его упорство, терпение и желание отдаваться борьбе с обстоятельствами, итог которой, по сути дела, был уже давно предreshен.

В истории второго фермерского хозяйства, которое также можно отнести к группе «исчезнувших», случилось несколько важных поворотных моментов, которые, впрочем, не уберегли его от ликвидации. Как и в первом случае, это хозяйство откололось от местного сельхозпредприятия в компании еще восьми фермеров. Неформальный фермерский кооператив смог просуществовать в первоначальном составе только два года и сократился до двух человек, которые продолжили работать вместе. Один из членов этого тандема, наш респондент, пояснил: *«Сначала объединились девять крестьянских хозяйств. Но потом два года мы отработали и развелись. Я и мой партнер остались — и с 1996 года так и работаем вдвоем. Начинили мы с 50 гектаров на человека. Сейчас у меня где-то 500 гектаров — всего 1000 гектаров на двоих. Все хозяйство мы ведем вдвоем. Отчеты в налоговую подаем раздельно, а все производство, севообороты — это все общее».*

С середины 1990-х годов фермеры одними из первых в районе занялись закупкой мяса у населения с его последующей переработкой. Это был период стихийного открытия в селах и городах России множества малых предприятий (мельниц, пекарен, колбасных цехов и пр.), спасающих сельских жителей от безденежья за счет самостоятельного выхода на рынки сбыта продовольственных товаров. Последующее ужесточение правил сертификации продуктов «малой переработки» и удорожание связанных с этим процедур, а также действия крупных производителей и сетевых магазинов, предлагающих зачастую менее качественную, но более дешевую продукцию, серьезно подорвали базу для производства «фермерской» (нишевой) продукции: *«В 1995 году у нас в селах люди держали много скота, но не могли продать мясо по хорошей цене. Поэтому мы решили заняться изготовлением колбас — делали вареную, полукопченую колбасу. Получали на нее сертификат, хотя и тогда это было дорого для нас. В конце 1990-х годов только в Барнауле открыли 80 колбасных цехов, не считая тех, что работали*

О.П. Фадеева

Штрихи

к фермерскому

проекту: алтайская

палитра

по районам. Но сейчас многие из них закрылись». В момент нашей беседы фермеры почти перестали заниматься колбасным производством — они перешли на систему неформальных заказов на изготовление мясной продукции (колбасы, копченое мясо) из давальческого сырья. Хозяйство переориентировалось на «пельменный бизнес», правда, маржа получилась невысокой: *«Вот девочки стряпают пельмени, мы их возим в магазин. Сдаем их по цене 160 рублей за килограмм. Берут пока. Пельмени из настоящего мяса. Но если я поставлю более высокую цену, например, 260 рублей, я их не смогу продать».*

В 2000-х годах основной доход фермерам стало приносить растениеводство, тем более что за это время их совместная пашня увеличилась в 10 раз. Фермеры вновь проявили себя как новаторы и одними из первых в районе занялись выращиванием масличного льна, добавив эту культуру в свой севооборот наряду с пшеницей («по мелочам» еще сеяли подсолнух и гречку). Это решение носило экономический (рыночный) подтекст — спрос и цены на лен не были подвержены резким колебаниям, поэтому в период резкого падения цен на пшеницу он мог компенсировать «выпадающие» доходы. Сеять лен оказывалось выгодно даже при невысокой его урожайности: *«Потому что на лен цена более-менее стабильная. Когда мы с ним начали работать, его закупали у нас по 6000 рублей за тонну. И он ни разу не упал в цене, а только потихоньку рос и рос. В эту весну лен уже закупали по 19 000 руб. А цена на пшеницу скачет, скачет, скачет — и попробуй угадай! Было два года, когда пшеница в цене более-менее подрастала, тогда мы проигрывали по льну. Потому что у него средняя урожайность в два раза ниже, чем у пшеницы».* Проблем со сбытом сырья фермеры не испытывали, география продаж оказалась обширной: *«Самую большую цену на лен нам давала фирма из Ростовской области. В 2010 году их представители приезжали сюда, когда у них засуха была. Они подняли цену до 14 рублей за килограмм, и вот эта цена осталась. Еще три года вплотную с таджиками работали».*

На идею о выращивании льна в качестве способа придания устойчивости бизнесу фермеров натолкнули встречи на образовательных семинарах и выставках, где они сначала увидели рекламные проспекты фирм, торгующих семенами льна, а потом познакомились с алтайскими учеными, занимающимися усовершенствованием технологий по возделыванию этой культуры. В результате возник фермерско-научный альянс: *«Три года мы с учеными плотно работали. Они приезжали к нам, консультировали, делали анализы почвы и семян на содержание тяжелых металлов. Сейчас я им звоню, когда есть необходимость. Спрашиваю совета».* Нельзя сказать, что фермеры смогли получить максимальный эффект от выращивания льна. Недостаток инвестиционных ресурсов заставил их обойтись «малой кровью»:

вместо закупки специализированной техники они переоборудовали имеющиеся у них жатки и не использовали все возможности для увеличения урожайности.

В 2013 году в «сдвоенном» хозяйстве не было постоянных работников. Механизаторы нанимались на полгода, когда шли полевые работы. У фермеров не было возможности содержать постоянный штат сотрудников. Были риски, что собрать прежних работников в следующий сезон не удастся: они могли уехать на вахту, найти постоянную работу. Частично финансовое положение спасало производство пельменей, особенно в межсезонье. Фермеры ощущали себя заложниками монопольной системы, опутавшей российскую экономику на всех уровнях таким образом, что сельское хозяйство и прежде всего малые производители оказались «слабым звеном» в цепочке «от поля до прилавка: *«Все дорожает, а продукция сельского хозяйства в цене понижается. У нас вся страна монополизирована, одно только сельское хозяйство пытаются в рынок замизнуть. В 2009 году цена на пшеницу упала до 1700 руб. за тонну. Нам всем объясняли, что элеваторы переполнены, зерно девать некуда. У нас тогда в некоторых хозяйствах ячменем топили котельные — это было выгоднее, чем за бешеные деньги покупать уголь»*.

В конечном счете изменения, инициируемые руководителями, не спасли альянс хозяйств от банкротства, они так и не смогли создать точки роста, которые бы позволили обеспечить необходимый запас прочности.

К распаду фермерских хозяйств причастны не только внешние факторы. В немалой степени он определяется и естественными, внутренними обстоятельствами. Во многих случаях существенное значение имели возраст и состояние здоровья тех, кто был когда-то в числе первопроходцев и постепенно приближался к завершению трудовой карьеры. Отсутствие амбиций и предпринимательской жилки как индивидуальные черты характера зачастую делают развитие и успех невозможными. Небольшие фермерские хозяйства, которые не сумели раскрутиться за 10–15 лет с момента образования, имеют крайне невысокие шансы удержать свои позиции. Приближение пенсионного возраста и отсутствие наследников, желающих подхватить этот хлопотный бизнес, гасят даже слабые порывы серьезных изменений. Когда эти люди начинали фермерствовать, они не ставили перед собой глобальных задач, им нужно было удовлетворить простые человеческие потребности: построить или отремонтировать дом, обучить детей и по возможности пристроить их в городе, купить автомобиль. Эти личные расходы отодвигали на второй план производственные цели: *«У нас много фермерских хозяйств, где главе около 60 лет. Они имеют от 200 до 400 га земли, комбайн СК-5, в лучшем случае «Ниву», трактор ДТ-75, сеялку ТЗП 3.6, культиватор Пз.8. Все это двадцатилетней давности. Такой фермер вряд ли захочет*

О.П. Фадеева

Штрихи

к фермерскому

проекту: алтайская

палитра

брать кредит, обновляться, что-то внедрять — на такой площади и в таком возрасте это просто экономически невыгодно. Себе на хлеб-соль он зарабатывает. Своим наследникам в городе он квартиру купил, себе дом отремонтировал, машинешку приобрел — ему достаточно. Он может в одночасье уйти на пенсию, скажет тем, кто отдал ему землю в аренду: “Ребята, разбирайте землю. Я закрываюсь”».

«Потребительская» ориентация ряда фермерских хозяйств и отсутствие мотивации к серьезным изменениям не означают, разумеется, что наличие склонности к риску и высокие амбиции всегда гарантируют успех. Нередко именно завышенные цели, переоценка собственных возможностей и компетенций становятся главной причиной фермерских неудач. В качестве примера приведем историю одного из некогда успешных фермеров, который захотел стать самым крупным землепользователем в районе. К этому решению его подтолкнули успехи с выращиванием подсолнечника. Будучи опытным агрономом, фермер активно вел экспериментальную работу, создавал собственные гибриды и достиг неплохой урожайности. Когда на банковском счете появились свободные средства, он задумал удвоить площадь пашни, закупил технику, влез в долги. За один год его земельный фонд увеличился с 2000 до 4500 га, в основном за счет аренды земли. Чтобы заинтересовать арендодателей, он пообещал им в качестве платы за землю по 30 ц зерна при обычных для района 10–20 ц за одну земельную долю (10 га). Таким образом, он смог выиграть конкуренцию за землю с другими производителями.

Но быстрого результата не получилось: фермер не смог наладить эффективное производство на всех полученных в аренду земельных участках, перестал вовремя гасить свои долги перед банком. Ему пришлось распродать технику и в конце концов ради сохранения бизнеса создать еще одно «параллельное» предприятие, в которое он вывел часть своих активов. непогашенные долги остались на прежнем хозяйстве. Он также не смог выполнить своих обязательств перед владельцами земли (дольщиками) — и не только не увеличил, как обещал, арендные платежи, но и перестал их выплачивать совсем, объясняя ситуацию сложным финансовым положением. Чтобы вырваться из банковской кабалы и начать обработку всех земель, фермер, по сути, шантажом вынудил своих арендаторов стать его кредиторами: *«Он предложил дольщикам занять ему деньги под 3% в месяц. То есть внутри деревни создал такой «МММ». И люди согласились»*. А когда на собрании новоявленные кредиторы начали требовать свои деньги обратно, пригрозив забрать землю, фермер пошел в контратаку: *«Землю заберете, совсем денег не получите! Я вам откуда их возьму?!»* Итог оказался печальным — оба (старое и новое) хозяйства были в конце концов обанкрочены, фермер остался ни с чем, обремененный долгами и с подорванным здоровьем.

Практическое осуществление поддерживаемой большинством наших собеседников идеи укрупнения фермерских хозяйств при всей ее привлекательности не гарантирует успеха. Управлять крупным хозяйством намного сложнее, нагрузка на руководителя и степень его ответственности также возрастает, многократно повышается цена неверного решения. В данном случае на кону не только успешность бизнеса и его хозяина, но и благополучие наемных работников, возможности пополнения сельских бюджетов и выполнения социальных обязательств предпринимателей перед местным сообществом. Среди наших респондентов оказались главы действующих фермерских хозяйств, отнесенных нами к числу «крупных» и имеющих явные признаки экономической неустойчивости. Приведем две характерные истории.

В первом случае речь идет о двух хозяйствах, которые номинально возглавляют отец и сын, но управляются они из одного «центра» и работают сообща. На эти хозяйства приходится свыше 2000 гектаров земли. Кроме того, в хозяйстве сына развивается мясное животноводство (откорм бычков на мясо). Интервью с отцом-фермером и реальным руководителем этих двух хозяйств было записано нами в преддверии чрезвычайно сложной уборки в 2017 году. Оно передает эмоции человека-труженика, который не может вырваться из тупика, в который он попал в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств. По оценкам респондента, крайне плохо в сельском хозяйстве обстоят дела практически со всем: нельзя найти достойных работников; пресловутый диспаритет между ценами на сельскохозяйственную продукцию и ценами на солярку и технику все больше обесценивает крестьянский труд; заготовители стараются снизить закупочные цены под любым предлогом. Естественным является вопрос: насколько перечисленные выше и далеко не новые проблемы, которые, несомненно, являются общими не только для производителей района, но и отрасли в целом, являются критическим и для данного хозяйства?

Кадровый голод сковывает развитие хозяйства и не позволяет фермеру, несмотря на пенсионный возраст и пошатнувшееся здоровье, отказаться от личного участия в «битве за урожай». Наравне с сыновьями и двумя работниками он, когда надо, садится «за баранку или штурвал», берется за срочный ремонт техники: *«Люди разучились работать, поэтому нагрузку на себя никак не снизить. Подготовки кадров нет, выпускника ПТУ еще пять лет надо учить работать. Да и работать никому! В прошлом году младший сын пас стадо, когда надо было молотить. Пастухов нет, потому что все кругом алкоголики. Не доверишь им скот. Так и комбайн я доверить не могу, ведь новый стоит три с лишним миллиона рублей. Кого попало за руль не посадишь — он через два дня его бросит и уйдет».*

О.П. Фадеева
Штрихи
к фермерскому
проекту: алтайская
палитра

Доходы хозяйства не успевают за ростом цен на технику, техника уже дважды или трижды выработала свой ресурс, а заменить ее не получается: *«Комбайнам по 30 лет. Когда брали трактор МТЗ-82, он стоил 600 тыс. руб., а сейчас уже 1 млн 200 тыс. руб.»*. Хозяйству элементарно не хватает средств, чтобы вовремя обработать посевы, не допустить болезней растений, собрать и сохранить выращенный урожай: *«В прошлом году на поля напала ржавчина. Нынче обработал, но поздно. Финансов нет, под будущий урожай нанял фирму для обработки, но надо было на две недели раньше это сделать»*. Но даже собранную с таким трудом продукцию нужно еще суметь с выгодой продать, а это даже для хозяйства таких размеров оказывается непросто: *«Напрямую на элеватор зерно не сдашь, ведь для этого нужны большие объемы. Объемы нужно собирать, договор заранее заключать. Но здесь же рискованная зона земледелия. Мы договор заключим — а вдруг снег или дождь помешают уборке, и мы нужных объемов не наберем?! Кто тогда неустойку будет платить? Сейчас за пшеничку дают цену 7,50 руб. за килограмм. А пока довезешь ее до пункта приемки, килограмм будет стоить 6 руб. А там еще и скидку на цену сделают — то натуре нет, то стекловидности нет»*.

Как ни парадоксально, выход из этого «заколдованного круга» фермер, идеальный образ которого четверть века назад отождествлялся со свободным трудом в свободной экономике, видит в возвращении, по сути, к плановой системе — государственному заказу с фиксированными ценами: *«Нам нужен госзаказ — план по культурам в распределении по хозяйствам, твердая цена на нашу продукцию и соответственная цена на горючку. Предоплату дайте 30% — и не лезьте к нам больше!»* Подобный рецепт в последние годы нам много раз приходилось слышать от алтайских (и не только алтайских) аграриев.

Вторая история связана с другим, еще более крупным хозяйством, в распоряжении которого находилось до 3,5 тыс. га земли, притом что образовано оно было не так давно (меньше десяти лет назад). В ходе интервью с главой КФХ, записанного в 2015 году, выяснилось, что хозяйство возникло под патронажем местной администрации в процессе банкротства крупного сельскохозяйственного кооператива (СПК), ставшего правопреемником бывшего колхоза. Чтобы предотвратить рост площади заброшенных земель, ухудшающий показатели районной статистики, местные власти сначала пытались подобрать крупного инвестора, который бы выкупил имущество предприятия и восстановил производство. Не достигнув в этом успеха, местная администрация нашла альтернативу — бывший водитель выразил желание взяться за организацию на месте экс-колхоза фермерского хозяйства. Затем при содействии администрации техника СПК была продана будущему фермеру по заниженной цене, а также

проведена разъяснительная работа с владельцами земли, чтобы убедить их отдать земли в аренду именно во вновь создаваемое КФХ.

Мы беседовали с этим фермером прямо на поле, где он следил за тем, как идет уборка. Он сообщил, что в данный момент у него занято 13 механизаторов, которых сразу после завершения полевых работ он намерен «передать» районной службе занятости, чтобы «получить» их обратно весной. Суть подобной практики достаточно проста: фермер сознательно заключал срочный трудовой договор с работниками на срок, требуемый для назначения пособия по безработице (чуть больше, чем полгода). По завершении этого срока он выдавал им справки о выплаченной заработной плате. Как правило, цифры дохода, которые указывались в этих справках, были выше, чем реальные выплаты, чтобы работники, на время перешедшие в статус безработных, могли получать максимальное пособие (в сельской местности оно достигало уровня «медианной» заработной платы). Эти уловки, по мнению фермера, были вполне оправданны — с одной стороны, он снимал с себя расходы на содержание людей в зимнее время, когда работы нет, и создавал гарантии их возврата к себе в хозяйство в следующем сезоне. С другой стороны, он считал, что помогает местной службе занятости набрать необходимый «штат» безработных, чтобы подтвердить ее социальную и экономическую значимость (функциональность).

Нельзя сказать, что подобные «игры с государством» обходятся без последствий. Как сказала в интервью руководитель районного центра занятости, она хорошо осведомлена о фактах подобного обмана и всегда может пригрозить фермерам-работодателям запросом в пенсионный фонд о сделанных ими отчислениях за уволенных работников, чтобы сравнить показатели начисленных заработных плат. В некоторых случаях, чтобы избежать ненужных разбирательств, фермеры соглашались с предложениями сотрудников центров взять на себя организацию и софинансирование общественных работ, чтобы таким образом помочь центрам выполнить план и по этому направлению тоже. В относительно замкнутом и не слишком мобильном сельском сообществе, в котором неформальные практики, действующие буквально «на грани фола», при крайне нестабильных внутренних и внешних условиях дополняют формальные институты, вряд ли возможно обойтись без подобных взаимных услуг.

В организации производства данный фермер придерживался умеренной или даже консервативной политики. Он не спешил что-то менять в способах хозяйствования, обходился привычным севооборотом и классической технологией. В 2014 году он попробовал поработать с подсолнечником, закупил семена, посеял, но не успел убрать урожай из-за внезапно выпавшего снега. Эта неудача на время отбила дальнейшее желание экспериментировать. Крайне скептически он высказался по поводу «нулевой»

О.П. Фадеева

Штрихи

к фермерскому

проекту: алтайская

палитра

технологии, провоцирующей, по его мнению, экологические проблемы из-за обработки земли «химией» (средствами защиты растений), негативно влияющей на здоровье людей. Весьма определенно он оценивал риски банковского кредитования. Его кредо — по максимуму обходиться своими силами, так как «не знаешь, что будет завтра». Поэтому на вроде бы выгодное предложение приобрести в рамках специальной программы трактор К-700 с 40% государственной компенсацией затрат на его покупку, он ответил отказом, так как даже в этом случае ему пришлось бы залезать в долги¹¹.

В 2014 году помимо неудач с подсолнечником проблемы возникли из-за излишней влажности собранной пшеницы. Согласно норме, сухое зерно имеет влажность до 14%. Заготовители принимали некондиционное зерно с большим дисконтом: каждый дополнительный процент влажности снижал расценки на 3%, что в конечном счете опустило закупочную цену сдаваемой фермером продукции на 30%. Но это не заставило его задуматься о приобретении собственной сушилки или сушилки «на паях» в кооперации с другими хозяйствами. Аргументация — подобные бедствия случаются раз в десять лет, поэтому эти затраты не окупятся. Но «скупой платит дважды»: обильные дожди стали все чаще сопровождать уборочные работы, и подобная «рачительность» обернулась новыми потерями.

Бремя первых: эффекты продуманных экспериментов

Коллективный фермерский портрет района остался бы незавершенным без рассказа о тех, кого можно считать лидерами фермерского движения. Выделить составляющие успеха попробуем, как и прежде, через описание двух историй, отражающих характерные черты сильных фермерских хозяйств.

Первая история в рамках этого кейса вновь семейная: фермерское хозяйство организовал отец, затем его дело продолжил сын. Мы записали интервью с ними в 2013 году. Рождение хозяйства связано с памятной историей. В 1990 году бывший директор совхоза и заслуженный агроном РСФСР на волне разговоров о возрождении фермерства и обсуждений соответствующего закона решил взять в обработку 40 гектаров, но столкнулся с непреодолимым сопротивлением местных партийных и административных органов,

11. О том, что при отсутствии страхования посевов кредит может усугубить финансовое положение любого хозяйства, говорит председатель районного комитета сельского хозяйства: «У нас фермер купил комбайн, кредит взял и думает, что за 5 лет за него рассчитается. А тут — бабах! — засуха или все ушло под снег, а кредит остался — и проценты крутятся. Вот в чем у нас главная проблема».

которые не спешили «разбазаривать» государственную землю, так как не были уверены в том, что новый курс на деколлективизацию — это надолго, и отказали в земле даже такому уважаемому человеку. В ответ будущий фермер отбил телеграмму на имя генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и Председателя Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова. Последующая за этим директива из Москвы моментально разрешила ситуацию: *«Мне выделили землю, которую я просил. Недалеко от деревни. Сейчас это уже не наша земля, когда мы расширялись, происходила трансформация земельных участков»*. В настоящее время в хозяйстве обрабатывается порядка 5000 га.

Как шутит отец-основатель хозяйства, *«я решил сразу разбогатеть на 40 гектарах»*. При этом он акцентирует внимание на том, что без опоры на свой человеческий капитал и постоянный профессиональный рост ничего бы не получилось. Заслуженный агроном не стеснялся все время учиться, еще с советских времен он не пропустил ни одной из проходящих в районе и в крае агрономических конференций, всегда интересовался новыми технологиями: *«Инновации в нашем хозяйстве начались с чего? Я агрономический факультет закончил в 1959 году. И с тех лет я пережил и перепробовал все системы земледелия, начиная от Василия Робертовича Вильямса, основоположника травопольной системы¹², и кончая «нулевой» технологией, о которой узнал на семидесятом году своей жизни в основном из литературы, журналов, газет»*. Отказываться от глубокой обработки почвы и переходить к no-till отец и сын, который с годами все больше брал на себя бразды правления, начали в середине 2000-х годов, первыми в районе решившись на подобный весьма рискованный эксперимент. Вспоминает отец: *«Восемь лет назад я был на семинаре в соседнем районе и сказал, что мы начали это делать. Мне сразу возразили: “Тебе жизни не хватит, чтобы это воплотить”. Эту технологию по-всякому воспринимают, часто отрицательно. Но у нас, по-моему, что-то получилось. Все эти годы мы уже живем без паров. Раньше без них не обходились, так как земля, которая нам досталась, требовала восстановления. У меня был или «мальцевский» трехпольный, или канадский трехпольный севооборот: пар и два зерновых поля»*. По оценке фермера, не стоит рассчитывать на то, что этот технологический переход снизит затраты на производство, но со временем эффект будет заметен: земли очистятся от сорняков, улучшится состав почвы, засуха не будет наносить большого урона: *«Почему-то принято думать, что это дешевое мероприятие. Это не так. Особенно велики затраты в первые годы, потому что много надо использовать химии. Все годы урожайность у нас стабильная,*

12. О попытках внедрения в Сибири травопольной системы земледелия см.: (Ильиных, 2016: 93-121).

прошлогоднюю засуху (2012 год) пережили нормально. У нас меньше всех сейчас сорняков. Сын обработал посевы от всяких болезней и вредителей, на нашем горохе стало больше клубеньковых бактерий»¹³. Отказ от паров, составлявших на разных участках от 30 до 50% земель, участвующих в севообороте, практически удвоил объемы производства. Но, как признается фермер-сын, «работать по-новому стало сложнее — все нужно делать точно, с химией много работать приходится. По простой (классической) технологии особо не ошибешься: паши, борони да сей. Тут срок упустил — дозу препаратов нужно увеличивать, больше денег тратить. Но так веселей!» Инновационная культура, которая, несомненно, присуща руководителям хозяйства, подпитывается их особым любопытством, увлеченностью и стремлением фермеров-новаторов к движению вперед.

По словам отца, чтобы новая («нулевая») технология смогла в полной мере продемонстрировать свои преимущества, нужен нетрадиционный подход. «Почвенная подстилка на поле должна быть как в лесу. Но в нашей зоне, чтобы создать такую поверхность, не хватает растительных остатков из тех культур, которые мы культивируем. Значит, этого нужно добиваться». Также не обойтись без новаций в системе севооборота: «Зерно по зерну мы уже не сеем. Сеем по гороху, который у нас вроде вместо паров»¹⁴. На момент опроса в хозяйстве выращивали пшеницу, гречиху, горох, подсолнечник, лен, рапс, ячмень. Помимо агротехнических нормативов к подобному разнообразию культур фермеров подтолкнули перепады цен на пшеницу, которые стимулировали поиск альтернативных культур, на которые был бы устойчивый спрос на рынке. Делая ставку на диверсификацию посевов, фермеры стали мыслить в терминах «перекрестного

13. Клубеньковые бактерии — группа бактерий, способных связывать неорганический атмосферный азот, продуцируя органические азотсодержащие вещества.

14. Как правило, каждый земледелец-экспериментатор имеет собственную объяснительную концепцию механизма действия новой технологии. В следующей цитате главы одного из новаторских хозяйств принципы планирования посевов с учетом требований технологии no-till увязываются с рыночными (конъюнктурными) соображениями: «Для меня важна смена корневых систем, а не севооборот в привычном понимании. Я себе нашел такое объяснение. Сначала идет пшеница — здесь мочковатая корневая система, представленная в основном придаточными корнями, у которой не выделяется главный корень. После пшеницы мы сеем культуру со стержневой корневой системой. Какую? Ту, на которую в экономике хороший спрос. Если была пшеница, то после нее будет лен или гречиха, а затем вика. Или после льна будет пшеница. Главное, что благодаря no-till производитель становится менее зависимым от засухи. Технология помогает сохранять зимний запас влаги. Плюс идет борьба с ветровой и дождевой эрозией из-за накопления пожнивных остатков».

субсидирования». Сначала интуитивно, а потом и осознанно они начали работать с набором культур, которые в сумме приносили бы положительный финансовый результат. За счет приносящей прибыль продукции поддерживалось необходимое, но нерентабельное по разным причинам производство.

КФХ постоянно трансформировалось. Из года в год оно прирастало новыми землями, агрономические новации обеспечивали дополнительный доход, который направлялся на техническое перевооружение. Рост доходов позволил хозяйству получить доступ к банковским кредитам, что, в свою очередь, дало возможность оперативно принимать дорогостоящие решения. Так, когда в августе 2013 года из-за дождей стало ясно, что без сушилки хозяйству не обойтись, фермер-сын тут же заказал нужное оборудование в Италии с расчетом, что сможет его получить в течение двух недель.

Сын, имеющий инженерное образование, обучался земледельческому искусству исключительно на практике и со временем, по оценке отца, превзошел его по объему знаний: *«В основном он около меня натаскался. Он уже больше меня знает, потому что в Интернете постоянно что-то смотрит, ищет. Он знает всех вредителей, все болезни растений и способы борьбы с ними. В технике он вообще здорово соображает!»* После того как в начале 2010-х годов отец перенес сложную операцию, принятие текущих и стратегических решений по ведению хозяйства окончательно перешло к сыну. Фермер-отец в свое время был сильно обеспокоен по поводу предстоящей передачи дел, но в итоге успокоился: *«Мне будет неприятно, если станут говорить: “При отце были урожаи, хозяйство было крепким, а стал хозяином сын и все развалилось”. Я буду счастлив, если скажут: “При молодом руководителе стало намного лучше”. Мне нравится, как работает сын, я в нем уверен».*

Чтобы иметь гарантию, что их не вытеснят с «насиженного места» более сильные конкуренты, отец, а затем и сын стали последовательно выкупать обрабатываемую в их хозяйстве землю. На момент интервью семье принадлежала половина сельхозугодий. Изначально фермеры полагали, что достаточно аккуратно исполнять свои обязательства в отношении арендодателей (земельных дольщиков) и платить им не ниже других. У них не было долгосрочных планов по выкупу земли в собственность. Но затем к ним все чаще и чаще с просьбой купить землю стали обращаться их дольщики в преклонном возрасте, которые уже не держали скотину и другую живность на своем подворье и не нуждались в кормах и прочих арендных выплатах. Также продавали земли те, кто уезжал из села. Осознание необходимости перехода от спонтанных к целенаправленным сделкам с землей к отцу и сыну пришло в тот момент, когда районная администрация не перезаключила с ними арендный договор на землю из фонда

О.П. Фадеева

Штрихи

к фермерскому

проекту: алтайская

палитра

перераспределения и отдала участки, в которые уже были вложены немалые средства, крупному животноводческому предприятию. Говорит фермер-отец: *«У сына в хозяйстве собственной земли уже больше 2000 га. Установка такая: сделать так, чтобы наши дольщики от нас никуда не ушли, а если землю захотят продавать, то мы должны обязательно ее купить, независимо от того, есть свободные деньги или нет. Сын соглашается, что это важнее, чем покупка очередного комбайна. Земля должна быть у крестьянина своя».*

В отличие от большинства исследуемых случаев, ситуация с кадрами в данном хозяйстве, как и в других хозяйствах-лидерах, не только не оценивается как катастрофическая, а скорее выглядит более-менее гармоничной: трудовой коллектив укомплектован, квалификация и дисциплина сотрудников работодателя в основном устраивает. Это можно списать на более высокий уровень заработных плат и комфортные условия труда как следствие более высокой производительности, эргономических и гигиенических стандартов современной техники, но в немалой степени это результат невидимой политики team building.

К моменту знакомства с данным хозяйством количество наемных работников в нем достигло 26 человек, в основном это были механизаторы. При переходе к «нулевой технологии», когда была закуплена высокопроизводительная техника, рассчитанная на прямой посев, стало понятно, что столько людей в хозяйстве не нужно. Но расставаться с «лишними» работниками фермер-сын не спешил: *«Я бы и хотел сократить людей, но неудобно. Они со мной уже столько лет работают. За эти годы я только одного человека уволил. Мне и обучать новому своих работников долго не пришлось. Они все умные. Сделают все, что скажешь».* Отец полностью поддержал сына в этом «нерациональном» решении, большой жизненный опыт научил его, что «людьми нельзя разбрасываться»: *«У сына хорошие молодые работники, у него база нормальная. Многих из них я еще нанимал».*

Если в предыдущей истории едва ли не главным фактором успеха семейного бизнеса стали профессиональные (агрономические) компетенции основателя и идейного вдохновителя хозяйства, то на следующем примере можно увидеть, что не только специалисты, но и дилетанты могут добиваться впечатляющих результатов. В центре внимания — бывший ветеринар и переработчик, который в начале 1990-х годов занялся закупками скота у населения и производством натуральных мясопродуктов. Когда сырья стало не хватать, он организовал собственную свиноферму и производство кормов: *«Здесь колхоз развалился, я купил двор, реконструкцию сделал. Чтобы кормить 600 голов свиней, мы взяли 400 гектаров земли».* Из-за привычки полностью погружаться в производственный процесс, человек, никогда прежде не имевший дело с растениеводством, вдруг обнаружил, что это

«крайне увлекательное занятие». Со временем он ликвидировал ферму, отказался от идеи развития мясного животноводства, серьезно сократил переработку и сконцентрировался на земледелии. Если в лучшие годы у него на производстве было занято порядка 30 человек, то после перепрофилирования штат постоянных сотрудников сократился сначала до 4 человек (водители, возившие скот, переквалифицировались в механизаторы), а потом, когда земельный массив превысил 1700 гектаров, увеличился до 8 человек. Интервью с этим фермером были записаны нами в 2013 и в 2015 годах.

Кардинальная смена специализации хозяйства произошла не на пустом месте. Идея заняться не просто выращиванием зерна и других культур, а организовать экспериментальное («сознательное», как говорит сам респондент) хозяйство была навеяна несколькими его поездками сначала на региональные и общероссийские выставки и конференции, а затем в Аргентину в 2012 году в составе районной делегации. Здесь сибиряки не просто воочию увидели, как работает no-till, но и оценили систему фермерской организации сельского хозяйства, базирующуюся на специализированном консалтинге, разделении рисков, сбалансированном ценообразовании: *«У аргентинского фермера может не быть своей техники. Есть частные МТС. На поле пригоняют трактор, сеялку, другое оборудование, обязательно присутствует представитель фирмы. Агроном отдельно нанимается. Он не просто консультирует, а отвечает за результат. Когда мы приехали на поле, там только убрали ячмень, стерня стоит — и сразу начинается посев. Ходит агроном с линейкой: все промерил, посмотрел, раскопал, на какую глубину семена легли, — и дает добро. Есть службы, которые дают полный комплекс рекомендаций по посевам, сортам, обработке, протравке, ведь сегодня столько всего есть на рынке, что сложно с ходу разобраться. Другие структуры оказывают помощь в реализации. Государство вообще фермерам не помогает, просто там нет нашего диспаритета цен».*

Респондент не рассчитывает на то, что в ближайшем времени подобная организация аграрного бизнеса станет возможной в России. Он прекрасно отдает себе отчет в том, что сравнивать условия хозяйствования на сибирских и южноамериканских землях в силу природно-климатических различий и ряда других неустраиваемых факторов бессмысленно. Но стремиться к «лучшему из возможного» ему это не мешает. За последние пять лет он серьезно модернизировал свое хозяйство, стал настоящим агрономом-экспериментатором, дисциплинировал поставщиков, обучился правилам профессиональной работы на любом рынке: *«Я год или два без кредитов пожил. Но после поездки в Аргентину почувствовал, что надо перевооружиться полностью. В 2013 году взял семимиллионный кредит, потом еще деньги занимал*

О.П. Фадеева
Штрихи
к фермерскому
проекту: алтайская
палитра

в банке. Мы за два года купили две сеялки, самоходную жатку, бункер-накопитель. Перед уборочной прошлого года приобрели новый комбайн и сушилку запустили, думаю еще один комбайн купить. Теперь весь урожай можем хранить у себя. Я дилерам говорю: «У вас посевной комплекс стоит 5 млн руб., а вдруг он меня не устроит, что мне с ним дальше делать? Берите на себя какой-то риск — давайте мы сначала возьмем комплекс в аренду, а затем, если нам понравится, мы его выкупим». Но так предлагает делать, я слышал, только Амазоне¹⁵. Надо искать, надо торговаться и кооперироваться с другими фермерами, чтобы снижать цены на семена, средства защиты, удобрения». При поддержке опытного агронома фермер стал производить опыты на разных участках. Использовал разные сеялки, в том числе заимствованные у других фермеров, закладывал семена на разную глубину, анализировал нормы расхода семян: «Мы работали раньше советской техникой. Никто лучше ничего не видел. Когда были в Аргентине, я увидел, как у них работает сеялка, мне понравилось. Я изучил ее и в поле, и на заводе, а когда вернулся домой, купил себе. Знаете, что дает разница в посевах. Вот у меня поле — шестое в севообороте. Казалось бы, оно тощее, хреновое. Но мы засеяли 180 гектаров нашими российскими сеялками, а 20 гектаров — буржуйской сеялкой. И получили существенную разницу в урожайности: 10 и 25 ц/га. Семена одни и те же. Норма высева аргентинской сеялкой составила 140–150 кг на гектар, российской — 180». Научный подход он стал использовать на всех этапах выращивания растений, что сразу же привело к удорожанию всего процесса: «Мы по полной программе работаем гербицидами, пестицидами, фунгицидами, чтобы бороться с заболеваниями растений. Это очень дорого, но очень важно для получения хорошего урожая. На меня соседи смотрят и говорят: «Конечно, он все это вносит, использует, потому что у него деньги есть». Но я деньги трачу для того, чтобы у меня эти деньги были».

Фермер признает, что без слаженной и профессиональной команды исполнителей он бы не решился на столь масштабные перемены: «Если бы не мои работники, я бы даже не стал вкладываться. Коллектив у меня очень хороший. Вместе с механизаторами всегда обсуждаем последовательность работ, логистику, порядок выполнения той или иной операции. Обязательно собираемся после окончания посевной. Каждый свою идею высказывает, как сделать что-то лучше. Потому что я могу ошибаться. Зимой технику готовим. Что-то переделываем, чтобы было удобно. Даже иногда и отдохнуть надо, а некогда. Вроде бы техника новая, но ее нужно основательно посмотреть, подделать».

15. Германская компания, занимающаяся разработкой, производством и продажами инновационной сельскохозяйственной техники.

Даже при непродолжительном общении с этим человеком заметны его основательность, особая педантичность и высокая требовательность к себе и окружающим: *«Не нужно брать земли много, если не будешь ее обрабатывать в самом лучшем виде. Мне интересно знать, сколько в наших землях гумуса, азота, фосфора, калия. Я приглашаю специалистов для анализа почвы, у нас есть книжка земель. Это моя личная инициатива, все проводим за собственные деньги. Такой анализ надо делать каждый год, а не раз в десять лет. Меня сейчас больше всего интересуют вопросы правильной подкормки растений. Это все нужно делать в контексте состава почв»*. По сути, речь идет о приближении к элементам точного земледелия — комплексной информационной системе сельскохозяйственного менеджмента, — но на базе локального знания, прочувствованного до «кончиков пальцев». В хозяйстве получена высокая продуктивность при выращивании пшеницы, в том числе твердых сортов, льна, гречихи. В 2016 году начался эксперимент по возделыванию новой для этих мест культуры — сои. Был приглашен профессор-селекционер из Омска, который привез несколько сортов и совместно с фермером занялся адаптацией и расширением производства перспективной для рынка и новой для района культуры.

Наши наблюдения показывают, что сильные фермеры, в отличие от своих не столь успешных коллег, больше открыты в общении друг с другом, не боятся давать советы и делиться знаниями. Они не зациклены на «секретах бизнеса» и «коммерческих тайнах». Это оправданно, так как все из них время от времени оказываются в роли обучающихся, ведь рынок генерирует множество привлекательных предложений, разобраться в которых проще и быстрее в коллективе единомышленников: *«У нас есть фирма, которая продает биологические удобрения. Менеджер этой фирмы два раза в год собирает всех, кто активно использует эти добавки. Как правило, приезжают по шесть-десять человек из нескольких районов. Мы не только учимся, но и просто общаемся. Я постоянно нахожусь в контакте с руководителями предприятий и фермерами, которые что-то внедряют у себя. И это ни с какой учебой не сравнится»*.

Из спонтанно возникшего «клуба по интересам» постепенно выкристаллизовалась неформальная «школа фермерского искусства», в которой «директорствует» председатель районного комитета сельского хозяйства. Как агроном по образованию он постоянно мониторит положение дел в хозяйствах района, дает полезные советы и помогает решать проблемы. Его профессионализм и авторитет признаются всеми фермерами в районе. За те пять лет, в течение которых мы регулярно бывали в районе, он смог сплотить вокруг себя почти два десятка фермеров, которые, по его словам, «заразились экспериментами» и не бегут от контактов. «По графику» фермеры стали выезжать друг к другу в поля, обсуждать

агротехнические нюансы, обмениваться опытом, подключая к своим поискам ученых. Эта координация не входит в круг обязанностей районного чиновника, но он считает, что именно в этом «низовом» способе распространения знаний и взаимного консультирования, который возник как альтернатива бизнес-консалтингу, и должна состоять главная миссия возглавляемой им структуры: *«Я бы очень хотел, чтобы запас прочности сложившегося фермерского ядра сохранился. Человек не должен жить старым запасом знаний, мне важно поддерживать стремление фермеров к новым направлениям, стимулировать их к самосовершенствованию».*

* * *

Анализ материалов, полученных нами в рамках «кулундинского кейса», конечно, не позволяет судить о насущных проблемах, ближайших и отдаленных перспективах «фермерского проекта» в целом. Вместе с тем он приводит к выводам, значение которых, по нашему мнению, выходит за пределы исследованного нами района.

Все фермерские истории — будь то истории успеха или неудач — очень индивидуальны. Фермерское ремесло, продуктивность которого тесно связана с уникальными особенностями возделываемой земли, не допускает тиражирования. Оно тесно связано с локальным знанием и решениями, которые должен принимать человек, постоянно работающий на земле. В течение длительного времени он может отслеживать не всегда очевидные и сильно разделенные во времени результаты применения тех или иных агротехнических приемов. Это обстоятельство, с одной стороны, определяет живучесть мелких и средних фермерских хозяйств, а с другой — ограничивает возможности быстрого масштабирования передового опыта. Успешные фермеры, в отличие от наемных, пусть и хорошо подготовленных для управления рутинными бизнес-процессами менеджеров, — «штучный» товар. Их количество по определению ограничено.

Помимо индивидуальных усилий и компетенций отдельных более или менее удачливых представителей формирующегося фермерского сословия крайне важна аграрная политика, проводимая представителями власти на всех уровнях. В нашем районе по счастливому стечению обстоятельств нашелся человек (чиновник), ставший медиатором в процессе обмена знаниями между местными фермерами. К сожалению, этого недостаточно. Кооперация в области поиска и распространения передового опыта должна быть дополнена производственной и сбытовой кооперацией, которая, как полагал А.В. Чаянов, является необходимым элементом, позволяющим ассоциированным фермерам конкурировать с крупными капиталистическими хозяйствами.

В заключение уместно еще раз вернуться к чаяновскому пониманию мотивации крестьянского хозяйства как своеобразной сдельщины, где работник сам определяет время и напряжение своей работы. Рассмотренные нами фермерские истории показывают, что семейно-потребительская ориентация не дает возможностей для долгосрочного развития и превращает работу главы хозяйства и членов его семьи в непрерывную борьбу с обстоятельствами. В то же время у наиболее успешных фермеров преобладает предпринимательская, созидательная и отчасти творческая мотивация. Их хозяйства со временем становятся, по сути дела, небольшими капиталистическими предприятиями, использующими в сезон десятки наемных работников. Семейное хозяйство, таким образом, трансформируется в семейный бизнес, в котором наследуются не только материальные, но и нематериальные активы — прежде всего в виде уникального накопленного локального знания, обладание которым в конечном счете и обеспечивает устойчивость и потенциал развития.

Библиография

- Барсукова С.Ю. (2016). Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» (2006–2007 гг.): задачи, инструменты, итоги // Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам: коллект. монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Виноградская О.Я., Никулин А.М. (2013). Инновационные стратегии двух кулундинских фермеров: между государством, рынком и засухой // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ильиных В.А. (2016). Звезда и смерть сибирского травополя // Крестьяноведение. Т. 1. № 1.
- Калугина З.И. (2015). Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. (2008а). Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». Книга 1.
- Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по субъектам Российской Федерации. (2008б). Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». Книга 2.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации. (2017). Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». Том 2.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Фадеева О.П. (2013). Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. № 5. С. 29–47.
- Фадеева О.П., Нефёдкин В.И. (2017). Локальные рынки земли: от виртуальных к реальным // ЭКО. № 6. С. 83–101.
- Чаянов А.В. (1993). Избранные труды. М.: «Колос».

Olga Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Prosp. Lavrentieva, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

The article considers a wide range of challenges in the implementation of the “farm project” in Russia. The author refers to the initial assumptions of the Chayanov’s theory of family-labor economy to identify objective difficulties and results of the development of farming in Russia. Based on the state statistics and two All-Russian agricultural censuses, the article presents key trends in the development of peasant (farm) economy as compared to other economic actors. The author conducted interviews with farmers, business leaders and representatives of local authorities in a rural district of the Altai Region in 2013–2017. The results of these field studies are presented as a “Kulunda case”, which allowed to identify some typical success and failure stories. The farmers’ stories prove that the family-consumer orientation limits development opportunities and in many cases determines the cessation of farming; while the entrepreneurial and creative motivation prevails in the stories of successful farmers. Successful family-labor farms are gradually turning into family-entrepreneurial and hire employees. Such farms accumulate and provide their heirs with both tangible and intangible assets, primarily in the form of unique local knowledge, which is the main factor of sustainable family business and its further development.

Keywords: farm project; agrarian reform in Russia; farmers’ stories; the Altai Region.

References

- Barsukova S.Ju. (2016) *Prioritetnyj natsionalnyj proekt “Razvitie APK” (2006–2007 gg.): zadachi, instrumenty, itogi* [Priority national project “Development of the Agro-Industrial Complex” (2006–2007): Aims, tools, results]. *Reformy v Rossii v 2000-e gody: ot zakonodatelstva k praktikam*. Moscow: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki.
- Chayanov A.V. (1993) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: “Kolos”.
- Fadeeva O.P. (2013) *Sibirskoe selo: zemlja i trud v lokalnyh kontekstah* [Siberian village: Land and labor in the local contexts]. *EKO*, no 5.
- Fadeeva O.P., Nefyodkin V.I. (2017) *Lokalnye rynki zemli: ot virtualnyh k realnym* [Local land markets: From virtual to real ones]. *EKO*, no 6.
- Il’inyh V.A. (2016) *Zvezda i smert sibirskogo travopolja* [The star and death of Siberian grassland farming]. *Krestjanovedenie*, vol. 1, no 1.
- Kalugina Z.I. (2015) *Rynoch’naja transformatsija agrarnogo sektora Rossii: Sociologicheskij diskurs* [Market Transformation of the Russian Agrarian Sector: Sociological Discourse]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Osnovnye itogi Vserossijskoj sel’skohozjajstvennoj perepisi 2006 goda po Rossijskoj Federatsii* [Main Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Russian Federation]. (2008a). Federalnaja sluzhba gos. statistiki. Moscow: IIC “Statistika Rossii”. Book 1.
- Osnovnye itogi Vserossijskoj sel’skohozjajstvennoj perepisi 2006 goda po sub’ektam Rossijskoj Federatsii* [Main Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Subjects of the Russian Federation]. (2008b). Federalnaja sluzhba gos. statistiki. Moscow: IIC “Statistika Rossii”. Book 2.

16. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. The project No.17-03-00464.

- Predvaritelnye itogi Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2016 goda po sub'ektam Rossijskoj Federatsii* [Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2006 for the Russian Federation]. (2017). Federalnaja sluzhba gos. statistiki. Moscow: IIC "Statistika Rossii". Vol. 2.
- Uzun V.Ja., Shagaida N.I. (2015) *Agrarnaja reforma v postsovetskoj Rossii: mehanizmy i rezultaty* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow: Izdatelskij dom "Delo".
- Vinogradskaya O.Ja., Nikulin A.M. (2013) *Innovatsionnye strategii dvuh kulundinskih fermerov: mezhdru gosudarstvom, rynkom i zasuhoj* [Innovative strategies of two Kulunda farmers: Between state, market, and drought]. *Krestjanovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost. Uchenye zapiski*. Vyp. 8. Moscow: Izdatelskij dom "Delo".

Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского

Виноградский В.Г. «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — 320 с. ISBN 978-5-7749-1294-0.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-174-182

В тютчевском стихотворении «Silentium!» содержится не только пронзительный взгляд на вещи, согласно которому мысль изреченная есть ложь, но и гениально-простое обоснование этой, в общем-то, отнюдь не очевидной истины. Этим хорошо пользоваться, скажем, на семинарах по истории. Предлагаешь студенту более или менее связно изречь некую мысль, которая в школьном учебнике была дана априори и в которую привычно верилось, показываешь, что с этим не так, и процесс пошел: механизмы самостоятельного творческого мышления запущены. Студенты легко увлекаются этой игрой, азартно ловят друг дружку на логических нестыковках и ложных посылах. И в помощь им в этом нужном деле «великий и могучий, правдивый и свободный русский язык». Кстати сказать, в каждой группе найдутся четыре-пять человек, которые станут наперебой энергично читать наизусть эти поэтические строки И.С. Тургенева — видимо, не так уж все и плохо у нас со школьным образованием. Предпринимая далее попытку изложить на бумаге (изречь) хоть малую толику сильных и противоречивых эмоций, которые возникали у меня при чтении книги «Голоса снизу», я попробую руководствоваться этим золотым правилом: заведомое сомнение в любом оценочном суждении.

В.Г. Виноградский изучает сельскую повседневность в прошлом и настоящем, привлекая коренных деревенских жителей к откровенному разговору об их прошедшей и нынешней жизни; он полагает, что его собеседники при этом практически никогда не лгут; и в том и в другом он совершенно прав. Анализируя услышанное и записанное и стремясь поделиться результатами этого своего анализа с другими аналитиками-гуманитариями, равно как и со своими сельскими собеседниками, он неизменно часто использует

слово «дискурс» и производные от него прилагательные и наречия, и напрасно он так поступает. Такие вот монбланы лжи. А ведь я и составил-то всего два предложения, хоть и сложных, однако совсем не длинных. Попробуем разобраться.

То, что делает в науке Валерий Георгиевич Виноградский, вызывает у меня восхищение и белую зависть. Увидев, что его новая монография о сельской глубинке называется «Голоса снизу», я слегка забеспокоился: неужто это академический снобизм, столь характерный для прогрессизма-модернизма и столь невероятный для научного творчества Виноградского? Прочитав всего лишь 25 страниц, с облегчением вздохнул: не просто не снобизм, а все с точностью до наоборот. Читатель найдет здесь добросовестную и глубокую критику того, что до сих пор делалось в аграрной социологии при работе с таким источником, как бесхитростные деревенские жизненные повествования. Разумеется, это в первую очередь замкритика, поскольку Виноградский — один из лидеров этого направления исследований. Готовность открыто признавать свои собственные недочеты и заблуждения не так часто встречается среди обществоведов, но это — безусловное качество лидера. В данном случае автор признает, что многие из опубликованных комментариев к таким крестьянским текстам грешат легковесностью и наукообразием. Вероятно, это оттого, что интервьюер стремится услышать в откровениях своего сельского собеседника какие-то совпадения со своим базовым социологическим знанием о крестьянстве, деревне, колхозе и т.д. «Подобная интерпретационная манера, — пишет автор, — удерживает тебя на поверхности, не давая спуститься к подводным течениям текста. Что же делать? ...Нельзя безнаказанно запрягать живое движение разворачивающегося текста в аналитико-интерпретационные хомуты, оглобли и постромки. Крестьянский “голос снизу” мощно вырывается из любого научного плена. Летит, сверкает и грохочет, поглядывая на автора сверху вниз» (с. 24, 25).

В книге о голосах снизу проделана добрая часть пути в поисках ответа на это отчаянное «*что же делать?*». Правильное начало пути как раз и заключается в острой постановке вопроса, где «верх» и где «низ». На протяжении двух последних истекших столетий в общественной науке (которая и сама оформлялась как таковая в то же самое время) сложилось устойчивое представление, что существуют некие объективные законы общественного бытия, которые даны «верхам» в виде университетского, академического знания. Эти последние могут и должны применять такое знание для того, чтобы осчастливить «низы», сделав социальную эволюцию максимально органичной. Крах идеологии научного коммунизма в нашей стране на рубеже 1980–1990-х годов мало что изменил в этом плане в российской действительности. Свято место, как говорится, пусто не бывает. Пришли «научные антикоммунисты» (часто из вчерашних правоверных коммунистов и комсомоль-

В.В. Бабашкин
Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского

цев) и понесли «низам» новую наукообразную ахиною, искренне считая себя «верхами» и предпочитая в самоназвании использовать слово «элита».

В великой русской художественной литературе второй половины XIX века создано множество образов людей, бескорыстно и самозабвенно вставших на поприще служения народу. В данном контексте уместно вспомнить об одном из героев романа Н.Н. Златовратского «Устои» с говорящей фамилией Пугаев. Это талантливый ученый-обществовед, свято веривший в светлое будущее русского народа, умевший заразить своей верой студенческую молодежь, убедить юных мыслителей в теоретической состоятельности своих историософских воззрений. Однако Пугаева очень пугала сама перспектива когда-нибудь лицом к лицу столкнуться с этим самым народом. Было опасение, что реальные обитатели русской деревни могут в чем-то не совпасть с теоретическим народом и тем самым поставить под удар, а то и полностью разрушить такую стройную и логичную «научную» конструкцию. Опасение подкреплялось той историей, когда в орбиту его просветительской деятельности был втянут молодой крестьянин, один из основных персонажей произведения, весьма разочаровавший романтического наставника, а главное, сам разочарованный, даже разозленный этими филантропическими играми образованного сословия. А когда одна из участниц пугаевского кружка дворянская девушка Лиза по окончании гимназии сознательно отправляется на должность земской учительницы, она в переписке с Пугаевым по возможности деликатно подтверждает его худшие опасения относительно той самой науки о народе¹.

Этот литературный пример я привожу здесь с двойным умыслом. Во-первых, со страниц произведений таких великих крестьяноведов прошлого, как Н.Н. Златовратский, А.Н. Энгельгардт, Г.И. Успенский, нам, сегодняшним, давно уже идет четкий сигнал: между реальной жизнью деревни и народолюбивыми сочинениями социальных философов о жестокой эксплуатации — пропасть. И глубина пропасти не зависит от того, кто в этих теориях выступает в качестве эксплуататора крестьянства — помещики и капиталисты или большевики и коммунисты. Во-вторых, даже для таких предельно приближенных к сельской реальности крестьяноведов настоящего, как участники организованных Т. Шаниным проектов полевого исследования российской деревенской глубинки, постоянное сомнение в адекватности своих представлений о сельской повседневности — вещь спасительная. С тех пор как «1 ноября 1990 года 14 российских социологов, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов», минуло много лет постоянного научного поиска, и «каждый из полевых социологов отыскал

1. *Златовратский Н.Н.* (1951). *Устои. История одной деревни*. М.: Гослитиздат. С. 485–528.

собственный аналитический маршрут — накопленный материал позволяет двигаться во многих дисциплинарных направлениях» (с. 13, 15). Да, крестьяноведение междисциплинарно, оно не укладывается в рамки уже устоявшихся гуманитарных и общественных наук, представители которых отгораживаются друг от друга, кроме прочего, еще и своими собственными «дискурсами». Как мне представляется, *крестьяноведение Виноградского*, развиваясь, все более сближается с тем, чем занимаются психологи и лингвисты.

И мотором развития теории крестьянства в этом направлении служит, как и положено, не оставляющее ее автора спасительное сомнение. К примеру, достаточно ли корректно были подготовлены к обобщающей академической публикации в 1996 году результаты первой большой полевой экспедиции²? Автор «Голосов снизу» дает отрицательный ответ: «Как мы теперь понимаем, в ходе подготовки семейных историй к публикации была допущена некая досадная композиционно-семантическая неточность. Совершен некий редакторский произвол... В результате воздух жизненной сцены незаметно улетучился. Натуральные голоса крестьян, превращенные в «литературу», заметно поблекли и приглушились. Потеряли аромат подлинности» (с. 16, 17). Это обстоятельство было отмечено профессиональным филологом в опубликованной в 2006 году статье о диалектных словарях как лингвокультурологическом источнике: «С точки зрения интересов социологии материалы сохранили релевантность, но как источник для лингвистических исследований подобные тексты несостоятельны». В.Г. Виноградский принимает этот упрек как понятный и справедливый, но он отвергает ту фору, что дает социологу коллега-филолог: мол, что для социологии сойдет, у нас, лингвистов, не проходит (с. 18). И тут мне вспоминается замечательная книга М.А. Кронгауза о русском языке, где лингвистика обозначена как самая гуманитарная из точных наук и самая точная из гуманитарных³. Ведь этим своим: «Видимо, не только для лингвистических исследований» автор «Голосов снизу» задирает для себя планку *своего* крестьяноведения именно на эту высоту, на высоту правды слова.

В книге «Орудия слабых»⁴ он подходит к решению задачи публикации транскриптов своих бесед с коренными жителями села существенно иначе по сравнению не только с «Голосами крестьян», но и со своей собственной большой статьей в журнале «Мир Рос-

В.В. Бабашкин
Когда мысль изре-
ченная есть прав-
да, или Крестья-
новедение Валерия
Виноградского

2. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. (1996). М.: Аспект Пресс.

3. Кронгауз М. (2009). Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак. С. 63–64.

4. Виноградский В.Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.

сии» того же 1996 года⁵. Он стремится качественно снизить интерпретационный диктат и редакторский произвол, позволить информантам высказываться развернуто и свободно. Но чем полнее живое повествование, тем сложнее задача истолкования, интерпретации. Поэтому при работе над книгой, по свидетельству Виноградского, «все же ощущение какой-то несопоставимости, неслиянности, разделенности двух миров — непосредственно-жизненного и научно-аналитического — никак не выветривалось из сознания» (с. 24-25). Вроде бы «автор как субъект дискурса науки должен однозначно и непротиворечиво зафиксировать собственные выводы и оценки. Должен волей-неволей обобщить и укротить бытие. Но этому упрямо и систематически противится льющийся сплошным потоком, выговариваемый конкретным человеком живой рассказ» (с. 26). Вот где Виноградский вплотную сталкивается с главным диалектическим противоречием этого *своего* направления науки о крестьянах. Спрашивается, нужно ли публиковать экспедиционные архивы, если эти незатейливые крестьянские повествования — как гвозди в крышку гроба «дискурса науки»?

Разрешение таких противоречий, как известно, содержит момент развития. Таковым в данном случае стала книга «Крестьянские координаты»⁶. Это не только решительное «да» на вопрос о необходимости публикации «живых рассказов» сельских ветеранов начала 1990-х годов, но и образец того, как это следует делать. Чтобы коротко и внятно пояснить, почему мне это представляется образцом, не удержусь от такого сравнения. Приличного студента-историка не нужно долго убеждать в том, что во время археологической практики нельзя воровать из раскопа никакие находки. Но студент-двоечник нет-нет да и умыкнет что-нибудь «на память», не понимая, что для науки приватизированный им беспаспортный артефакт навсегда потерян. Паспорт находки — это четкая привязка ее к географии и культурному слою: где, когда и в одном слое с какими другими вещами откопали ее, прежде чем передать в руки профессиональных реставраторов. Если уподобить любой кусок крестьянского жизненного повествования, зафиксированного профессионалом, археологическому экспонату, то автор «Крестьянских координат» выступает не только в роли дотошного составителя паспорта своих находок, но и в качестве хорошего реставратора. Две жизненные повести, которые содержит монография, предваряет историко-географическое описание малой родины их главных героинь. Затем следует очень тонкий словесный портрет каждой из этих пожилых крестьянок, созданный «как итог многодневных и душевно открытых встреч с человеком, кото-

5. Виноградский В.Г. (1996). Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования // Мир России. № 3. С. 3–76.

6. Виноградский В.Г. (2011). Крестьянские координаты. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.

рый отважился оглядеть собственную жизнь с ее уже поистине финального рубежа» (с. 28). Наконец, сам транскрипт бесед сделан настолько качественно, что позволяет читателю живо представить речевые ситуации, побудившие собеседницу автора к пространному монологу-воспоминанию. Все это дает Виноградскому полное право утверждать: «Адекватная форма для презентации “голосов снизу” найдена. Создан и организован достаточно надежный текстовый источник — для социологов, культурологов, историков, лингвистов. Но и этого — мало» (с. 29).

Что значит мало? А то и значит, что представителей всех этих славных отраслей гуманитарного знания нужно еще и подтолкнуть к использованию этого довольно-таки непривычного для их наук источника. Причем к использованию не только заинтересованному, но и грамотному — чтобы, «взрывая, не возмутили ключи». Чтобы как минимум не углядели там то, чего нет, а как максимум — сумели увидеть, что содержит этот источник, какое знание о русской душе. Лучше всего практически показать, как это делается. И В.Г. Виноградский, для которого важной частью души стали все его деревенские собеседники, делает это в «Голосах снизу». Все трое героев второй части книги — «Дискурсы “отцов”» — приблизительно сверстники, годы рождения 1911-й, 1914-й и 1916-й. На первый взгляд этим сходство и ограничивается — настолько разными представляются эти люди по темпераменту и по своей «речевой походке» (с. 46, 123, 125), т. е. способу и манере делиться своими жизненными воспоминаниями. Это не говоря уже о том, что у каждого из них за плечами своя жизнь. Однако авторская аналитика выявляет во всех трех повествованиях нечто общее, и настолько важное, что это, по-моему, должно носить методологический характер для любого нашего аграрно-исторического исследования. В них вновь и вновь «всплывает тот самый, таинственный и малопонятный, феномен бытийной терпеливости, смирения и даже некой толстокожести в ответ на суровость жизненных поворотов» (с. 101-102), «крестьянского вытерпливания и нечувствительного смирения перед обстоятельствами бытия», которое совершенно естественным образом соседствует с «размашистым великодушием и безмятежностью» (с. 84, 85).

Окружающий мир в этих рассказах отождествляется с жизненным опытом, «существует как “то, что выпало”. В частности, что выпало на конкретную жизненную долю нашей рассказчицы. И этот мир, по всей видимости, *устраивает* субъекта. Больше того, этот мир устроен так, что не нуждается в переустройстве. В нем все постижимо, все поддается понимающему приятию» (с. 113). Попробуем соединить такое мировоззрение огромной части жителей России, Советского Союза с той картиной мира, что долгое время рисовала нам вульгарно-марксистская историография, а теперь еще более нахраписто рисует либеральная, и мы увидим, что крестьяноведение Виноградского в обоих случаях не ко двору. Оно

ни антикулацкое, ни тем более прокулацкое: «Нет, этот дискурс просто устраивается поодаль, находится в сторонке от прогрессистско-преобразовательного свербежа... Жизнь в нем не производится в ступенях и формациях, планомерно завершаясь и затвердевая в очередных ее этапах, но длится, длится и длится. И это ее движение естественно вмещено в безмятежные (точнее говоря, лишённые педалированной истерики) по настроению дискурсивные форматы натуральных крестьянских миров, подчиненных (особенно в поколении “крестьянских отцов”) цикличному движению исхоженной природной округи, маленькой родимой земли» (с. 114). В книге есть еще немало таких вот принципиальных положений, которые невозможно сформулировать в рамках обычного интеллигентного комментирования крестьянских мемуаров. А возможно только, на пределе интеллектуальных и духовных сил вглядевшись, вслушавшись, буквально вжившись в эти специфические источники для историков и социологов, как это делает в «Голосах снизу» В.Г. Виноградский.

Теперь попробую объяснить, что мне категорически не нравится в слове «дискурс», которое используется в авторском тексте настолько часто, что невольно возникает странное ощущение присутствия в книге еще одного героя наряду с деревенскими собеседниками автора. В октябре 1995 года на заседании теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» шло обсуждение монографии «Повстанцы во имя царя»⁷, где во главе угла — некоторые важные мировоззренческие особенности российских крестьян первых пореформенных десятилетий. Желая сделать для присутствующих более понятной суть своей исследовательской задачи, американский историк Дэниэл Филд, прекрасный знаток русского языка и русского крестьянства, счел уместным в своем выступлении упомянуть, что многие историки на Западе стали пользоваться термином «дискурс», и пояснил, какие смыслы они в это вкладывают, отметив: «Мне повезло, что этого термина не было в обиходе 20 лет назад»⁸. Мол, если бы тогда широко бытовало представление о том, что существует некий «крестьянский дискурс», это весьма затруднило бы внятное описание столь сложного социально-психологического явления, как «наивный монархизм». И даже такое, казалось бы, ироничное словоупотребление не осталось незамеченным. «На мой взгляд, — сказал тогда участник дискуссии, специалист по истории китайского крестьянства Феликс Борисович Белелюбский, — предпочтительно избегать гнетущих слов типа “парадигма” или “дискурс”»⁹. Как будто предвидел, каких масштабов достигнет через некоторое время вторжение

7. *Field D.* (1976). *Rebels in the Name of the Tsar.* Boston.

8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. (2015). М.: Политическая энциклопедия. С. 484.

9. Там же. С. 492.

одного из этих гнетущих слов в русскоязычные обществоведческие тексты. Готовя этот отзыв на книгу, я много всего прочитал в попытке понять, *зачем*. Так и не понял, вернее, отказываюсь понимать. Особенно по прочтении романа В. Пелевина «*Empire V*», о котором сказано: «Если вкратце — тут утверждается, что в основе мироздания лежат гламур и дискурс, причем и то и другое иллюзия»¹⁰. Впрочем, все это (по поводу «дискурса») не более чем мысли изреченные, а потому предвижу самую уничтожающую критику по их адресу и могу только приветствовать.

Заключительная часть «Голосов снизу» называется «Дискурсы “детей”», и это отличное решение — собрать под одной книжной обложкой житейские повествования двух разных поколений коренных сельчан. «Отцы» сохранили в памяти коллективизацию, войну, послевоенную жизнь в колхозах. У «детей» лучшие годы жизни пришлось на благополучие «застоя», беспощадное крушение колхозов «младореформаторами», а затем — крушение связанных с этим собственных надежд и иллюзий. Повторюсь, для историка аграрных отношений в нашей стране добросовестная работа с такого рода источниками предполагает существенную корректировку привычных методологических подходов. Однажды, рецензируя монографию о крестьянских жизненных практиках¹¹, я уже подчеркивал, что при этом взгляд фокусируется на сложной системе взаимоотношений между крестьянским двором и общественным хозяйством, оставляя на периферии обычную трескотню о социализме, капитализме и мелкобуржуазности¹². Иван Васильевич Цаплин, 1914 года рождения, помнил коллективизацию, которую авторитетный японский историк назвал наиболее политизированной страницей истории СССР — как в России, так и на Западе¹³. Сохранили свои воспоминания об этом и другие герои «Дискурсов “отцов”». Комментарий В.Г. Виноградского, сопровождающий рассказ Ивана Васильевича, выглядит одинаково подходящим ко всем трем этим воспоминаниям: «Никаких особенных ужасов в строе повествования не просматривается. А ведь именно в это время, в начале 1990-х, в российской публицистике (как печатной, так и телевизионной) можно было наблюдать некую эшелонированную трагедийность, развернутые в подробностях драмы крестьянских корчевок [так собеседники Виноградского называли раскулачивание. — В.Б.], в конечном счете искалечивших крестьянские миры России. Эта исто-

В.В. Бабашкин
Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского

10. *Кронгауз М.* (2009). Русский язык на грани нервного срыва. С. 171.

11. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.А.* (2013). Крестьянские жизненные практики, 1991–2012. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ.

12. *Бабашкин В.В.* (2015). Морально-аморальная экономика // Российская история. № 4. С. 184–188.

13. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 643.

рическая правда подавалась, как правило, в ее весьма раскаленном, разгневанно-клеймящем облике. И все мы каждодневно наблюдали эти журналистские проклятья сталинскому режиму. Совсем иначе коллективизация выгладит в дискурсе натуральной крестьянской повседневности. Это, надо полагать, вовсе не следствие прости-тельной человеческой забывчивости. Здесь, как мне кажется, не-ясно просвечивает загадочный феномен социального равнодушия, исторической терпеливости и даже бесчувственности к драматиче-ским поворотам бытия» (с. 82-83).

**When the uttered thought is true, or the peasant studies
of Valery Vinogradsky**

**Vinogradsky V.G. "Voices from Below": Discourses of Rural Every-
day Life. Moscow: Publishing House "Delo"; 2017. — 320 p.**

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail:
vbabashkin@ranepa.ru.

Вологодский лад. IV Всероссийские Беловские чтения

К.В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, Москва, 119017, Старомонетный пер., 29.
E-mail: xsenics@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-183-188

С 23 по 25 октября 2017 года в Вологде прошли IV Всероссийские Беловские чтения — конференция, посвященная памяти замечательного писателя-деревенщика Василия Ивановича Белова. В этот год ему могло бы исполниться 85 лет, поэтому программа конференции была необыкновенно насыщенной. Непосредственно чтения предвляла «Беловская неделя» — цикл мероприятий, проходивших в различных учреждениях Вологды: образовательные и дискуссионные площадки по произведениям В. Белова в школах и колледжах регионального центра, выставка в областной универсальной научной библиотеке, «Малые Беловские чтения» — однодневная конференция для школьников и другие.

В первый день конференции подводились итоги литературного и творческого конкурсов, прошла презентация специального номера журнала «Литература в школе», посвященного В. Белову. В этот же день на нескольких площадках проходил литературный марафон «Читаем Белова», а вечером в Вологодском драматическом театре состоялся памятный вечер.

Во второй день конференции началась работа тематических секций, предвлявшаяся серией пленарных докладов. Набор тем, объединивших участников Беловских чтений, поражает: болгарские коллеги изучали связи Василия Белова с Болгарией, литературные критики проводили параллели между творчеством Белова и Шолохова, историки рассматривали зооморфный код в его творчестве, а филологи — крестьянскую смеховую культуру. Много докладов было посвящено разбору отдельных рассказов Василия Белова, особенностям его языка, социологии повседневности, столь рельефно проступающей в его творчестве. В рамках отдельной секции рассматривалось творчество современных писателей Вологодской области и современников Белова.

В отличие от прошлых лет, когда проводились первые конференции памяти В.И. Белова, Беловские чтения 2017 года были до-

полнены еще одним направлением — обращением к проблемам социально-экономического развития села, ведь перспективы вологодской (да и российской в целом) деревни очень волновали писателя на протяжении всей жизни. Поэтому третий день конференции проходил на базе Вологодского научного центра (ВолНЦ) РАН — сравнительно новой структуры, объединившей на волне современных реформ ФАНО Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) в Вологде и Государственную молочно-хозяйственную академию им. Верещагина (ВГМХА) в селе Молочном, административно подчиненном региональному центру.

Перед началом пленарного заседания желающие могли посетить музей истории Академии и Вологодского масла (это — более старый и аутентичный музей, хотя совсем недалеко от ВГМХА в архитектурно-этнографическом музее Семенково открылся еще один музей Вологодского масла). Большая часть экспозиции посвящена Н.В. Верещагину — брату знаменитого художника-баталиста и изобретателю Вологодского масла. Его роль в формировании масло- и сыроделия в России гораздо весомее, чем поиск технологии производства масла с тонким ореховым привкусом. Он наладил производство специальной луженой посуды, содействовал импорту швейцарских и французских сепараторов, разработал проекты небольших типовых сельских маслозаводов, организовал передвижные образцовые маслодельни, инициировал проведение молочно-хозяйственных выставок. Н.М. Верещагин, хотя и не являлся теоретиком крестьянской кооперации, способствовал созданию крестьянских артельных сыроварен, получая ссуды Вольного экономического общества и земских общин. Он открыл школу молочного скотоводства в Корчевском уезде на Волге и содействовал подготовке кадров в нескольких губерниях. Верещагина беспокоили даже тарифы на железнодорожные перевозки масла, он вел переговоры с владельцами железнодорожных компаний, под его контролем разрабатывались первые в России изотермические вагоны.

Сотрудники ВГМХА переживают, что такому человеку в России не поставили ни одного памятника (в отличие от Михаила Калашникова, памятник которому был открыт в Москве незадолго до начала конференции). По иронии судьбы, даже могила Н.М. Верещагина не может стать памятным местом: она, как и дом Верещагиных, находившийся в Череповецком уезде, оказалась на дне Рыбинского водохранилища. А на дне Иваньковского водохранилища в Тверской области — школа молочного скотоводства, которой он посвятил много лет.

Не только отсутствие памятника Н.М. Верещагину обращает на себя внимание при посещении села Молочное. Состояние большинства корпусов молочно-хозяйственной академии если не аварийное, то ветхое — точно. Главный корпус в стиле северного модерна, напротив которого планируется когда-нибудь установить памятник главному адепту отечественного сыроделия, закрыт

на капитальный ремонт, сроки которого постоянно сдвигаются. Корпус, где проходили Беловские чтения, построен уже в послевоенные советские годы, и он также требует ремонта. При этом ВГМХА — один из ведущих вузов по подготовке специалистов сельского хозяйства. Уровень подготовки здесь остается весьма неплохим, о чем красноречиво свидетельствуют показатели продуктивности молочного хозяйства Вологодской области — максимально высокие в стране, и не только в силу исторической специализации и природных предпосылок, но и благодаря квалифицированным специалистам, выпускникам академии.

Пленарное заседание открывал доклад патриарха сельской социологии Жана Терентьевича Тощенко. Доклад был посвящен обзору недавно вышедшей под его редакцией монографии «Смыслы сельской жизни»¹. Как и в первых главах книги, в докладе автор стремился анализировать смыслы сельской жизни посредством количественных методов в социологии, то есть данных массовых опросов.

В его подходе к изучению сельской местности есть черта, которая видится отдельным исследователям современной сельской местности несколько архаичной — это представление о приоритете аграрной функции сельской местности и необходимости доминирования аграрной занятости среди сельского населения. О том, что лишь 27% жителей села имеют сельскохозяйственную занятость, автор говорит с теми же драматическими нотами, как и о 25 тысячах деревень без постоянного населения (хотя их вовсе не стоит списывать со счетов, памятуя о чрезвычайном распространении сезонного проживания в сельской местности и превратностях российской статистики). В современных исследованиях сельской местности много внимания уделяется смене функций села, растет значение селителной функции. А то, что все меньше сельских жителей вовлечены в аграрное производство, — это уже знакомый путь большинства развитых стран мира. Возможно, автор сокрушается об утрате крестьянской культуры и раскрестьянивании, о чем писал и В.И. Староверов, но изучение этой стороны сельской жизни требует не количественных, а качественных социологических и антропологических методов.

В докладе Ольги Борисовны Глезер (Институт географии РАН) основное внимание уделялось организации муниципального самоуправления как фактору развития сельских территорий. На примере соседних Вологодской и Ярославской областей автор показывала ход территориальных преобразований сетки низовых ячеек самоуправления — сельских поселений. Если в Вологодской области количество сельских поселений в 2006 году, когда началась

1. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) (2016) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

реализация 131-ФЗ, примерно соответствовало количеству сельсоветов, то в Ярославской области сельских поселений было образовано сразу в 4 раза меньше, чем сельсоветов. Такая радикальная мера уберегла от последующих болезненных процессов укрупнения, которые непрерывно идут в большинстве муниципальных районов Нечерноземья. В 2017 году волна укрупнений прокатилась и по Вологодской области, что непременно повлечет за собой очередной виток пространственного сжатия освоенного пространства. В упраздненных сельсоветах быстро закрываются школы, ФАПы, уезжает трудоспособное население.

Поражает, что при чрезвычайном разнообразии систем сельского расселения в России всем территориям навязываются одинаковые принципы формирования низовых ячеек самоуправления. В нынешний период реформ исходят из того, что в одном сельском поселении должны проживать не менее 1000 человек (принцип «нарезки» сельсоветов — пешая доступность центра — уже неактуален). Соблюсти новый принцип на юге России, где станции насчитывают тысячи и даже десятки тысяч жителей, — нетрудно, но как быть с мелкоселенным Нечерноземьем, где 1000 сельских жителей рассредоточена по десяткам небольших деревень, удаленных друг от друга на десятки километров? Новые сельские поселения становятся аморфными и неуправляемыми, периферия растет. Автор предлагает выработать более гибкие критерии к нормативам формирований сельских поселений и учитывать некие разумные площади, которые способны обслуживать новые центральные пункты.

Доклад ректора ВГМХА Н.Г. Малкова прошел в форме своеобразного диалога с Василием Беловым. Он подтвердил прогнозы писателя о неизбежной модернизации сельскохозяйственного производства, заодно упомянув о направлениях подготовки молодежи в академии. Утешая писателя, волновавшегося за судьбу малых деревень при повсеместном укрупнении сельскохозяйственных предприятий, ректор академии рассказывал о программах поддержки малых форм хозяйствования в Вологодской области.

В отличие от непринужденного диалога Малкова с Беловым, доклад д.э.н. Т.М. Усковой (ВолНИЦ РАН) представлял собой структурированный анализ современного социально-экономического развития вологодского села в сравнении с другими регионами. Немного удивляет, что докладчик, как и другие сотрудники ИСЭРТ, сопоставляет показатели развития Вологодской области исключительно с данными по регионам Северо-Западного федерального округа. Границы федеральных округов вызывают у специалистов долгие дискуссии, поскольку они нередко противоречат историческим связям и природным границам, поэтому непонятно, почему при проведении территориального анализа необходимо привязываться именно к ним.

Так, Вологодская область — регион с очень неплохими для Нечерноземья показателями развития сельских территорий — в со-

поставлении с другими областями и республиками Северо-Запада выглядит весьма скромно. Это не удивительно, поскольку примыкающая к Санкт-Петербургской агломерации Ленинградская область заведомо будет выгодно отличаться динамикой сельского населения, а индустриальные методы ведения сельского хозяйства в Ленинградской области и самых северных регионах (Мурманской области, Республике Коми) приводят к более высоким показателям продуктивности, чем в Вологодской области.

Докладчик отметил характерную для всех регионов Нечерноземья дальнейшую поляризацию освоенного пространства и рост производства в районах-лидерах (в пригородных Вологодском и Череповецком, лежащими между ними Шекснинском и Грязовецком) при спаде производства на периферии области. В то же время наблюдается постепенный перелом негативных тенденций, и даже повсеместное сокращение площади обрабатываемых угодий постепенно сменяется небольшим ростом, что внушает оптимизм, как и продолжающиеся мероприятия по региональной и федеральной поддержке села.

Дальнейшая работа конференции была выстроена в формате заседаний по секциям. Доклады на секции «Социально-экономические аспекты развития села» носили в целом прикладной характер. Рассматривались вопросы сохранения холмогорской породы коров, перспективы расширения использования гороха в кормопроизводстве и другие вопросы совершенствования молочной отрасли. Необычным показался доклад об интродукции европейского зубра в рамках современного увлечения «зеленой экономикой». Несколько докладов было посвящено перспективам аграрного сектора области в целом, рассматривались кадровые вопросы и финансовое состояние предприятий области.

Секция «Социокультурные аспекты развития села» включала в себя доклады, посвященные непосредственно сельским жителям. Экономисты фокусировались на демографических процессах в сельской местности, инфраструктурном оснащении села и количественном измерении социокультурных характеристик сельских жителей. В докладах социологов больше внимания уделялось социальному капиталу села, поднимались вопросы отчужденности сельских жителей.

Большинство представленных на секции исследований опирались на материалы различных социологических опросов. Опросы проходят регулярно, а круг вопросов и целевые группы чрезвычайно разнообразны. Социологи и экономисты из ВолНИЦ РАН изучают и укорененность сельских жителей, и их приоритеты (например, пытаясь узнать, что бы люди выбрали: экологически чистую среду при отсутствии стабильного заработка или высокие зарплаты при работе на вредном производстве), свыше 20 лет проводится мониторинг психического здоровья жителей Вологодской области. Проводятся тематические опросы для оценки социального капита-

ла жителей села, изучается территориальная идентичность и др. То, насколько исследователи внимательны к различным аспектам сельской жизни, вызывает желание ближе познакомиться с трудами вологодских коллег.

Отдельные выводы докладов вызывают недоумение, например исследователи полагают, что наиболее благополучной в демографическом отношении является Мурманская область, а худшая ситуация — в Вологодской и Архангельской областях. Безусловно, регионы Крайнего Севера, к которым относится Мурманская область, отличаются благоприятным соотношением демографических показателей в силу специфики населения (к сельской местности относятся военные городки, кроме того, ближе к пенсии жители северных территорий нередко переезжают в южные регионы), но само по себе сравнение сельского региона, расположенного за полярным кругом, со староосвоенными областями исторического ядра сельского расселения, пусть и лежащими на его периферии, выглядит странным.

Организаторы Беловских чтений по итогам конференции 2017 года решили сделать секцию, посвященную социально-экономическому развитию села, регулярной, чтобы ежегодно узнавать о течении сельской жизни на родине Василия Белова и в соседних регионах.

Vologda Lad. The Fourth All-Russian Belov Readings

Kseniya Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Staromonetny Per., 29. E-mail: xsenics@yandex.ru.

В поисках утраченных смыслов

С.И. Толстов, О.В. Усольцева

Толстов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, Муниципальное казенное предприятие Томского района «Технополигон», директор, Томская область, Томский район, п. Зональная станция, ул. Полевая, 23/1, shpakras@mail.ru

Усольцева Ольга Васильевна, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Гуманитарный лицей г. Томска, тьютор, г. Томск, пр. Ленина, 53, usoltseva-o-v@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-189-197

Рассмотрение судьбы сибирской деревни вне контекста спасительной для государства и общества идеи патриотизма неэффективно. Определение патриотизма как любовь к своему Отечеству, к своему народу не вызывает сомнений, однако для того, чтобы патриотизм перестал быть абстракцией, а стал объединяющим концептом будущего России, нужно выйти из ограничения только символически-пафосного звучания данного слова и наполнить его образным и функциональным содержанием. При этом безусловным предметом алгоритмизации патриотических побуждений является такая смысловая единица, как Родина. Отношение к Родине на эмоционально-чувственном и когнитивном уровнях выражается в предпочтении ее чужбине. Приемлемость данного постулата обусловлена идентификацией границ Родины, главным образом — внешних. Внешние границы Родины как некое препятствие могут и должны быть аналитической категорией, обуславливающей безболезненность осознания их только в том случае, когда индивидуум или социум находят для себя ответ на вопрос: «С чего начинается Родина», т. е. когда в системе координат текущей жизни фиксируется точка отсчета. Таким дедуктивным способом легко обосновывается государствообразующая работоспособность понятия «малая родина», без сопровождающего его в официальной риторике высокопарного стиля. А эмоционально-эвристическое восприятие кажущегося ограничения человека в его выборе зависит от меры понимания им общего хода вещей, от возрастной рационализации чувства собственного достоинства, проявляющегося в способности, но не обязательности противопоставления своего и чужого.

Альтернативы малой родине как осязаемому фактору среды, с которым человек и в природном, и в социальном плане не мо-

жет не считается, в обретении жизнеутверждающих смыслов нет. Поговорку «Где родился, там и пригодился» эмпирически-интуитивно опровергнуть нельзя, ее, как правило, ернически девальвируют в глазах абстрактных гуманистов, не «заземленных» и тем самым не выдерживающих высокого напряжения патриотического выбора. Поскольку в нашей стране в советский период произошло скорее окрестьянивание города, нежели подлинная урбанизация, сельское краеведение на современном этапе может и должно быть начальным алгоритмом в операционализации понятия «патриотизм» и адекватной точкой входа в историю как область знания и приоритет управления обществом, призванные сформировать устойчивое, иерархичное предпочтение своей Родины у подрастающего поколения не столько на географическом, а преимущественно на духовном уровне. Можно утверждать, что сегодня интерес к прошлому сельских населенных пунктов и месту и роли своих фамилий в истории родного края пробуждается и у социализированного среднего и старшего поколения, и у молодежи подобно тому, как это наблюдалось в 1920-е годы.

В качестве площадки, на которой уже второй год встречаются томские историки и краеведы, занимающиеся соответствующей тематикой, выступили традиционные для Томска уже XXVII Духовно-исторические чтения памяти Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. 17 мая 2017 года была проведена краеведческая секция «Судьбы томских деревень: от первых казачьих поселений до современного села». Секция собрала представителей научной, педагогической и культурной общественности, учащихся из городов и сел Томской области.

Организацию и тематическое наполнение секции в инициативном порядке осуществили авторы данного обзора. В таком формате мероприятие организуется уже второй год. В течение последнего года инициаторами конференции велся своеобразный мониторинг сельского краеведения среди школьников, для которых проводятся всевозможные конкурсы и конференции. Школьники на такую работу с ними охотно откликаются. Видимо, статистически краеведческая тематика в исследовательской практике, в том числе и школьников, уже достаточно представлена, и сейчас необходимо сконцентрировать внимание на предметно-содержательной стороне краеведческих материалов. К сожалению, приходится констатировать слабый уровень и детских, и взрослых исследований. Основаны они, как правило, на узком круге источников, часто содержат отрывочные сведения об объекте исследования, почти не предлагают качественных интерпретаций описываемых в работах событий, содержание их плохо коррелируется с историей страны, нередко работы тенденциозны в идеологическом отношении. Отчасти это объясняется тем, что нишу запроса на краеведческую информацию заполняют преимущественно краеведы-любители, которые еще не овладели всем познавательным теоретико-методологическим

инструментарием исторической науки, к примеру, современными концепциями аграрного развития. Образовавшийся провал между локальной историей и сельским историческим краеведением, несомненно, нуждается в преодолении. Мы сочли целесообразным собрать на одной площадке краеведов-любителей, специалистов историков и школьников и, наряду с решением общепринятых для конференций задач, смоделировать взаимный обучающий эффект.

С приветственным словом к участникам конференции обратился куратор секции священник Андрей Самков. Он обратил внимание на то, что желание поговорить о деревне, о ее современном состоянии, о ее прошлом возникло в том числе и из среды казачества, потому что сегодня казаки, наверное, одни из немногих, кто размышляет о возрождении той общности и общины, которая существовала у нас до революции. Сегодня один из показателей слабого общества — его разобщенность. Традиционно исторически наша страна жила разными общинами, была церковная община, была община казачья, была община поселенческая, народ сам управлял своим местом проживания. Во многом это — оплот стабильности общества, и важно усвоить уже сложившийся исторический опыт. Также отец Андрей говорил о важности публикации результатов краеведческих исследований в виде книг и статей, чтобы сохранять и передавать это знание потомкам. Сейчас же распространена ситуация, когда немалое количество людей на протяжении многих лет, каждый сам по себе, глубоко и успешно исследует свою родословную и историю родных мест, но никак обществу ее не представляет. Не делают это по разным причинам: нет денег для публикации книги, нет навыка представлять результаты своих исследований, либо просто человек не думает, что его изыскания будут интересны кому-нибудь.

Непосредственно казачьему вкладу в историю заселения территории ныне Томской области был посвящен доклад кандидата исторических наук О.В. Усольцевой («Казачьи населенные пункты Причудымья в XVIII веке»). Автор акцентировала внимание на успешности освоенческой деятельности казаков, значительном вкладе их в заселение и хозяйственное освоение территории Причудымья. Причудымье — часть Томской области, проникновение и закрепление русских людей на которой было сопряжено с военными действиями. На томских казаков на протяжении XVII — начала XVIII века была возложена государственная миссия оборонить чудымских татар от набегов воинственных енисейских киргизов, которые жестоко мстили за то, что с ними были порваны даннические отношения и взяты обязательства платить ясак русскому царю. На стратегически выгодных местечках в бассейне рек Яя и Чулым образовывали острожки, из которых осуществляли окрестный дозор. Военный форпост в связи с тем, что казачество к середине XVII века уже должно было самообеспечиваться, сразу обростало крестьянскими дворами. Несмотря на то что казаки как занимающиеся сельским хозяйством к концу царствования Петра

И утратили свой служилый статус, были записаны в государственные крестьяне, социокультурно деревенские жители еще на протяжении нескольких поколений идентифицировали себя казаками, именуясь в ревизских сказках «казачьими детьми». Особенностью этих населенных пунктов было то, что места под них были выбраны во всех отношениях удачно: с точки зрения безопасности, экологии, богатства ресурсной базы. Население изначально было нацелено на оседлость, между деревнями сразу же стала формироваться корпоративно-солидарная сеть, исторически сложились взаимоприемлемые лояльные отношения с аборигенами. Сельская поселенческая сеть в период своего формирования в официальной документации обозначалась как «Яйский (Чулымский) стан». Своеобразным позитивным историческим последствием вклада казаков в заселение и хозяйственное освоение Причулымья стала практически полная сохранность до нынешних дней основанных ими населенных пунктов.

Большинство докладчиков подготовили выступления, посвященные истории отдельных сельских населенных пунктов Томской области. Это доклады краеведов Л.Е. Устинова («История исчезнувшей деревни Дунаево Колпашевского района»), С.Р. Кереджи-оглы («Я домой вернулся в никуда» — Рабочем поселке на Васюгане), М.И. Пахоруковой («Пройти по Самуськам и восхититься»), Т.Ф. Анисимовой («История забытой деревни Гортоп Томского района»), Н.И. Михайлиной («Из истории села Вороно-Пашня Асиновского района Томской области»), О.М. Реук («История деревни Большие Ключи»), историка-краеведа Н.Г. Монголиной («История с. Каргасок Томской области»), школьников Алины Сташкевич (научные руководители В.П. Воробьева, Ю.А. Мартыненко) («Нет на карте Бурбино»), Дианы Мерзляковой (научные руководители В.П. Воробьева, Т.А. Ворошкевич) («Была такая деревня»), Ивана Плотникова (научные руководители Т.Ю. Назаренко, Д.В. Скуратов) («По улицам исчезнувшей деревни»).

Несмотря на объективно разный уровень содержательности и методологической оснащенности докладов, во всех них в совокупности выгодно обращает на себя одно обстоятельство. Авторы, следуя за собранным ими локальным фактическим материалом (воспоминаниями жителей, газетными статьями, архивными материалами, устоявшимися мнениями и оценками прошлого среди односельчан), демонстрируют другое, уже менее ангажированное, менее политизированное отношение к описываемым событиям. В первую очередь это относится к таким сложным и неоднозначным сюжетам, как, например, коллективизация и спецпереселения в Сибирь. Кратко характеризуя трагические обстоятельства появления их семьи в Нарымском крае, автор одного из докладов С.Р. Кереджи-оглы основное повествование посвящает строительству поселков, обустройству быта спецпереселенцев, трудовым подвигам жителей поселка и тому, как колхоз драматично и тяжело создавался в 1930-е

годы и как его, вопреки несогласию жителей поселка, реорганизовали в начале 1950-х в ходе кампании по укрупнению колхозов. С гордостью констатирует автор осуществленное ими освоение земель стратегически важных территорий, описывает виды хозяйственной деятельности и производимую ими продукцию. При этом в повествовании не содержится обиды и желания мести за трагические события тех лет, а чувствуются боль и беспокойство за свою страну здесь и сейчас, сегодня.

Доклад профессионального историка Н.Г. Монголиной стал для аудитории образцом того, каким должно быть краеведческое исследование в научном плане. Доклад выгодно отличается вниманием автора к причинно-следственным связям описываемых событий из истории села Каргасок, изображением истории населенного пункта в контексте истории страны. Как бы ни показалась такая оценка банальной для профессионального исторического сообщества, но сегодня далеко не все краеведческие доклады интересны кому-нибудь, кроме тех, чья жизнь связана с описываемой деревней. Демонстрация понимания логики исторического процесса наделила автора правом быть поучительной для подрастающего поколения. Доклад по-настоящему оказался востребованным за счет того, что в нем на материале одной деревни показано, что происходило в стране в описываемый период.

Во многих докладах выгодно прозвучала тема человека, личности в истории села. Ведь очевидно, что востребованной, интересной история населенного пункта не будет, если не будет в ней истории судеб человеческих, рассказа о людях: простых тружениках и знатных людях на селе. Писать о них могут только свои люди — их потомки. Речь идет о родословной, которая интегрирована в историю села, — это так же делает историю села интересной, как историю страны. Этой теме был посвящен доклад ученицы 10-го класса Первомайской школы (с. Первомайское Первомайского района Томской области) Марии Манойловой (научные руководители В.П. Воробьева, Т.А. Воронкевич) «*Всякий человек есть история*», который на первый взгляд был о хорошем человеке Черкасове Викторе Семеновиче, бывшем на протяжении 41 года главным врачом Первомайской районной больницы. Но на самом деле это доклад о первомайском здравоохранении, о Первомайском районе в целом. Что касается Черкасова, то этот замечательный человек благодаря своему непререкаемому авторитету способствовал достижению благородных социально значимых целей на территории, был своего рода институцией развития. И дорогого стоит умение это разглядеть и об этом рассказать.

В докладе ученицы 9-го класса той же школы Полины Туркасовой (научные руководители В.П. Воробьева, О.М. Таслунова) «*Жемчужина Причулымья*» речь шла о галерее искусств — достопримечательности села Первомайское, созданной на основе коллекции уроженца Первомайского района Николая Васильевича

*С.И. Толстов,
О.В. Усольцева*
В поисках утраченных смыслов

Витрука (доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, судья Конституционного суда РФ). Сейчас галерея — важное для общественной и культурной жизни села место, но примечательно, что автор доклада говорила не только о создании и работе галереи, но и об этом статусном, уже давно столичном человеке, который таким образом «вернул долг малой родине».

На секции в повестке также была тема распространения и использования краеведческих знаний как социальной технологии. Большой интерес вызвал доклад краеведа, директора Музея истории образования Томского района С.Ф. Вершининой, много лет успешно занимающейся организацией краеведческой работы школьников. Свой опыт она представила в докладе «Изучение родного края в рамках ежегодного районного конкурса «Мой дом — мое село». Этот конкурс проходит в Томском районе на протяжении десяти лет и зарекомендовал себя как эффективное средство распространения краеведческого интереса среди школьников. За время работы конкурса его участниками написано большое количество исследовательских работ, разработаны туристические маршруты, записаны воспоминания старожилов. К сожалению, как особо отметила Светлана Федоровна, далеко не все работы изданы (в силу отсутствия финансирования) и поэтому недоступны краеведческому сообществу и потенциальным читателям.

Опыт трансформации исторического знания в туристический бизнес в докладе «Возрождение утраченных и приемлемых в настоящее время традиционных образцов сельской культуры на примере социально-культурного проекта «Престольный праздник храма великомученика Георгия Победоносца села Ново-Кусково» представила специалист Управления культуры, спорта и молодежи администрации Асиновского района Е.С. Котова. Большая часть праздника проходила на территории расположенного в селе культурно-туристического комплекса «Сибирская усадьба Н.А. Лампсакова». Успешно функционирующий в Ново-Кусковском поселении культурно-туристический комплекс являет собой институт развития сельской территории, в том числе и за счет того, что апробирует на своей базе проведение серьезных культурных и научных мероприятий.

Опыт реализации проекта «Голоса сибиряков через семейные хроники и истории поселений к структурам гражданского общества и творческим индустриям», реализованный Асиновским краеведческим музеем, представила методист Центра культурного развития г. Асино А.А. Ткачук. В рамках проекта были проведены экспедиции на места, где раньше располагались деревни, установлены там памятные указатели, был создан сайт, на котором размещаются присланные бывшими жителями этих деревень семейные истории. Данная инициатива имеет особое значение, поскольку такая символизация сельской местности, вне всякого сомнения, обосновывает и укрепляет субъектность российской власти на фоне при-

тязаний глобалистов на сибирскую территорию как *terra nullius*. В связи с тем, что не только этот, но и добрая половина прозвучавших докладов была посвящена деревням уже исчезнувшим, участники секции обсуждали вопрос сохранения памяти о них, говорили, в частности, о необходимости повсеместной установки памятных камней, указателей, размещения в сети Интернет исторических справок об этих деревнях, доступных по геометкам. Для продуктивности и качества этой работы нужен эталон справки, выработать который применительно к Томской области еще предстоит, и многие из прозвучавших докладов будут хорошим подспорьем в этом деле. Такая работа тем более актуальна, что в нашей области до сих пор нет исторического справочника сельских населенных пунктов, а в «Энциклопедии Томской области», изданной в 2008–2009 годах, содержатся статьи только про районные центры и отдельные крупные деревни и села.

Модератор секции кандидат исторических наук С.И. Толстов в докладе «Современные концепции аграрного развития как методологический инструментарий для сельского краеведения» и комментариях к выступлениям констатировал сложность в условиях глобального урбанистического тренда и концептуальной неопределенности развития российского общества адекватной рациональной актуализации необходимости изучения историй деревень, особенно исчезнувших. Само по себе прошлое не имеет ценности, оно должно обслуживать потребности индивидуальной и коллективной идентичности. Краеведческой работе предстоит стать первичным инструментом выявления причин всего хорошего и плохого, что сопутствует нашей жизни сегодня. Отдельно он сосредоточился на возможной крестьяноведческой интерпретации озвученных сюжетов из истории деревень. Докладчик подробно проанализировал необходимость и возможность повышения методологического уровня краеведческих исследований, интеграции краеведения и локальной истории, познакомил участников секции с базовыми постулатами крестьяноведения, опытом их применения при изучении сельской истории Сибири. В его выступлении прозвучала мысль, и с этим согласились все участники секции, что современное краеведение нуждается в серьезном импульсе научного роста. Тому есть немало свидетельств. В частности, то, что уже много лет краеведы собирают, публикуют, анализируют воспоминания людей о прошлом, так называемую устную историю, и при этом неизбежно натываются на определенную ловушку — человеческую память не в одном поколении. Между тем в истории нашей страны был период, когда в передаче памяти из поколения в поколение возникли умолчания, то, о чем люди не хотели говорить, не хотели передавать своим детям, — это было больно, страшно, наконец, просто опасно. Теперь эти лакуны превратились в преграды для исследователей. Память нынешних пожилых людей не содержит достаточной исторической глубины проникновения. Актуальная зада-

С.И. Толстов,
О.В. Усольцева
В поисках утра-
ченных смыслов

ча в рамках ретроспективного анализа — восполнить эти пробелы, в том числе с помощью других источников. Воссоздание подлинных историй населенных пунктов историками и подготовленными краеведами позволит гармонизировать идейно противоречивые трактовки отдельных периодов российской истории в исторической науке. Что же касается школьников, то у них есть такой великолепный познавательный инструмент, как искренность и непосредственность восприятия жизни, благодаря которому они гносеологически не ограничены в адресации к историческим событиям парадоксальных вопросов. В преемственности поколений именно нынешние школьники выказывают огромный потенциал продуцировать новое знание в сельском краеведении.

Полемизируя по ходу конференции, по понятным причинам именно взрослые участники вышли на глубокий рефлексивный уровень, послуживший эмоционально-эвристическим эффектом для мировоззренческого роста школьников. Ведь они наблюдали такой неподдельный интерес взрослых к своим корням, такую озабоченность современными проблемами, что органически не впитать их невозможно. Не просто присутствие, а действительное участие детей в конференции лишили поведение взрослых какого-либо менторства в отношении детей. Модератор, будучи строгим в своих научных по-взрослому комментариях к докладам школьников, порождал мощнейшую эмпатию старшего поколения, что, как говорится в таких случаях, и требовалось доказать.

Резюмируя итоги работы секции, ее участники недоумевали по следующему поводу. Назначенным субъектом управления сельской краеведческой работой является централизованная библиотечная система, с 2005 года краеведение стало индикатором оценки качества работы муниципальных библиотек. Библиотеки серьезно продвинулись в создании библиографических сервисов и в популяризации уже имеющихся знаний. Однако данный субъект управления в нынешнем его состоянии не заинтересован в производстве нового, обладающего мировоззренческим эффектом знания, да и не располагает соответствующим кадровым потенциалом. Вместе с тем участники конференции констатировали, что возможен перехват управления этой сферой творчества людей со стороны деструктивных антигосударственных сил, которые продавливают идею об абсолютной параллельности и непересекаемости народной памяти и государственной памяти. В этой связи много говорили о том, что краеведам мало надеяться на то, что государство по-настоящему будет администрировать сельское краеведение. Ведь порой складывается ощущение, что сама индустрия поддержки сельского краеведения живет лучше, нежели все занимающееся краеведческими исследованиями сообщество. Нужно объединяться, укреплять связи, усиливать общение, создать ассоциацию краеведов, внутри которой будет полноценно, адекватно циркулировать информация, осуществляться рост методического и научного уров-

ня краеведческих исследований, будет налажена работа по публикации результатов исследований в печатном виде и в сети Интернет. Нужно становиться структурой гражданского общества, с тем чтобы организованно адресовать методологический запрос к профессиональному историческому сообществу, а с властью, которая предрасположена к избавлению от функций управления общественными институтами, входить в партнерские отношения. Во многом сходились в том, что в части осмысления перспектив дальнейшей работы, важно самосохраниться в своей гражданской позиции и творческих порывах, с тем чтобы устойчиво произошел межпоколенческий переход.

197

*С.И. Толстов,
О.В. Усольцева*
В поисках утра-
ченных смыслов

In search of the lost meanings

Sergei Tolstov, PhD (History), Head of the municipal public enterprise of the Tomsk Region "Tehnopolygon"; Tomsk Region, Zonalnaya Station settlement, Poleyaya St., 23/1. E-mail: shpakras@mail.ru

Usoltseva Olga, Tutor, Tomsk Lyceum of Humanities; Tomsk, Prosp. Lenina, 53. E-mail: usoltseva-o-v@mail.ru

Юбилей Натальи Ивановны Шагайды

Наталья Ивановна Шагайда работает в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации с февраля 2012 года. Она возглавляет научно-исследовательский Центр агропродовольственной политики Института прикладных экономических исследований. Под ее руководством и с непосредственным участием проводятся исследования по самым разнообразным темам: оценка результатов аграрной реформы, оценка уровней поддержки сельского хозяйства, направления совершенствования поддержки в АПК, ее адаптация требованиям ВТО, совершенствование земельного законодательства, разработка методики оценки уровня продовольственной безопасности, регулирование рынка продуктов, встраивание малого бизнеса в продовольственные цепочки, разработка методики выбора приоритетов поддержки в сельском хозяйстве и т.д.

В 1980 году Наталья Ивановна окончила с отличием экономический факультет Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева по специальности «Экономическая кибернетика». После окончания учебы была распределена на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства. В 1990 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Программно-целевое планирование зернопродуктового подкомплекса АПК», а в 2007 году — докторскую по теме «Организационно-экономические ограничения оборота земель сельскохозяйственного назначения». С 1991 года работала в Аграрном институте (после переименования — Всероссийский научно-исследовательский институт им. А.А. Никонова), созданном для разработки концепции, механизмов реализации аграрной реформы в России. На сегодня Н.И. Шагайда — член двух диссертационных советов (МГУ, Диссертационный совет Д501.001.08; и РАНХиГС при Президенте РФ, Диссертационный совет ДМ 504.001.01). Она возглавляет группу по земельным отношениям экспертного совета Комитета по аграрным вопросам Государственной Думы РФ, является экспертом Открытого Правительства. Через экспертный совет Комитета по аграрным вопросам ГД РФ, общественные объединения сельхозпроизводителей, Минсельхоз РФ она принимает участие в законодательной деятельности.

Главными научными достижениями Натальи Ивановны можно считать ее вклад в развитие теории исследования земельного рынка на основе сопоставления численных методов и институтов земельного оборота, введение в практику исследования

инструментов институционального анализа и методов включенного наблюдения для выявления рисков и ограничений земельного оборота. Ею была осуществлена систематизация и оценка уровня транзакционных издержек земельного оборота в сельском хозяйстве, обоснование влияния транзакционных издержек на активность и особенности перераспределения сельскохозяйственных земель между собственниками и пользователями; разработка методов государственного регулирования вовлечения сельскохозяйственных земель под застройку с целью сохранения плодородных земель в сельском хозяйстве.

Научная деятельность Н.И. Шагайда имеет международное признание. Ее научные публикации активно цитируются в зарубежных журналах, она является членом Европейской ассоциации экономистов-аграрников, членом экспертной группы по сельскохозяйственной торговле и торговым барьерам при ФАО, а также ежегодно участвует в подготовке обзоров аграрной политики по России Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), имеет публикации в зарубежных научных журналах и изданиях. Всего к настоящему времени ею написано 187 работ — монографий, препринтов, брошюр, статей.

Но важнейший практический результат ее деятельности, по нашему мнению, это защита прав крестьян на земельные доли. Полученные при приватизации ваучеры канули в Лету, а в счет земельных долей миллионам крестьян выделены земельные участки или выплачивается арендная плата. И в этом немалая заслуга юбиляра.

От всей души поздравляем Наталью Ивановну с юбилеем! Желаем творческих успехов и долгих плодотворных лет деятельности на благо российской науке.

Василий Якимович Узун

Крестьяноведение

2018. Том 3. № 1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 26.03.2018. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 437.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

9 772500 180018

РАНХиГС
РОССИЙСКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ